

M120261

63.5

K 50

ХЕРСОНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА.

Дирекція покорнѣйше проситъ г. г.
читателей:

а) Обращаться съ книгами, составляющими общее достояніе по возможности бережно.

б) При требованіи книгъ писать на карточкахъ нѣсколько номеровъ, обозначая при этомъ и отдѣлъ.

в) Во избѣжаніе недоразумѣній, случающихся при взысканіи библиотечнаго штрафа за порчу книгъ, — проецировать таковыя при полученіи ихъ отчеты.

PK

24

ku-ka v
pegrag

1938

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ПОПУЛЯРНЫЯ ВЕСѢДЫ

Эдуарда Клодда.

Переводъ со 2-го англ. изданія съ 87 рисунками въ текстѣ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Время появленія человѣка. — Древній каменный вѣкъ. — Новый каменный вѣкъ. — Вѣкъ металловъ. — Заключение.

Цѣна 50 коп.

Всероссійская обществ.
библиотека
им. О. М. Горького

МОСКВА.

Издание магазина „Книжное Дѣло“;
Моховая, д. Бенкендорфъ.
1898.

78396
30125

M 1202613

12485
K1

9(11)

~~9 575~~

Дозволено Цензурою. Москва, 5 Сентября 1897 г.

Типогр. А. Г. Кольчугина, Волхонка, д. Михалкова.

ИСТОРИЯ ПЕРВОВЫТНАГО ЧЕЛОВѢКА.

ГЛАВА I.

Мѣсто человѣка въ исторіи земли.

Ни одна отрасль знанія не отличалась такимъ быстрымъ ростомъ за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ какъ та, которая обнимаетъ исторію развитія такъ называемаго «первовытнаго» человѣка. За два поколѣнія до нашего, изслѣдованіе рѣдко шло дальше тѣхъ источниковъ знанія, которыми являлись письменные документы, монеты, надписи и тому подобный матерьялъ. Правда, изрѣдка возбуждались толки о возможности существованія другихъ источниковъ, которые освѣтили бы намъ тѣ отдаленныя времена жизни человѣчества, о которыхъ исторія либо совсѣмъ умалчиваетъ, либо упоминаетъ лишь въ мифахъ и легендахъ.

По поводу «антикварныхъ изслѣдованій» Босвелль приводитъ слова Джонсона: «Все что дѣйствительно *извѣстно* о первоначальномъ состояніи Великобританіи умѣщается на немногихъ страницахъ. Мы *не можемъ* узнать больше того, что рассказали намъ старинные писатели». Это замѣчаніе принадлежитъ человѣку достигшему высшаго образовательнаго уровня больше чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ, новые источ-

ники, существованіе которыхъ онъ отрицалъ, были скрыты въ землѣ подь его излюбленнымъ Лондономъ. Даже въ то время какъ онъ это писалъ, въ Слоанскомъ музеѣ находилось грубо об-

Рис. 1.—Кремневое орудіе изъ Грейскаго Гостинничьяго переулка.

тесанное кремневое орудіе, найдено слоновымъ клыкомъ въ концѣ XVII столѣтія „противъ черной Маріи близъ Грейскаго Гостинничьяго переулка“ какъ разъ въ той улицѣ, гдѣ жилъ когда-то самъ докторъ Джонсонъ.

Но годы прошли, раньше чѣмъ было дознано, что эти и другіе, не скрытые въ землѣ, остатки относятся къ первобытной исторіи человѣка въ безконечно отдаленныя времена, когда человѣкъ вмѣстѣ съ исчезнувшими теперь въ этой мѣстности породами животныхъ населялъ долину Темзы.

Весьма немного времени тому назадъ учебники исторіи Англій начинались съ нашествія Юлія Цезаря.

Какъ эти учебники, такъ и историческія сочиненія болѣе серьезнаго характера умалчивали о томъ, какъ жилъ человѣкъ до этой эпохи. Кажется, историкамъ не приходили въ голову вопросы: были ли „древніе бриты“ коренными обитателями острова? Если нѣтъ, то кто же жилъ на немъ до нихъ? и если жилъ кто-нибудь, то не сохранились ли какіе остатки, по которымъ мы могли бы судить: были ли то люди, достигшіе извѣстной цивилизаціи, или варвары?

Все это теперь измѣнилось и къ лучшему. Возникла новая наука — наука о человѣкѣ. Другими словами: тотъ методъ, который примѣнялся къ изслѣдованію происхожденія живыхъ существъ вообще, примѣнили и къ человѣку. Человѣкъ перестаетъ быть исключеніемъ: его подводятъ подъ общее правило.

Огромный періодъ, о которомъ письменные источники не говорятъ намъ ничего, — такъ какъ онъ лежитъ внѣ области исторіи согласно нашему опредѣленію ея — мы называемъ „доисторическимъ“. Наше представленіе о немъ слагается изъ тѣхъ данныхъ, которыя намъ удастся добыть изъ руслъ древнихъ высохшихъ рѣкъ и озеръ, изъ могильныхъ кургановъ, кухонныхъ остатковъ, древнихъ сооружений и гробницъ.

Эти данныя послужили намъ матеріаломъ для изученія исторіи человѣка въ ту отдаленную эпоху, когда материкъ Европы простирался дальше Англіи и Ирландіи до Атлантическаго Океана и соприкасался во многихъ мѣстахъ съ Африкой. Всѣ эти источники ясно говорятъ намъ о существованіи человѣка въ ту эпоху. За послѣднее время много было собрано матеріала, который не только указываетъ на кровную связь между различными человѣческими расами, но также уясняетъ намъ положеніе человѣка въ ряду другихъ живыхъ существъ земного шара,

Поэтому изслѣдованіе исторіи человѣка не только вернуло насъ къ отдаленнымъ періодамъ, которые нельзя исчислить годами, но и отучило насъ смотрѣть на человѣка какъ на существо, стоящее особо отъ другихъ живыхъ существъ. Этому и добивается наука о человѣкѣ или „антропология“.

Нѣсколько элементарныхъ фактовъ помогутъ намъ уяснить себѣ положеніе человѣка среди животныхъ, населяющихъ землю.

Матеріальнымъ основаніемъ и носителемъ жизни является студенистое вещество, называемое „протоплазмой“; она заключается въ клѣточкѣ съ тонкими стѣнками. Каждое растеніе, каждое животное состоитъ изъ подобныхъ клѣточекъ; форма и устройство ихъ зависятъ отъ той цѣли, для которой онѣ предназначаются. Самые низшіе организмы состоятъ изъ одной клѣточки, которая совершаетъ всѣ отправленія, т. е. воспринимаетъ пищу и воздухъ, завѣдуетъ ихъ распредѣленіями, извергаетъ отбросы и реагируетъ на окружающую среду. Всѣ высшіе организмы состоятъ изъ многихъ клѣточекъ; послѣднія образуютъ различныя части организма; каждая часть завѣдуетъ своимъ отпра-

влениемъ. Эта система основана на раздѣленіи труда. Одноклѣточные размножаются дѣленіемъ, многоклѣточные — двойкимъ способомъ. Стоящія на низшей ступени развитія — соединеніемъ однородныхъ клѣточекъ; стоящія на высшей — болѣе сложнымъ слияніемъ разнородныхъ клѣточекъ: ядро мужской клѣточки, соединяясь съ зародышемъ женской, образуетъ сѣмя или яйцо, изъ котораго развивается клѣточка-дѣтенышъ, впоследствии подобная клѣточкамъ-родителямъ.

Позвоночныя — стоятъ во главѣ многоклѣточныхъ; млекопитающія, т. е. кормящія своихъ дѣтенышей молокомъ, — во главѣ позвоночныхъ, а отрядъ приматовъ — во главѣ млекопитающихъ.

Если представить себѣ весь животный міръ въ видѣ дерева, то приматы будутъ представлять собою верхнія вѣтви, а человѣкъ — верхушку. Это почетное мѣсто завоевалъ онъ благодаря нѣкоторымъ преимуществамъ своего сложенія, каковы: его способность стоять, выпрямившись, его руки, его способность говорить. Хотя непреходимая пропасть, лежащая между человѣкомъ и приматами обуславливается главнымъ образомъ болѣе объемистымъ и извилистымъ мозгомъ перваго, но это — скорѣе слѣдствіе, чѣмъ причина вышеупомянутыхъ его преимуществъ. И короткаго поясненія будетъ достаточно, чтобы установить: безъ вышеупомянутыхъ свойствъ не явилось бы такой разницы между мозгомъ человѣка и обезьяны.

Члены тѣла полезны раньше всего тѣмъ, что даютъ животному способность двигаться въ поискахъ за пищей. Эти движенія совершаются различными путями у низшихъ организмовъ, у позвоночныхъ же съ помощью двухъ паръ членовъ. У различныхъ животныхъ члены эти видоизмѣняются сообразно съ различными способами дви-

женія: напр. передніе члены у летучей мыши и птицы—приспособлены для летанія, у кита—для плаванія въ водѣ. Но и въ этихъ случаяхъ передніе члены остаются органами передвиженія.—То же самое явленіе мы замѣчаемъ у четвероногихъ и антропоидовъ. Правда, гиббонъ можетъ идти выпрямившись, но походка его колеблющаяся и развалистая: онъ привыкъ лазить, а его длинныя руки служатъ ему подмогой при его огромныхъ скачкахъ съ дерева на дерево. Другія крупныя породы обезьянъ могутъ принимать только полустоячее положеніе. Человѣкъ одинъ только можетъ стоять совершенно твердо и прямо; вотъ почему его передніе члены совершенно свободны, могутъ схватывать предметы, держать и кидать ихъ.

Измѣненіе, совершившееся въ устройствѣ пальцевъ и позволяющее противопоставлять одинъ или всѣ четыре пальца—большому пальцу, даетъ возможность пользоваться ими какъ крючками, или тисками, схватывать большіе и малые предметы и изучать ихъ на ощупь, изгибать ладонь въ видѣ чаши—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ руку совершеннѣйшимъ членомъ тѣла, безъ котораго человѣкъ не могъ бы управлять міромъ. Мы окончательно убѣждены въ громадномъ значеніи руки, когда лишаемся употребленія большого пальца. Хватательные органы нѣкоторыхъ животныхъ—слона, мартышки, попугая, двуутробки, — съ помощью которыхъ они могутъ брать предметы и узнавать что-либо объ ихъ свойствахъ,—возвышаютъ ихъ на ступеняхъ умственнаго развитія; но когда мы сравнимъ клешню и хоботъ съ человѣческой рукой, намъ станетъ ясно какимъ могущественнымъ двигателемъ являлась послѣдняя въ дѣлѣ человѣческаго развитія. Очевидно, что вертикальное положеніе вызвало различныя измѣненія въ сло-

женіи человѣка: утолщеніе костей ногъ, плоскую ступню, нѣсколько изогнутый спинной хребетъ и измѣненіе въ положеніи на немъ черепа. Это все характерныя особенности человѣка. Его способность ходить выпрямившись на двухъ ногахъ заставила его спуститься на землю съ дерева, на которомъ жили его предки. Новый образъ жизни принудилъ его войти въ сношенія съ окружающимъ міромъ. Ему приходилось вести непрестанную борьбу за существованіе, которая доставила ему господство сначала надъ врагами, а потомъ и надъ всей землей.

Что способность стоять приобрѣтена человѣкомъ сравнительно недавно, видно изъ того, что дѣти въ раннемъ возрастѣ нерѣдко ползаютъ на четверенькахъ — инстинктъ четвероногаго; мы всѣ предпочитаемъ сидячее положеніе стоячему. Нерѣдко и среди цивилизованныхъ народовъ большой палецъ ноги подвиженъ какъ у обезьянъ; китайцы плетутъ съ его помощью, а низшія расы могутъ схватывать имъ различныя предметы. Одно изъ блистательныхъ доказательствъ происхожденія человѣка отъ предка, лазившаго по деревьямъ: движенія утопающаго. Онъ барахтается въ водѣ, какъ бы стараясь вскарабкаться на безопасное мѣсто; протягиваетъ руки вверхъ, какъ бы хватаясь за воображаемую вѣтку. Способность человѣка къ членораздѣльной рѣчи сама по себѣ служить доказательствомъ человѣческой общительности. Языкъ всецѣло является результатомъ общественной жизни. Люди говорятъ, чтобы дѣлиться мыслями; одинокій человѣкъ не создалъ бы языка, потому что не имѣлъ бы въ немъ потребности. Животныя, живущія стаями, — выше другихъ по развитію: муравьи, пчелы, осы среди насѣкомыхъ; собака, слонъ и др. среди млеко-

питающихъ. Инстинктъ, заставляющій людей и обезьянъ жить обществами, унаслѣдованъ ими отъ ихъ общихъ предковъ, укрѣпленъ долгимъ опытомъ; онъ, на самомъ дѣлѣ, необходимъ для ихъ существованія и успѣшнаго воспитанія ихъ дѣтенышей.

Нормальное состояніе каждаго живого существа—будь оно низшаго или высшаго порядка—борьба за существованіе „Сильный побѣждаетъ слабаго“. Въ противоположность льву и другимъ животнымъ, обладающимъ большой мускульной силой, люди и обезьяны не имѣли могучихъ органовъ для обороны и нападенія и потому селились на деревьяхъ, гдѣ ихъ цѣпкія руки служили имъ хорошей подмогой. Ихъ безопасность заключалась въ быстротѣ ихъ движеній. Вынужденная живость движеній, какъ защита противъ болѣе дикихъ и свирѣпыхъ животныхъ, развила въ нихъ не только быстроту соображенія, но и чувство единства. Тотъ изъ нихъ, который обладалъ какимъ-нибудь преимуществомъ, какъ бы ничтожно оно ни было:—будь то особенность мозга, болѣе развитая чувствительность, большая гибкость переднихъ членовъ—тотъ пріобрѣталъ перевѣсъ въ жизненной борьбѣ сравнительно со своими менѣе одаренными товарищами; онъ передавалъ свои преимущества потомству и въ концѣ концовъ окончательно побѣждалъ соперниковъ. Такимъ образомъ можетъ быть объяснено преимущество родоначальниковъ человѣка надъ высшими родоначальниками породъ обезьянъ. Но, какъ у человѣка, такъ и у обезьяны социальныя отношенія установились благодаря зависящему положенію ихъ дѣтенышей. У низшихъ животныхъ дѣтеныши выводятся или рождаются вполнѣ развитыми и мало доставляютъ заботы родителямъ. Но у высшихъ дѣтенышъ

появляется на свѣтъ и нѣкоторое время остается вполне безпомощнымъ и всецѣло зависитъ отъ родителей. Эти условія вызываютъ ихъ воспитательныя заботы; безпомощность дѣтеныша развиваетъ въ нихъ нѣжность и любовь къ нему. Отсюда — развитіе общественныхъ отношеній. Начинаясь съ семьи, эти отношенія переходятъ на группы семей, которыя образуютъ въ свою очередь племена и народы. Чѣмъ дольше продолжается младенческій періодъ, тѣмъ развитіе животное; вотъ почему этотъ періодъ длиннѣе у человѣка, чѣмъ у обезьяны, а у послѣднихъ длиннѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ.

Теперь вѣроятно причины, вызвавшія развитіе членораздѣльной и даже нечленораздѣльной рѣчи, будутъ понятнѣе. Общественныя животныя сносятся между собою звуками, олицетворяющими извѣстныя понятія. Собака верѣдко понимаетъ то, что мы говоримъ ей, поэтому еще съ большей вѣроятностью можно сказать, что она пойметъ своего собрата по извѣстному лаю. Между языкомъ человѣка и языкомъ животныхъ — разница только въ степени. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего непостижимаго: способность разговорной рѣчи лежитъ въ мозгу и гортани; видоизмѣненіе этихъ органовъ произошло въ человѣкѣ еще въ младенческомъ періодѣ исторіи его развитія.

Что касается возникновенія членораздѣльной рѣчи, то римскій поэтъ Лукрецій дѣлаетъ остроумную догадку: «Природа побуждала человѣка производить языкомъ различныя звуки, а необходимость принудила образовать изъ нихъ названія предметовъ». Ибо, разлагая слово на части, мы убѣждаемся, что большая часть изъ нихъ — раздражаніе непосредственному крику или естественнымъ

звукамъ. Большая или меньшая употребительность словъ зависѣла оттого, насколько удачно они выражали данное понятие. Связь слова и мысли не представляетъ изъ себя ничего таинственнаго: только польза и необходимость соединили ихъ. Конечно, гримасы и тѣлодвиженія, которыя доселѣ въ такомъ ходу у дикихъ и экспансивныхъ племенъ, играли немалую дополнительную роль въ началѣ образованія языка.

Языкъ низшихъ животныхъ, такъ сказать, застылъ на ступени элементарнаго развитія; онъ непередаваемъ. Что касается человѣческой рѣчи, то она не только передаваема, но даже сохраняетъ съ помощью письменъ мудрость и опытъ одного поколѣнія для пользованія другого: дѣти исходятъ изъ того пункта, на которомъ остановились ихъ отцы, и въ свою очередь пополняютъ умственное мировое богатство. Такимъ образомъ языкъ является хранилищемъ мысли. Коснувшись лишь слегка (какъ позволяютъ намъ размѣры головы) преимуществъ человѣческаго строенія: устройства руки, вертикальнаго положенія, мозговыхъ способностей—мы, все таки, уяснили, быть можетъ, ихъ важное посредническое значеніе. Мозгъ, какъ задерживающій центръ, руководитъ отправленіями органовъ; безъ этого назначенія въ его складкахъ и извилинахъ не развилась бы, все возрастая и накопляясь, та могущественная способность, которая въ концѣ концовъ помогла человѣку покорить стихійныя силы природы.

Свойства мозга у всѣхъ животныхъ опредѣляются количествомъ его складокъ и извилинъ. Поверхность мозга у низшихъ позвоночныхъ, напр., у рыбъ,—гладка, объемъ его — малъ. Мозгъ мартишки какъ бы слѣпокъ человѣческаго мозга; если мы возьмемъ мозгъ обезьяны высшей по-

роды, то увидимъ, что подробности воспроизведены все съ бѣльшею точностью. Что касается вѣса мозга, то разница въ немъ больше между дикаремъ и цивилизованнымъ человѣкомъ, чѣмъ между первымъ и обезьяною высшей породы. Мозгъ человѣка обязанъ своимъ развитіемъ своей разнообразной дѣятельности; нервы, развѣтвляющіеся въ человеческомъ тѣлѣ, передаютъ ощущенія головному центру; послѣдній, заключенный какъ бы въ костяной футляръ, дѣлается все болѣе извилистымъ и морщинистымъ по мѣрѣ того, какъ нервы передаютъ ему свои впечатлѣнія, для которыхъ онъ служитъ хранилищемъ. Но мозговыхъ способностей, передачи ощущеній нервами, движеній рукъ — было мало: не доставало орудій и оружія. Человѣкъ воспользовался острымъ кускомъ кремня, которымъ можно было разрѣзывать предметы и убивать животныхъ. Съ этого момента начинается его движеніе на пути цивилизаціи. Сравнительно небольшой опытъ научилъ его цѣнить значеніе наиболѣе твердыхъ предметовъ, бывшихъ у него подъ рукою. Это открытіе не требовало большихъ приспособляющихся къ обстоятельствамъ способностей, чѣмъ тѣ, которыя выказываютъ животныя низшихъ породъ при выборѣ матеріала, пригоднаго для ихъ цѣлей. Боберъ возводитъ свои свайныя постройки тамъ, гдѣ его не могутъ настигнуть ни наводненіе; ни враги; прокапываетъ длинныя каналы, даже строитъ шлюзы, тамъ, гдѣ уровень воды дѣлаетъ первые безполезными. Портиной-птица, съ игловиднымъ клювомъ, сшиваетъ свое гнѣздо изъ листьевъ съ помощью волоконъ, спряденныхъ изъ паутины и кусочковъ хлопка; оса разжевываетъ куски дерева и изъ полученной массы строитъ свое жилище. Bower-bird вьетъ гнѣздышко изъ палочекъ, прутьевъ, цвѣтовъ и перы-

шекъ, гдѣ и живетъ со своею самошкою. Что касается муравьевъ, то каждый знаетъ какого изумительнаго совершенства достигли они въ своей общественной жизни (ихъ мозгъ поражаетъ, можетъ быть, своимъ устройствомъ больше, чѣмъ мозгъ человѣка!). Мы не должны забывать, что это высокое развитіе общественной жизни достигнуто имъ за много вѣковъ до появленія человѣка. Но все они только повторяютъ искусство своихъ предковъ, никогда не превосходя его.

Указавъ мѣсто человѣка въ исторіи развитія животнаго міра, попытаемся опредѣлить вѣроятное время его возникновенія.

ГЛАВА II.

Время появленія человѣка на землѣ.

Горныя породы, образующія земную поверхность, дѣлятся собственно на два класса: 1) неслоистыя породы или вулканическаго происхожденія и 2) породы слоистыя или образованныя водными осадками. Глубина первыхъ, старѣйшихъ по происхожденію---неизвѣстна; такъ какъ онѣ не содержатъ въ себѣ остатковъ растеній или животныхъ, то и ничего не говорятъ намъ о порядкѣ и соотношеніи животныхъ организмовъ. Осадочныя горныя породы, которыя однѣ только говорятъ намъ объ этомъ, дѣлятся на слѣдующія эпохи.

	На глубинѣ.	Типичныя растенія.	Типичныя животныя.
Первичная	136,000 ф.	Водоросли и папоротники.	Рыбы.
Вторичная	25,000 „	Хвойныя.	Пресмыкающіяся.
Третичная	27,000 „	Лиственные деревья.	Млекопитающія.
Четвертичная } и недавняя . . . }	500 „	Существующіе теперь виды.	

Животныя, заключенныя въ раковину, мягкотѣлыя, называемыя моллюсками, оказались наиболѣе полезными для классификаціи исторіи животнаго міра на землѣ, ибо они чаще другихъ организмовъ встрѣчаются въ наслоеніи каждой эпохи. Отсюда ихъ названіе: «азбука палеонтологіи».

Согласно съ этимъ третичная эпоха подраздѣляется на три системы: еоценовая (греч. *Eōs* — внизъ, и *kaínos* — ближайшая, или новая); міоценовая (греч. *meiōn* — менѣе) или менѣе новая; и пліоценовая (греч. *pleiōn* — болѣе) или болѣе новая. Иногда плейстоценовую эпоху (греч. *plei-stōs* — больше всего), иначе извѣстную подъ названіемъ по-третичной или четвертичной, причисляютъ къ третичной эпохѣ. Различныя названія указываютъ относительный процентъ раковинъ, найденныхъ въ наслоеніи каждой изъ вышеназванныхъ эпохъ.

Всѣ животныя, вѣроятно, гораздо древнѣйшаго происхожденія, чѣмъ ихъ самые древніе ископаемые остатки; уже въ триасскій или въ древнѣйшій періодъ вторичной эпохи, мы находимъ остатки не крупныхъ млекопитающихъ типа сумчатыхъ, какъ кенгуру или двуутробка.

Но лишь въ наслоеніяхъ еоценовой системы найдены впервые остатки четвероногихъ, пред-

ставителей нынѣ существующаго типа крупныхъ млекопитающихъ. Какъ въ Старомъ, такъ и Новомъ Свѣтѣ (Европа и Америка были соединены въ еоценовый періодъ Исландіей и Гренландіей и пользовались тропическимъ климатомъ) жили животныя подобныя лемурамъ, во многихъ отношеніяхъ сходныя съ копытными четвероногими, отъ которыхъ произошли лошади, носорогъ и другія животныя съ нечетнымъ числомъ пальцевъ; а также олень, кабанъ и другія животныя съ четнымъ числомъ пальцевъ. Въ этотъ то періодъ, когда различныя породы млекопитающихъ находились въ стадіи развитія, и появились родоначальники лемуровъ, обезьянъ, антропоидовъ и человѣка.

Древнѣйшія ископаемыя антропоидныя обезьяны были найдены въ наслоеніи міоценоваго періода. Въ сѣверной Индіи найдены кости чимпанзе, а въ Западной Европѣ — обезьяны ростомъ съ человѣка; *Dryopithecus* (Гр. *drys* — дубъ и *pithekos* — обезьяна) былъ найденъ вмѣстѣ съ дубовыми стволами въ Верхней Гароннѣ при *Saint Gaudrus*'в, а *Pliopithecus*, вымершій гиббонъ, въ *Sansan*, въ *Gers*'ѣ. Были найдены также кости мартышекъ различныхъ породъ и всевозможныхъ представителей млекопитающихъ и по сейчасъ населяющихъ землю. Соединеніе сѣверныхъ полушарій между Восточнымъ и Западнымъ материками не нарушалось; климатъ понижался въ температурѣ къ сѣверу, но все же оставался настолько теплымъ, что рѣчныя лиліи росли не доходя 8° до полюса, а вѣчно-зеленая растительность встрѣчалась на крайнемъ сѣверѣ.

Человѣкъ, какъ сказано выше, не былъ потомкомъ обезьяны; отсюда слѣдуетъ, что раздѣленіе обоихъ семействъ совершилось не позднѣе міо-

ценоваго періода. На самомъ дѣлѣ, существуютъ данныя, указывающія на расхожденіе вѣтвей, — изъ которыхъ одна захватываетъ антропоидныхъ обезьянъ, а другая кончается человѣкомъ, — въ концѣ еоценоваго или началѣ міоценоваго періода. Отложенія послѣдняго періода почти совсѣмъ отсутствуютъ въ Англій. Но во Франціи въ Thepau наслоенія послѣдняго періода дали нѣсколько въ высшей степени интересныхъ находокъ — куски кремни, обдѣланные человѣческими руками, какъ бы расщепленные на огнѣ. Если послѣднее предположеніе вѣрно, то они, несомнѣнно, были въ рукахъ человѣка. «Обдѣланные» кремни были также найдены въ Пюн-Курни въ Канталѣ и близъ Тахо въ Португаліи. Такъ какъ наслоенія этого періода изслѣдуются и въ другихъ мѣстахъ, то есть много данныхъ предполагать, что въ нихъ найдутъ подобныя же предметы. До сего времени различныя сообщенія еще ничего не сказали намъ о подобныхъ находкахъ. Отсутствие или скудость доказательствъ существованія человѣка на извѣстномъ ограниченномъ пространствѣ не говоритъ противъ его существованія въ другихъ мѣстностяхъ въ этотъ же самый періодъ. Грубо обдѣланные кремни въ наслоеніяхъ близъ Тенэ и Тахо обличаютъ неопытную руку, такъ какъ человѣкъ не сразу сдѣлался опытнымъ работникомъ. Человѣкъ прошелъ черезъ много промежуточныхъ весьма продолжительныхъ стадій, раньше чѣмъ занялъ первое мѣсто въ царствѣ животныхъ.

Наслоенія пліоценоваго періода говорятъ намъ о человѣкѣ меньше, чѣмъ наслоенія міоценовыя. Все, что извѣстно намъ объ остаткахъ этого періода даетъ намъ возможность сдѣлать очень важныя опредѣленія. Они указываютъ намъ на важныя перемѣны, происшедшія въ этой части земного шара:

1) суша между Норвегіей и Исландіей, Англіей и Гренландіей была затоплена, — такимъ образомъ Европа отдѣлилась отъ Америки; 2) воды Атлантическаго и Сѣвернаго Ледовитаго океановъ сли-

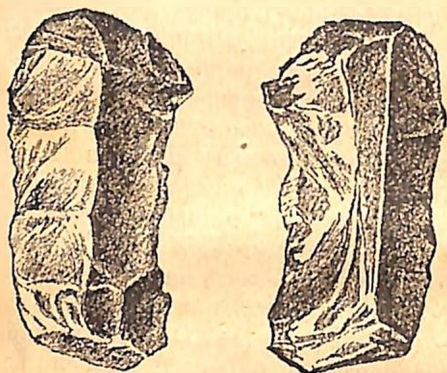

Рис. 2.—Куски кремня изъ пліоценовыхъ слоевъ.

лись; 3) Сѣверный Ледовитый океанъ соединился съ мелководнымъ Нѣмецкимъ моремъ, отчего увеличилась площадь послѣдняго. Хотя климатъ понемногу становился холоднѣе, но тропическія растенія, какъ бамбукъ и гранатное дерево, еще процвѣтали въ Средней Европѣ. Породы млекопитающихъ, существующихъ и понынѣ, были многочисленны: слоны и обезьяны населяли лѣса, гиппопотамы водились въ болотахъ; носороги спокойно паслись въ лугахъ, а быстроногіе олени служили добычею гіенѣ. Къ концу пліоценоваго періода обезьяна исчезла въ Европѣ, вѣроятно, въслѣдствіе возраставшаго холода, который выразился въ концѣ концовъ долгимъ царствомъ льда, извѣстнымъ подъ именемъ Ледниковаго эпохи или Великаго Ледниковаго вѣка, о причинахъ кото-

130105 98398

раго—измѣненіе формы земной орбиты и положенія ея оси—не позволяютъ намъ говорить размѣры этой книги. Довольно будетъ, если мы укажемъ мѣсто Ледниковаго періода въ исторіи геологіи, и прибавимъ, что онъ начался 240,000 лѣтъ тому назадъ, а пришелъ къ концу 80,000 лѣтъ тому назадъ. Въ періодъ самаго мертвящаго холода, снѣгъ, какъ саваномъ, окуталъ сѣверное полушаріе вплоть до 50° с. ш., уравнивая и сглаживая его поверхность, царапая скалы (слѣды этихъ царапинъ сохранились и понынѣ); этотъ холодъ начисто вымелъ сѣверную флору, и она уже никогда не возвращалась въ эти края. Этотъ же злой геній сдѣлалъ большія опустошенія и въ животномъ мірѣ, уничтоживъ породы наиболѣе сильныхъ и крупныхъ млекопитающихъ. Ледниковые періоды — такъ какъ есть по крайней мѣрѣ три строго разграниченныхъ подраздѣленія—включены въ плейстоценовую систему. Растенія и животныя промежуточныхъ наслоеній ледниковыхъ періодовъ во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя найдены въ отложеніяхъ неледниковыхъ періодовъ; характерной чертой какъ тѣхъ, такъ и другихъ является смѣшеніе полярныхъ и тропическихъ формъ, вмѣстѣ съ несомнѣнными признаками существованія человѣка. Животныя, какъ вымершія, такъ и доселѣ существующія, теперь отдѣленыя другъ отъ друга громадными пространствами, жили тогда въ одной и той же области, сообразно съ измѣненіями климата. Гиппопотамъ, носорогъ, африканская рысь, слонъ, левъ и гіена жили на огромномъ пространствѣ, сѣверной границею котораго служитъ Йоркширъ — это указываетъ на существованіе перешейка между Европой и Африкой, — между тѣмъ какъ сѣверный олень, полярная лисица, покрытый шерстью

носорогъ и мамонтъ, или покрытый шерстью слонъ населяли Испанію и Италію, а южной границей шотландской сосны служили отмели озера Варезе въ Ломбардіи.

Среди вымершихъ животныхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ мамонтъ, хотя бы по одному тому, что его кости найдены вмѣстѣ съ человѣческими остатками въ долинѣ Темзы. Его названіе происходитъ отъ татарскаго слова мамта—земля. Татары думали, что онъ живетъ подъ землею и, роя свои норы, производитъ землетрясеніе. У китайцевъ существуетъ преданіе, что это животное умираетъ, лишь только подышетъ вольнымъ воздухомъ. Мамонтъ обиталъ на громадномъ пространствѣ, равнявшемся слишкомъ половинѣ всей земной поверхности. Онъ существовалъ съ начала ледниковаго вѣка до конца плейстоценоваго періода. Въ Сибирь, его родинѣ, гдѣ онъ водился массаами, не только находятъ его громадныя клыки, извѣстные подъ названіемъ мамонтовой кости (они съ незапамятныхъ временъ служатъ предметомъ торговли), но и цѣлыя, великолѣбно сохранившіеся остовы. Природа сберегла ихъ въ естественныхъ погребкахъ, среди слоя льда, лежащаго подъ почвой Сибири. Этотъ ледяной слой проходитъ не только подъ безлѣсной «тундрой», но идетъ и дальше на югъ въ лѣсистую мѣстность, встрѣчаясь даже подъ засѣянными полями. Въ исключительно жаркое лѣто 1846 года тамъ былъ найденъ мамонтъ, оттаявшій въ ледяномъ слои. Его нашли стоячимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его затянуло болото безчисленное количество вѣковъ тому назадъ. Доказательства существованія и передвиженія на земной поверхности человѣка, — или вѣрнѣе существа, стоящаго «немного ниже человѣка» и «немного выше

обезьяны», — слишком скудны и сомнительны, чтобы мы могли съ увѣренностью сказать: заселялъ ли онъ Западную Европу до начала ледниковаго вѣка. Вопросъ остается открытымъ. Но по теоріи, подтверждаемой всевозможными доказательствами, онъ отдѣлился отъ общаго предка въ концѣ еоценоваго или началѣ міоценоваго періода. Возникаетъ интересный вопросъ: въ какой части земного шара впервые появился человекъ? На него мы можемъ отвѣтить только приблизительно.

Въ своемъ «Происхожденіи человекъ» Дарвинъ дѣлаетъ по этому поводу лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній. Онъ говоритъ: «Очень вѣроятно, что Африка въ началѣ была заселена теперь вымершими обезьянами, близко сходными съ гориллой и чимпанзе; а такъ какъ эти двѣ породы наиболѣе сродны человеческой, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что наши родоначальники жили именно на африканскомъ материкѣ. Было бы бесполезно долго останавливаться на этомъ предметѣ».

Въ своемъ опытѣ объ «Арійскомъ вопросѣ» Гексли говоритъ, что въ продолженіе плейстоценоваго періода «нѣтъ основанія предполагать, что родъ *Ното* заселялъ одну лишь Европу; гораздо вѣроятнѣе, что онъ, какъ и другія животныя этой эпохи, былъ разсѣянъ на громадной площади земной поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время климатъ мѣстностей, прилегавшихъ къ экватору, долженъ былъ быть благопріятнѣе для человекъ. Возможно, что тамъ онъ достигъ высшаго развитія, чѣмъ на сѣверѣ. Что касается того, гдѣ собственно произошелъ родъ *нотто*, то относительно этого невозможно сдѣлать даже приблизительно догадки. Во время міоценовой эпохи любая область теперешняго умѣреннаго

пояса могла быть родиной человѣка». (Collected Essays, VII, стр. 24).

Въ «Дарвинизмѣ» въ «изложеніи теоріи естественнаго отбора» Уоллесъ (бывшій почтеннымъ, всегда ступеневывавшимся сотрудникомъ Дарвина по открытію ей), оспариваетъ подробности «вѣроятное мѣсто рожденія человѣка». Его мысли выражены слишкомъ сжато, чтобы допускать сокращеніе, тѣмъ болѣе, что онъ затрогиваетъ темный вопросъ происхожденія разновидностей человѣка, или «расъ». Обыкновенно принято думать, что первобытный человѣкъ жилъ подъ тропиками, гдѣ растительность была обильнѣе, а климатъ ровнѣе. Но этотъ взглядъ можно опровергнуть весьма важными доводами. Антропоидныя обезьяны такъ же, какъ большинство другихъ породъ обезьянъ приспособлены по своему сложенію исключительно къ жизни на деревьяхъ, тогда какъ самое существенное отличіе человѣка составляетъ его спеціальное приспособленіе къ наземному образу жизни.

Поэтому мы едва ли можемъ предположить, что онъ появился впервые въ лѣсной мѣстности, гдѣ плоды, которые можно достать лишь вскарабкавшись на дерево, составляютъ главную растительную пищу. Гораздо правдоподобнѣе, что онъ началъ свое существованіе на открытыхъ равнинахъ или высокихъ плоскогорьяхъ умѣреннаго или подъ-тропическаго пояса. Съмена дикихъ злаковъ, многочисленныя травоядныя, грызуны, дичь, рыба и моллюски въ озерахъ и рѣкахъ доставляли ему тамъ обильную и разнообразную пищу. Въ такой мѣстности изъ него долженъ былъ выработаться искусный охотникъ, звѣроловъ, рыболовъ, а позднѣе пастухъ и земледѣлецъ.

Пытаясь опредѣлить въ точности тѣ мѣстности, гдѣ всего вѣроятнѣе можно найти первые слѣды существованія человѣка, мы должны ограничиться въ нашихъ поискахъ тою частью восточнаго полушарія, гдѣ водились или, по крайней мѣрѣ, должны были водиться антропоидныя обезьяны. Есть также много данныхъ предполагать, что Африка въ эту область не входила. Извѣстно, что она отдѣлилась отъ сѣвернаго материка въ началѣ третичной эпохи; а существующія породы высшихъ млекопитающихъ появились въ ней по отдѣленіи отъ нея Мадагаскара, при вторичномъ ея слятіи съ вышеупомянутымъ материкомъ. Мадагаскаръ сохранилъ для насъ образчикъ первобытной африканской фауны, въ которой отсутствуютъ не только антропоиды, но и всѣ высшія четверорукія (ихъ называютъ такъ потому, что заднія ноги играютъ у нихъ роль рукъ при лазаніи). Такимъ образомъ для нашихъ изысканій остается только громадный Европейско-Азіатскій материкъ. На его-то обширныхъ равнинахъ, начинающихся въ Персіи, идущихъ къ востоку черезъ Тибетъ и Сибирь вплоть до Манчжуріи, и лежала гдѣ-нибудь мѣстность представляющая наиболѣе благоприятныя условія для развитія первобытнаго человѣка въ концѣ миоценаго или началѣ пліоценаго періода. (Какъ мы увидимъ Уоллесъ предпочитаетъ ближайшую эпоху, чѣмъ, та, о которой свидѣтельствуютъ куски кремня, найденные въ Тенэ и Индіи). Только въ этой области мы еще находимъ тотъ типъ—монгольскій—который сохранилъ цвѣтъ кожи, средней между чернымъ и темнокоричневымъ цвѣтомъ негрятискаго и румянымъ или свѣтлооливковымъ кавказскаго типа,—цвѣтъ, который до сихъ поръ преобладаетъ во всей сѣверной Азіи, на всемъ Американскомъ материкѣ и почти во всей Поли-

нези. «Изъ этой первоначальной окраски кожи возникли подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій и, вѣроятно, въ связи съ измѣненнымъ тѣлосложеніемъ, въ свою очередь приспособившимся къ особенностямъ климата, различныя окраски и по нынѣ существующія среди человѣческихъ расъ. Если полученный выводъ сдѣланъ путемъ вѣрнаго разсужденія, и всѣ первоначальныя стадіи человѣческаго развитія, начиная отъ животнаго состоянія, пройдены именно здѣсь, то намъ будетъ понятнѣе, почему мы до сихъ поръ не нашли на слѣды не только недостающихъ переходныхъ формъ, но даже и самаго существованія челоука въ концѣ третичной эпохи: ибо нѣтъ страны менѣе изслѣдованной геологами чѣмъ вышеупомянутая. Данная мѣстность достаточно обширна и разнообразна, а потому мы допускаемъ, что первобытные люди достаточно размножились, что ихъ человѣческій обликъ, какъ нравственный, такъ и физическій, вполне выяснился, раньше чѣмъ возникла для нихъ необходимость выселиться за ея предѣлы. Однимъ изъ важнѣйшихъ переселеній было, вѣроятно, переселеніе челоука въ Африку. Здѣсь, углубляясь на западъ, онъ подвергся различнымъ физиологическимъ измѣненіямъ, которыя въ связи съ измѣнившейся окраской кожи и волосъ помогли ему приспособиться къ особенностямъ климата экваторіальныхъ низменностей. Тѣхъ, которые пошли на сѣверо-западъ въ Европу, сырой и прохладный климатъ подвергнулъ измѣненіямъ противоположнаго характера. Такъ возникли, вѣроятно, три великія человѣческія расы, существующія и понынѣ. Нѣсколько позднѣе люди, вѣроятно, проникли въ восточномъ направленіи до Сѣверной Америки и вскорѣ разсѣялись здѣсь по всему матеріку. Все

это должно было произойти въ началѣ или середины плейстоценовой эпохи. Затѣмъ, съ весьма долгими промежутками, новыя волны переселеній наводняли всё части обитаемаго свѣта. Одни племена побѣждали другія, смѣшивались съ ними; этимъ и объясняется та запутанная градація типовъ, которая до сихъ поръ является загадкой для этнологовъ.» Теперь, оставивъ въ сторонѣ климатическія и другія измѣненія, предшествовавшія той эпохѣ, которая, строго говоря, можетъ быть названа Человѣческимъ Вѣкомъ, мы можемъ вернуться на твердую почву данныхъ, свидѣтельствующихъ о присутствіи челоуѣка въ Европѣ въ серединѣ плейстоценовой эпохи. Раньше чѣмъ начать, мы замѣтимъ, что періоды времени въ Европѣ отъ незапамятныхъ временъ до христіанской эры дѣлились датскими археологами на «вѣка»: *каменный*, (подраздѣлявшійся на палеолитическій, или древній каменный вѣкъ и неолитическій или новый каменный вѣкъ), *мѣдный* или *бронзовый* и *железный*. Это подраздѣленіе, знали уже нѣкоторые древніе писатели, въ особенности Лукрецій въ своей великой поэмѣ „De Reip. Natura“; вотъ это мѣсто въ переводѣ:

„Орудіемъ древнихъ служили руки, ногти, зубы, камни, сучья, выломанные въ лѣсахъ, и огонь, когда они ознакомились съ нимъ. Позднѣе они открыли значеніе желѣза и мѣди; мѣдь стала извѣстною прежде желѣза, такъ какъ она легче поддается обработкѣ и находится въ большемъ количествѣ“ (V. 1283—1288).

Въ торфяныхъ залежахъ Даніи, залегающихъ на глубину отъ 10—30 фут., найдены три строго различныхъ наслоенія деревьевъ. Въ нижнемъ найдены стволы шотландской сосны; съ самаго начала историческихъ временъ она не встрѣча-

лась здѣсь дикорастущей, и даже искусственно посаженная не приживалась. Подлѣ нихъ найдены: кремневья орудія и кости олепа и первобытнаго быка. Въ слѣдующемъ слѣѣ стволы дуба и бронзовые щиты, хранящіеся въ настоящее время въ Копенгагенскомъ Музеѣ Сѣверныхъ Древностей. Въ верхнемъ слѣѣ стволы обыкновеннаго бука, и сейчасъ встрѣчающагося въ Даніи. Отсюда и возникла эта классификація.

Подъ каменнымъ вѣкомъ, какъ указываетъ само названіе, подразумѣвается эпоха, когда употребленіе металловъ было неизвѣстно, а матеріаломъ для орудія и оружія служили преимущественно камень, но также кости, раковины, рога, дерево и тому подобныя доступныя матеріалы.

Всѣ орудія древняго каменнаго вѣка очень грубаго образца; они не обдѣланы, не отшлифованы, только грубо отесаны. Ихъ находятъ частью въ рѣчныхъ наносахъ, частью въ песчаныхъ отложеніяхъ высохшихъ рѣкъ; другую, усовершенствованнаго типа,—на днѣ известковыхъ пещеръ. Орудія новаго каменнаго вѣка находятъ обыкновенно или на земной поверхности, или очень близко подлѣ нея. Ихъ находятъ въ кучахъ мусора, въ озерныхъ жилищахъ, а также при земляныхъ работахъ, въ могилахъ и т. д. Эти орудія существенно отличаются отъ орудій палеолитической эпохи: послѣднія сдѣланы по большей части изъ кремня, а въ первой встрѣчаются образцы, сдѣланные и изъ другихъ каменныхъ породъ. Въ отдѣлкѣ видно большее, постепенно возрастающее искусство: такъ мы видимъ шлифовку угловъ, и болѣе или менѣе хорошую полировку. Конечно, встрѣчаются еще грубо обтесанные куски. Существенныя различія въ очертаніяхъ Европы характеризуютъ оба вѣка. Эти различія возникли

подъ вліяніемъ измѣненій, совершавшихся въ продолженіе долгаго періода времени. Если это такъ, то между обоими вѣками долженъ лежать неизмѣримо громадный промежутокъ, хотя мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы высказаться рѣшительно за это предположеніе или противъ него. О различныхъ стадіяхъ искусства изготовлять каменные орудія Леббокъ такъ говоритъ въ своихъ „Доисторическихъ Временахъ“.

«Человѣку нуженъ былъ лишь одинъ шагъ, чтобы примѣнить острый камень къ разрѣзыванію предметовъ. Когда остріе камня притупилось, человѣкъ бросалъ его за негодностью, и выбиралъ новый. Немного спустя, случай, а можетъ быть размышленіе, навели его на мысль, что круглый камень разбиваетъ другіе. Это открытіе дало возможность дикарю самому заострять для себя камни. Сначала (мы видимъ это изъ образцовъ найденныхъ въ рѣчныхъ наносахъ) они были грубой и топорной работы, потомъ по немногу ихъ стали дѣлать меньшихъ размѣровъ. Человѣкъ сталъ заострять камни болѣе осторожными и обдуманными ударами и наконецъ дошелъ до мысли, что лучше вовсе не ударять, а надавливать чѣмъ-нибудь тяжелымъ. Отъ давленія къ шлифовкѣ перейти было очень легко. При обдѣлываніи кремневыхъ орудій легко получались отъ удара искры; при подировки камни нагрѣвались, что легко было замѣтить. Отсюда ясно, какъ могли произойти оба способа добыванія огня».

Предметы мѣднаго или бронзоваго вѣка, того вѣка, въ который человѣчество, благодаря открытію металловъ, далеко подвинулось на пути прогресса, дѣлались вначалѣ изъ мѣди. Позднѣе, человѣкъ сталъ мѣшать ее съ оловомъ, отчего ова стала тверже.

Предметы желѣзнаго вѣка изготовлялись уже изъ желѣза, болѣе твердаго и наиболѣе цѣннаго металла. Какъ рѣжущее орудіе, онъ окончательнѣо замѣнилъ бронзу; съ этого времени она шла только на изготовленіе рукоятей и украшеній. Мы ничего не можемъ сказать опредѣленнаго о продолжительности этихъ вѣковъ. Несомнѣненъ одинъ лишь фактъ: стадіи культуры чередовались въ послѣдовательномъ порядкѣ. Они же говорятъ намъ, хотя и неясно, о тогдашнемъ состояніи культуры. Великій ледниковый вѣкъ служитъ намъ лишь приблизительнымъ мѣриломъ того громаднаго промежутка времени, въ продолженіе котораго человекъ заселялъ Западную Европу въ палеолитическомъ вѣкѣ. Неолитическій вѣкъ — если судить по времени, необходимому для образованія тѣхъ наслоеній, подъ которыми найдена орудія данной эпохи — гораздо ближе къ намъ, говоря относительно. Онъ былъ приблизительно за 5000 л. до Р. Х. Начало бронзоваго вѣка наступило 4000 лѣтъ позднѣе; онъ перешелъ постепенно въ желѣзный. Въ гомерическихъ поэмахъ (850 л. до Р. Х.) уже упоминается объ этомъ металлѣ. Гезіодъ, поэтъ-пастухъ, въ своихъ „Дѣяніяхъ и Дняхъ», описываетъ пять вѣковъ міра — золотой, серебряный, бронзовый, вѣкъ героевъ или полубоговъ и наконецъ желѣзный, въ которомъ онъ живетъ самъ, завидуя героическимъ временамъ. Точныя цифры не важны. Различныя стадіи человѣческой культуры переходятъ одна въ другую, сливаются, отбѣняютъ другъ друга, точно въ точъ какъ цвѣта радуги. Ихъ нельзя примѣнить ко всемъ частямъ свѣта одновременно; нельзя предположить, чтобы въ извѣстный періодъ исторіи человѣчества каменные орудія были повсемѣстно уничтожены и замѣнены бронзовыми. Очень

возможно, что въ древнемъ каменномъ вѣкѣ вся Европа была заселена племенами, употребившими грубыя каменные орудія, но несомѣнно, что въ позднѣйшія времена новаго каменнаго вѣка въ ней жили племена, стоящія на очень различныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

Племена, находившіяся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, а именно тѣ, которыя заселили Южную Европу и вошли въ сношеніе съ древними народами, переплывавшими Средиземное море, далеко опередили тѣ народности, которыя разсѣялись въ области, лежащихъ къ сѣверу отъ Альпъ. Полированные каменные орудія, а до нѣкоторой степени бронза, которую вымѣнивали на янтарь, столь цѣнный для древнихъ народовъ (его ловили на берегахъ Балтійскаго моря) — были въ употребленіи у послѣднихъ племенъ долго спустя послѣ того, какъ греки и римляне открыли желѣзо. Несмотря на широкое распространеніе металловъ путемъ торговли и до сихъ поръ существуютъ варварскіе народы, которые обходятся каменнымъ орудіемъ и оружіемъ. Лишь немного дѣтъ тому назадъ погибли послѣдніе представители первобытнаго населенія Тасманіи, близко напоминавшаго во многомъ человѣка палеолитическаго вѣка. Сверхъ того послѣдовательный порядокъ упомянутыхъ вѣковъ соблюдался не повсемѣстно ибо населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Африки и Полинезіи прямо перешло отъ употребленія каменныхъ орудій къ желѣзнымъ, благодаря посредничеству европейцевъ. Попыткѣ установить точный хронологическій порядокъ препятствуетъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каменная утварь, продолжаетъ употребляться при различныхъ обрядахъ. Такъ, напримѣръ, египтяне, бальзамируя своихъ мертвецовъ, дѣлали первый надрѣзь въ

боку тѣла покойника каменнымъ ножомъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ мы находимъ указанія на то, что подобнымъ же орудіемъ совершался обрядъ обрѣзанія, который и до сего дня при извѣстныхъ условіяхъ выполняется кускомъ кремня или стекла. Браминскіе жрецы до сихъ поръ возжигаютъ священное пламя первобытнымъ способомъ добыванія огня, а именно: они трутъ два куска дерева одинъ о другой до тѣхъ поръ, пока не появится пламя. Весьма недавно къ Мексикѣ и Центральной Америкѣ челоувѣкъ, обрѣченный въ жертву, закалывался каменнымъ ножомъ на каменной плитѣ, а его шею, руки и ноги поддерживали священнымъ каменнымъ ошейникомъ и оковами. Все это—образчики многочисленныхъ примѣровъ, показывающихъ, что когда первоначальное назначеніе предмета позабыто, или приобрѣло мистическое значеніе, или употребленіе его ограничено извѣстною областью, то время и авторитетъ соединяются и облачаютъ его ореоломъ святости. Динъ Стенли останавливается на этомъ явленіи, говоря о значеніи одежды. «Alb—не что иное какъ бѣлая рубашка, или туника—до сихъ поръ удержался въ бѣломъ облаченіи Папы; эту рубашку носилъ каждый крестьянинъ прямо на тѣлѣ, а въ южныхъ странахъ она часто была его единственной одеждой. Верхняя одежда въ дни Римской Имперіи, такъ же какъ и въ наши, безпрестанно мѣняла покрой и названіе. Одна изъ нихъ называлась *cape* или *cope*, а также *pluviale*—т. е. ватеръ-пруфъ. Другая—*casula*—маленькій домикъ; такъ называлъ римскій хлѣбопашецъ тотъ балахонъ, который онъ накидывалъ на себя въ ненастье при полевыхъ работахъ. Эта одежда уцѣлѣла въ видѣ *chasuble*, въ которую облачается католическій священникъ при совершеніи торжественнаго богослуженія».

Наши фраки — не что иное, какъ старинныя обрѣзанныя охотничьи куртки, и бесполезныя теперь пуговицы на спинѣ первоначально служили для пристегиванья къ нимъ полъ при верховой ѣздѣ. Человѣкъ скорѣе — «рабъ отжившихъ обычаевъ», чѣмъ «рабъ привычекъ». Наши удовольствія и занятія возникли на почвѣ первобытныхъ инстинктовъ и павыковъ. Вальсъ и кадрилъ — прямыя потомки священныхъ танцевъ дикарей. Наши клятвы это комическій остатокъ трагическаго искусства заклинанія; театръ и скачки — остатки драмы и игръ, установленныхъ, какъ празднества въ честь боговъ. Пикники и путешествія удовлетворяютъ живущій въ насъ, первобытный инстинктъ кочевниковъ; фехтованіе и боксъ — инстинктъ бойца; а наша охота — охотничій инстинктъ отдаленныхъ предковъ, которые убивали не столько для удовольствія, сколько вслѣдствіе потребности въ пищѣ.

ГЛАВА III.

Древній Каменный вѣкъ.

I. Характеръ остатковъ, найденныхъ въ наносахъ.

Честь открытія значенія нѣкоторыхъ предметовъ, найденныхъ въ рѣчныхъ наносахъ, принадлежитъ французскому ученому Бушэ-де-Перту (Boucher de Perthes). Въ 1839 году онъ обратилъ вниманіе другихъ ученыхъ на грубо сдѣланныя кремневыя орудія, найденныя въ ямахъ, изъ которыхъ брали песокъ и гравій въ долину рѣки

Соммы, близъ Аббеввиля въ Пикардїи. Ихъ находили неоднократно и въ предшествовавшіе годы. Положеніе этихъ орудій въ землѣ, глубина, на которой ихъ находили, убѣдили французскаго ученаго въ томъ, что какъ они, такъ и тѣ наслоенія, въ которыхъ они были заключены—принадлежать одной эпохѣ. Въмѣстѣ съ ними были также найдены кости мамонта, покрытаго шерстью носорога и другихъ вымершихъ млекопитающихъ. Онъ доказывалъ, что обдѣланные кремни — дѣло рукъ человѣка, что они—доказательство его глубокой древности и низкой ступени цивилизаціи. Но когда онъ привезъ свою находку въ Парижъ, онъ натолкнулся тамъ на такое же недовѣрчивое отношеніе какъ то, отъ котораго тридцатью годами позднѣе пострадалъ въ томъ же самомъ городѣ аббатъ Буржуа, предъявившій свои кремни, найденные при Тенэ. Англійскіе археологи и геологи также косо посмотрѣли на ископаемыя орудія изъ долины Соммы, но ихъ сомнѣнія были поколеблены посѣщеніями въ 1858—59 году той мѣстности, гдѣ они были найдены. «Они не только имѣли возможность убѣдиться въ несомнѣнности приведенныхъ доказательствъ относительно происхожденія находокъ, но имъ посчастливилось также увидать одинъ изъ обдѣланныхъ кремней, покоящійся на своемъ нетронутомъ ложѣ изъ гравія на глубинѣ 17 футъ отъ земной поверхности».

Сомнѣнія были разсѣяны. Дальнѣйшимъ изысканіемъ былъ данъ толчекъ. Не только подобныя орудія были найдены въ залежахъ гравія, песку и глины въ Англии, но было также дознано, что ихъ неоднократно находили въ землѣ уже много лѣтъ тому назадъ, ни мало не подозрѣвая ихъ громадной важности. Подобно знаменитому образчику,

найденному въ наносахъ Темзы «противъ черной Маріи, близъ Грейскаго переулка» ихъ клали за стекло и приклеивали къ нимъ ярлыкъ съ надписью «куръезъ». Лондонъ и его окрестности, старое русло какъ Темзы, такъ и Ли, дали обильный матеріалъ. Короче говоря: близъ многихъ старыхъ рѣкъ, берега и извивы которыхъ такъ хорошо опредѣляютъ намъ направление странствій человѣка, найдены слѣды его существованія.

Мы можемъ отправиться въ селеніе Кеддингтонъ близъ Дунстабля и, найдя доказательство, что «берега озера были обитаемы въ некоторое время палеолитическимъ человекомъ, пройди по теченію Ли до ея слиянія съ Темзой при Блэкуэллѣ; попутно набрать обдѣланныхъ кремней въ Уольтгэмѣ, Эдмонтонѣ и Клептонѣ, — короче говоря: ихъ можно найти во всѣхъ древнихъ песчаныхъ и иловыхъ наносахъ, до самаго Стокъ-Невингтона, гдѣ древній слой выступаетъ на самую поверхность, оставаясь того же характера какъ и въ Кеддингтонѣ.

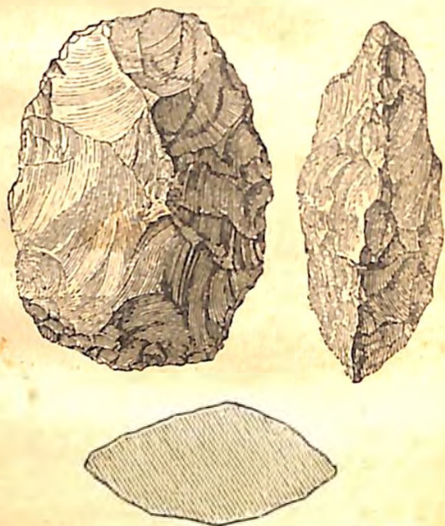

Рис. 3.—Кремневое орудіе изъ Хакнелъ.

Джонъ Эвалсъ въ своей монографіи «Древнія каменные орудія»—образцовомъ и рѣдкомъ произведеніи по этому предмету—дѣлитъ ископаемыя орудія на три разряда: 1) куски кремня, повидному, предназначавшіеся для наконечниковъ стрѣлъ или ножей. Прочность кремня, легкость, съ кото-

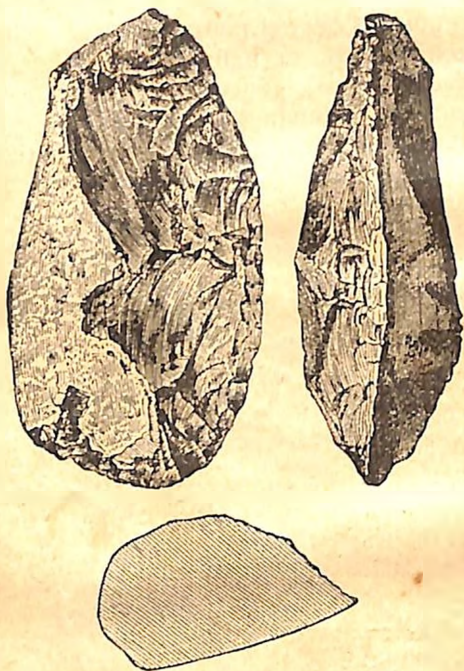

Рис. 4.—Кремневое орудіе изъ Хайбюри.

рою при навикѣ онъ расщеплялся на куски требуемой формы, заставляли въ большинствѣ случаевъ предпочитать его другимъ каменнымъ породамъ. Эти куски расщеплялись давленіемъ, или ударами другого камня; они, вѣроятно, употреб-

О Г Л А В Л Е Н І Е

Глава I. Мѣсто челоуѣка въ исторіи земли.	стр. 1
Глава II. Время появленія челоуѣка на землѣ.	12
Глава III. Древній каменный вѣкъ	29
Глава IV. Новый каменный вѣкъ.	73
Глава V. Вѣкъ металловъ.	162
Глава VI. Заключение.	182

лялись палеолитическимъ человѣкомъ какъ ножи и скребки при обработкѣ звѣринныхъ кожъ.

2) Заостренное оружіе, какъ копья или наконечники пикъ.

3) Овальные или языкообразныя орудія, съ рѣжущимъ краемъ, огибающимъ весь кусокъ.

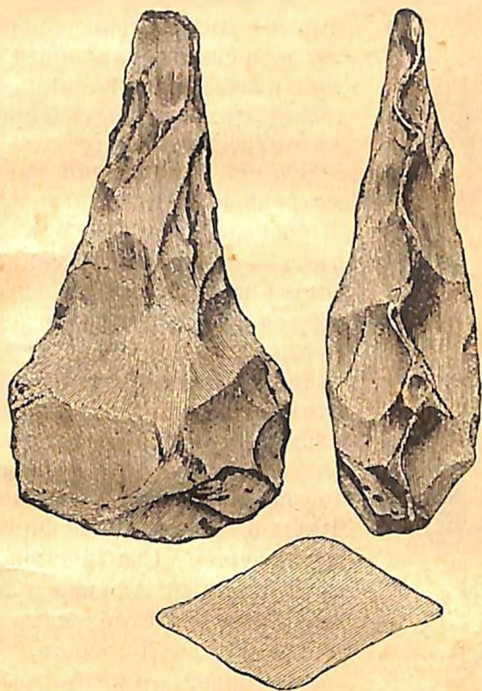

Рис. 5.—Кремневое орудіе изъ Плингъ-Динъ.

Изготовленіе ружейныхъ кремней для вывоза въ Африку до сихъ поръ производится въ Иклингъ въ Суффолькѣ и въ Брендонъ въ Норфолькѣ. Число немногочисленныхъ рабочихъ, при

уменьшающемся спросѣ на товарь, все идетъ на убыль. Сынъ былъ преемникомъ отца въ продолженіе многихъ поколѣній, проводя почти всю жизнь въ темнотѣ подъ землею, гдѣ его лицо пріобрѣтало мѣловой оттѣнокъ. Достижимое при небольшомъ навѣкѣ искусство приготовленія каменныхъ орудій съ помощью грубыхъ способовъ въ родѣ тѣхъ, ко-

Рис. 6.—Кусокъ изъ Прессивны.

торые употребляли, вѣроятно люди древняго каменнаго вѣка проливаетъ новый свѣтъ на обдѣлку этихъ первыхъ образцовъ человѣческаго искусства.

Но всѣ эти осколки, грубо заостренные метательные снаряды и разныя орудія всюду одного типа — точь-въ-точь какъ горошины въ стручкѣ, и распространяться о нихъ долѣе, значило бы сдѣлать эту главу не болѣе увлекательной и интересной, чѣмъ простой каталогъ. Довольно будетъ сказать, что общее сходство формы замѣчается не только въ орудіяхъ изъ рѣчныхъ наносовъ Южной Англій и Франціи — за исключеніемъ Скандинавіи, но и всей Европы, Африки и Америки. «Ихъ сходство, какъ замѣчаетъ Бойдъ Дакинсъ, указываетъ намъ, что палеолитическій

человѣкъ, который охотился за буйволомъ и за нинѣ вымершимъ гиппопотамомъ въ лѣсахъ Индіи, который странствовалъ по Палестинѣ и долинѣ Нила, охотился за кабаномъ, оленемъ и мамонтомъ, а также, вѣроятно, за карликовымъ носорогомъ на Средиземномъ морѣ, — стоялъ на то

же ступени цивилизаціи, какъ и охотникъ за съвернымъ оленемъ, бизономъ, косматымъ носорогомъ и лошадыю въ лѣсахъ Франціи и Британіи».

Не лишнее сказать, что наслоенія, образованныя рѣчными наносами—гравіа, песку, ила и камня—осѣдаютъ, благодаря постоянному хотя и медленному дѣйствию дождя и рѣчного теченія; подъ вліяніемъ послѣдняго русло рѣки постоянно углуб-

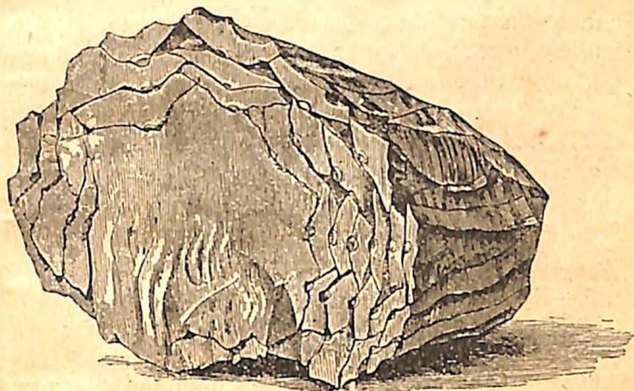

Рис. 7.—Кусокъ кремня съ наложенными на него отколотыми пластинками.

ляется. Съ того времени, какъ люди Старога каменнаго вѣка жили во Франціи, русло Somme понизилось отъ 60—100 фут. Этого фактъ указываетъ на громадную древность орудій, найденныхъ въ пескѣ, такъ какъ мы должны принять во вниманіе почти неувимую постепенность, съ которою рѣка углубляетъ свое русло. Такъ, на примѣръ, вычислено, что Темза (помимо почти 450,000 тоннъ мѣла и другаго матеріала, уносимаго ею въ растворенномъ видѣ) понижаетъ русло на глубину одного фута

въ 11,700 лѣтъ; Бойнъ на одинъ футъ въ 6,700 лѣтъ; Форсъ—въ 5100 лѣтъ, и наконецъ Тэй — въ 1,800 лѣтъ.

Англія составляла еще часть материка, когда издѣлія палеолитическаго человѣка попали на дно Соммы. Дуврскаго пролива и Англійскаго канала еще не было. Львы бродили близъ Мендипа; табуны лошадей, стада лосей, сѣверныхъ оленей, дикихъ быковъ и менѣе крупныхъ животныхъ паслись на равнинахъ, теперь залитыхъ Нѣмецкимъ моремъ. Среди этихъ равнинъ протекала рѣка, пополняемая потоками, извѣстными теперь подъ именемъ Рейна и Эльбы, Таина, Гумбера и Темзы. Каждый притокъ, углубляя русло по мѣрѣ своего теченія, погребалъ въ наносахъ каменныя орудія и оружіе человѣка, и кости животныхъ. Послѣднія въ несмѣтномъ количествѣ попадаютъ

Рис. 8.—Кусокъ кремня съ отбитыми краями. (Кентская пещера). въ сѣти рыбаковъ вдоль Доггерской отмели. Эти ископаемыя говорятъ намъ о томъ, какія животныя окружали человѣка, и о томъ, насколько измѣнивъ былъ преобладавшій тогда климатъ.

II. Характеръ остатковъ, найденныхъ въ пещерахъ.

Всѣ перемѣны, которымъ подверглось относительное распредѣленіе воды и суши, произошли внутри существующихъ материковъ. Другими словами: огромные водоемы, наполненные водами океановъ, уже съ первой стадіи образованія земной коры были, вѣроятно, тѣмъ же, чѣмъ они есть и сейчасъ. Но въ предѣлахъ этихъ перемѣнъ опустошеніе было громадно: дождь, атмосферныя

явленія, нивелирующее дѣйствіе моря—разрушили и до тла уничтожили слѣды прошлаго. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ служить тотъ фактъ, что нѣтъ пещеръ болѣе ранней формаціи, чѣмъ середина плейстоценоваго періода. Съ незапамятныхъ временъ, нависшія скалы, впадины въ холмахъ и склонахъ горъ представляли, какъ для человѣка, такъ и для звѣря, — естественный приютъ. Въ этихъ-то пещерахъ и были найдены, въ перемежку съ костями вымершихъ и доселѣ существующихъ животныхъ, слѣды существованія человѣка, и болѣе обильные, и представляющіе болѣе научнаго интереса, чѣмъ остатки, находимые въ рѣчныхъ наносахъ. Пещеры обыкновенно встрѣчаются въ известковыхъ горахъ. Своимъ происхожденіемъ онѣ обязаны дождевой водѣ: послѣдняя, насыщенная углекислотой, поглощенной изъ атмосферы и разлагающейся растительности, проникаетъ во внутрь горы сквозь трещину и, растворяя известнякъ, медленно образуетъ пустоту, т. е. пещеру. Далѣе въ силу различныхъ иныхъ условій подземные насыщенные растворомъ воды начинаютъ выдѣлять изъ себя осадки, заполняя вырытыя пещеры такъ называемыми сталактитами и сталагмитами. Вода, капая со свода, отлагаетъ на полу пещеры растворенныя известковыя частицы; такимъ образомъ получается слой сталагмитовъ (греч. *stalagmos*, капля), покрывающій и герметически закупоривающій находящіеся подъ нимъ предметы. Растворенныя частички извести, свѣшивающіяся, подобно ледянымъ сосулькамъ, съ пещерныхъ сводовъ, постепенно образуютъ сталактитовыя колонны, придающія особую красоту многимъ изъ пещеръ.

Значительная часть пещерныхъ остатковъ была занесена туда потоками, которые нѣкогда текли

на одномъ уровнѣ съ дномъ пещеры: характеръ наносной почвы и попадающіяся въ ней кости и остатки даютъ намъ право сдѣлать такое заключеніе. Это не объясняетъ намъ присутствіе въ этихъ пещерахъ нѣкоторыхъ предметовъ и притомъ въ такомъ порядкѣ, который скорѣе можетъ сбить съ толка, чѣмъ что либо объяснить. Но когда скопленіе этихъ предметовъ очень значительно, ихъ можно приписать только тому, что пещеры эти служили мѣсто трапезы и жилья человѣку или животнымъ. Остатки пищи, съ разбросанными между ними орудіями и оружіемъ, свидѣтельствуютъ о посѣщеніи пещеръ охотниками, а разгрызенныя кости мелкихъ животныхъ, перемѣшанныя съ костями крупныхъ плотоядныхъ, говорятъ намъ о хищникахъ, заносившихъ сюда свою добычу. Постоянное пользованіе пещерами въ продолженіе долгаго періода времени и частое разрушеніе ихъ почвы и содержимаго, — мѣшаютъ намъ съ полною точностью опредѣлить эпоху, къ которой относятся остатки этого рода, какъ это возможно относительно остатковъ, находящихся въ рѣчныхъ наносахъ. Но гдѣ бы ни находили кости человѣка и звѣрей вмѣстѣ съ грубыми орудіями, заключенными подъ нижними слоями нетронутыхъ сталагмитовъ, тамъ самый фактъ ихъ глубокой древности несомнѣненъ. Подобно рѣчнымъ наслоеніямъ съ ихъ содержимымъ, всякая пещера, вообще говоря, даетъ общее понятіе объ остальныхъ. Хотя много другихъ пещеръ было изслѣдовано за послѣдніе годы, но все же знаменитая Кентская пещера близъ Торкея остается однимъ изъ лучшихъ образцовъ этого рода. Войдя въ это древнее пристанище человѣка, мы видимъ, что наслоенія расположены въ немъ въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ верхняго:

1) Куски известняка, начиная съ вѣса въ нѣсколько футовъ и до сотни тоннъ, — обрушившіеся въ разное время со сводовъ и болѣе или менѣе сплоченные углекислою известью.

2) Слой черной грязной почвы толщиною отъ трехъ дюймовъ до одного фута, образовавшійся почти исключительно изъ разложившихся расти-

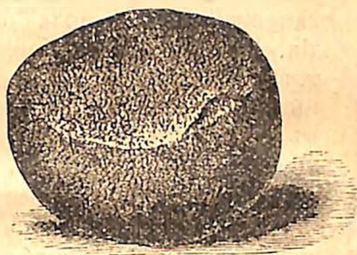

Рис. 9.—Молотокъ камень. (Кенская пещера).

Рис. 10.—Костяная игла. (Кенская пещера).

тельныхъ остатковъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «черноземнаго».

3) Слой сталагмитовъ, зернистаго характера, толщиною — начиная съ трехъ дюймовъ и кончая пятью футами.

4) Слой, состоящій преимущественно изъ обуглившихся кусковъ дерева. Онъ имѣетъ дюйма четыре въ толщину и встрѣчается только въ одной части пещеры. Онъ называется «чернымъ пластомъ».

5) Свѣтло красная глина, называемая «пещерною землею».

6) Второй рядъ сталагмитовъ, но уже кристаллическаго характера, мѣстами толщиною до двѣнадцати футовъ.

7) Внизу подъ ними — темно-красный песчаный слой, безъ примѣси известняка, называемый «bressia».

Предметы, найденные въ черноземѣ, относительно говоря, — новѣйшаго происхожденія, хотя и принадлежатъ различнымъ періодамъ, какъ то: бронзовые ножи, обломки грубо сплавленной мѣди,

римская и болѣе древняя утварь, и на ряду съ ними каменные и костяныя орудія. Верхній слой сталагмитовъ, черный пласть и пещерная земля заключаютъ въ себѣ остатки очень разнообразныхъ животныхъ: мамонта, косматого носорога, пещернаго льва, пещернаго медвѣдя, сѣвернаго оленя, ирландскаго лося, лошади и пр. и многочисленныя кремни и куски, отъ которыхъ они были отбиты ударами или давленіемъ. Кроме кремневыхъ кусковъ и орудій въ черномъ пластвѣ были найдены: костяное шило, гарпунъ и игла съ искусно сдѣланнымъ отверстіемъ. Въ Дордоньскихъ пещерахъ во Франціи были

Рис. 11.—Копьеобразное орудіе. (Кентская пещера).

найжены тѣ каменные орудія, съ помощью которыхъ просверливались отверстія въ костяныхъ иглахъ. Слой пещерной земли больше всѣхъ другихъ изобилуетъ остатками; нижній рядъ сталагмитовъ заключаетъ въ себѣ только кости свирѣнаго пещернаго медвѣдя, а въ слое bressia

нашли кости этого животного, ископаемый «обдѣланный зубъ», гораздо болѣе грубыя кремневяя орудія, чѣмъ найденныя въ слое пещерной земли. Эти разнообразныя слои указываютъ громадную давность существованія пещернаго человѣка въ Западной Европѣ. Еще семьдесятъ лѣтъ тому назадъ они оставались неприкосновенными со времени своего медленнаго отложенія; медленнаго потому, что рядъ сталагмитовъ образуется только тогда, когда растворится известнякъ на пещерныхъ сводахъ, а скорость этого процесса зависитъ преимущественно отъ количества углекислоты въ водѣ. Нѣкоторые люди любятъ нацарапывать свое имя на общественныхъ памятникахъ и на другихъ мѣстахъ, въ надеждѣ, что свѣтъ когда-нибудь познакомится съ знаменательнымъ фактомъ посѣщенія такимъ то лицомъ такого то мѣста—все это очень бессмысленно, но иногда этотъ бессмысленный обычай оказывается хотя и ненамѣренную услугу обществу. Такъ нѣкій «Робертъ Хеджъ изъ Ирландіи» 20 февраля въ годъ революціи въ 1688 году, проникнувъ въ пещеру Кента, на выпуклости сталагмита, вырѣзалъ свое имя, а римско-католи-

Рис. 12.—Костяное шило. (Кентская пещера).

ческій священникъ, Макъ-Энери, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей пещеръ, оставилъ въ архивѣ описаніе виѣшняго вида этой надписи, видѣнной имъ въ 1825 году. Онъ говоритъ, что она «стала глиниовита и полупстерта» — это описаніе примѣнимо и сейчасъ, — (хотя вода и отлагала углекислоту выдѣляемую известнякомъ на данную выпуклость, расположенную непосредственно подъ сталактитомъ) — несмотря на то, что оно сдѣлано почти семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Оболочка наросшая на надписи за два вѣка — толщиною въ $\frac{1}{20}$ дюйма. Предполагая одинаковую скорость на-

Рис. 13.—Конiecъ гармуна. (Кентская пещера).

слоения, время потребное для нараценія двухъ рядовъ сталагмитовъ (не говори уже о словѣ пещерной земли между и словѣ брессія или старой пещерной земли подъ ними) — изумительно велико. Ограничимся общимъ впечатлѣніемъ глубокой давности и оставимъ въ сторонѣ точныя цифры; тѣмъ болѣе, что подобный же натекъ сталагмита выросъ въ пещерѣ Ингльбороу въ Йоркширѣ со скоростью 0,2941 дюйма въ годъ, показывая, что толщина сталагмитовъ не можетъ быть точнымъ мѣриломъ времени.

Общее сходство орудій, найденныхъ въ нижнихъ пещерныхъ слояхъ, съ тѣми которыя найдены въ рѣчныхъ наносахъ, свидѣтельствуетъ с томъ, что пещеры служили также пріютомъ и обладателямъ послѣднихъ. Затѣмъ послѣ промежутка времени,

продолжительность котораго измѣряется вышеупомянутыми верхними наслоениями, появляются пещерные люди. Возможно, что они были потомками рѣчныхъ людей и несомѣнно, что они достигли болѣе высокой степени культурности. Мы это видимъ и изъ большей законченности отдѣлки ихъ орудій и оружія, изъ большого разнообразія въ выборѣ матеріала и примѣненія его и въ слѣдахъ ихъ образа жизни, на который указываютъ намъ ископаемые остатки. Въ отличіе отъ рѣчныхъ людей, которыхъ относятъ къ періоду мамонта, о нихъ часто упоминаютъ какъ о людяхъ періода сѣвернаго оленя, ибо, хотя періоды, въ которые появились эти оба животныхъ, и сливаются, но олень, какъ показываютъ остатки охотничьихъ пировъ, былъ однимъ изъ ихъ главныхъ источниковъ пищи. Палеолитическіе пещерные люди жили во всѣхъ мѣстахъ земного шара, хотя конечно не въ одно время. Слѣды ихъ пребыванія встрѣчаются въ пещерахъ отъ Йоркшира до Гибралтара, отъ Франціи до Сиріи и дальше—черезъ Тихій Океанъ—до Америки. Но пещеры встрѣчаются только въ опредѣленныхъ областяхъ; а въ безпріютной открытой мѣстности и въ лѣсу, кишѣвшемъ звѣрями, человѣкъ дѣлалъ себѣ хижину изъ земли или прутьевъ, или рылъ яму и укрывался въ ней. Вдоль рѣчныхъ долинъ Западной Европы и въ другихъ мѣстахъ большія кучи отбросовъ отмѣчаютъ мѣсто временныхъ поселковъ, отъ которыхъ давно не осталось никакихъ другихъ слѣдовъ.

Аббатъ Буржуа доказываетъ, что кремни, найденные въ міоценовыхъ наслоеніяхъ въ Тенэ, носятъ слѣды того, что они истрескались отъ огня, и что они употреблялись для кипяченія воды. Доводы—не вполне убѣдительны—хотя ихъ и поддерживаютъ

подобныя же находки въ залежахъ песку въ Орлеанѣ—ибо кремни могли быть расщеплены молніей, или же растрескаться въслѣдствіе какой-нибудь другой естественной причины. Менѣе сомнительнымъ доказательствомъ служатъ обожженные камни, найденные въ залежахъ гравіа въ Илингъ, а пепель, зола, обуглившіеся остатки, наполовину или вполнѣ сожженные кости—найденныя при раскопкахъ, конечно, свидѣтельствуютъ объ употребленіи огня пещерными людьми. Было бы удивительно, если бы эти люди — по своей цивилизованности почти равныя дикарямъ Огненной Земли и Тасманіи—не знали искусства — одного изъ древнѣйшихъ изобрѣтеній человѣка — которое не чуждо почти ни одному дикому племени. Первоначальный источникъ добыванія огня или случай, вызвавшій его, далъ поводъ къ появленію массы легендъ и мифовъ среди невѣжественныхъ народовъ и множества догадокъ среди народовъ культурныхъ. Неразвитому уму огонь казался такимъ могущественнымъ двигателемъ въ дѣлѣ человѣческаго прогресса (и на самомъ дѣлѣ безъ него выходъ изъ первобытнаго состоянія былъ бы невозможенъ): онъ, конечно, былъ или даромъ боговъ, или былъ похищенъ у нихъ какимъ-нибудь отважнымъ героемъ, однимъ изъ тѣхъ героевъ культуры, по слѣдамъ котораго идетъ искусство и цивилизація цѣлаго народа. Не мудрено, что огонь, таинственный какъ по существу, такъ и по происхожденію, сдѣлался предметомъ широко распространеннаго культа. Онъ являлся символомъ божества у такъ называемыхъ огнепоклонниковъ—парсовъ; мистическимъ элементомъ, охраненіе котораго было преимуществомъ жреческой касты: дѣвственныхъ весталокъ Рима, браминовъ, жрицъ Перу, жрецовъ Ваала. Мы уже говорили о добы-

ваніи браминами священнаго огня первобытнымъ способомъ; а если вслѣдствіе забывчивости пламя въ храмъ все-таки угасало, его возжигали снова треніемъ священнаго куска дерева. Треніе было, конечно, первымъ способомъ добыванія огня; причемъ или прилежно терли одинъ о другой два куска сухого дерева, или пользовались другимъ болѣе распространеннымъ способомъ: быстро вращали между двумя руками сухую палочку, помѣстивъ одинъ конецъ ея въ ямку въ другомъ кускѣ дерева. Всѣ другіе способы добыванія огня—различныя виды тренія, основанные на томъ, что движеніе развиваетъ теплоту. Множество фактовъ могло натолкнуть на это, напримѣръ: 1) просверливанье дыры въ камнѣ, 2) появленіе искры при ударѣ по камню, 3) возгораніе дерева отъ молніи, 4) треніе вѣтвей другъ о друга и наконецъ 5) субъективное ощущеніе теплоты при потираніи рукъ.

Такъ какъ у пещерныхъ людей не было посуды (та, которую находятъ при раскопкахъ, принадлежитъ къ неолитическому вѣку), то они должны были готовить мясо по способу дикарей: т. е. или насаживать его на грубо сдѣланный вертелъ, или прямо класть его въ горячую золу, или на докрасна накаленные камни, или бросать камни въ воду налитую въ углубленія въ камняхъ, въ ямы обмазанныя глиной, или выложенныя кожей и погружая туда мясо при ея кипѣніи. Этотъ послѣдній былъ способомъ краснокожихъ, или «каменныхъ поваровъ», какъ ихъ называли, пока купцы не снабдили ихъ глиняною посудой. Около трехъ вѣковъ тому назадъ накаленные камни употреблялись въ Ирландіи для согрѣванія молока, а на Гебридскихъ островахъ въ ту же эпоху мясо варили въ звѣриныхъ шкурахъ. Жители Полинезіи завер-

тываютъ мясо въ листья и кладутъ его на раскаленныхъ камняхъ. Свидѣтелемъ этого способа приготовления былъ Ромили, присутствовавшій на каннибальскомъ пиру въ Новой Ирландіи десять лѣтъ тому назадъ.

Употребленіе тыквы, скорлупы кокосовыхъ орѣховъ, или какихъ-либо другихъ отъ природы полыхъ предметовъ, какъ то черепъ и рога животныхъ—для питья—очевидно. Слово *keramis*—примѣнимое ко всякому глиняному издѣлію, происходитъ отъ греческаго *keras*; оно указываетъ намъ на употребленіе роговъ, какъ сосудовъ для питья, а также говоритъ о первоначальной формѣ и происхожденіи послѣднихъ. Едвали можно сомнѣваться, что изобрѣтеніе искусства дѣлать глиняную посуду возникло изъ привычки обмазывать внутреннюю или вѣшнюю поверхность сгораемыхъ сосудовъ, какъ то кубковъ, тыквъ, корзинъ, глиною, чтобы предохранить ихъ отъ дѣйствія огня; почти съ достовѣрностью можно сказать, что этому факту люди обязаны изобрѣтеніемъ глиняной посуды. Когда люди убѣдились, что глина не только выдерживаетъ жару, но даже твердѣетъ на огнѣ, то самая основа, которую ею обмазывали, была признана бесполезною. Наболѣе первобытное украшеніе глиняной посуды сдѣлано ногтемъ; оно часто является грубымъ подражаніемъ отпечатка, оставленнаго на глинѣ плетеными корзинами.

Разсматривая грубое оружіе пещерныхъ людей, мы убѣждаемся, что они были «могучими охотниками»; ибо ихъ добычею служилъ мамонтъ, косматый носорогъ и другія громадныя животныя. Отростки роговъ сѣвернаго оленя служили кинжаломъ, огромныя грушевидныя кремни—палицею, а палки, снабженныя заостренными каменными или костяными паконечниками, — смертоноснымъ копъ-

Рис. 14.—Украшения на древнихъ сосудахъ.

емъ. Малеькіе треугольные кремни, найденные въ рѣчныхъ наносахъ, — грубая копія безукоризненно сдѣланныхъ наконечниковъ стрѣлъ неолитическаго вѣка — указываютъ на употребленіе лука въ началѣ палеолитическаго вѣка; зубчатыя стрѣлы, наконечники копьевъ, такъ часто попадающіеся въ пещерахъ Франціи, служили для ловли птицъ, а костяной багоръ и зубчатые крючки для рыбной ловли. Пока мужчины были на охотѣ, женщины смотрѣли за домомъ, варили пищу и шили одежду. Последняя состояла изъ звѣриныхъ шкуръ — домашнихъ животныхъ тогда еще не было — синитыхъ костяной иглой съ помощью нитей изъ сухожилий и кишокъ. Оставивъ въ сторонѣ болѣе сухія и менѣе необходимыя для пополненія нашего блага очерка подробности, мы перейдемъ къ предмету глубокой важности — несомнѣннымъ остаткамъ первобытнаго искусства, найденнымъ въ пещерахъ Перигора и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи, Бельгіи и Швейцаріи. Здѣсь человекъ «сѣвернаго оленя» оставилъ намъ болѣе живые слѣды своей жизни и эпохи, чѣмъ тѣ, которые даютъ намъ его орудія и оружіе вмѣстѣ съ останками животныхъ. На наше счастье, онъ вырѣзывалъ въ свободное отъ охоты время на кости, отроствахъ роговъ, и рѣже на слоеной кости и камняхъ, охотничьи сцены, всего болѣе вѣрившіяся ему въ память. Въ Дордоньскихъ пещерахъ найдены были наиболѣе замѣчательные образцы этого рода. Разсматривая ихъ безъ отношенія къ мѣсту, мы видимъ на одномъ рисункѣ, вырѣзанномъ на обломкѣ рога, пасущагося буйвола, (urus), а сзади подкрадывающагося человека, готоваго бросить въ него копьемъ; на другомъ: обнаженный охотникъ также кидаетъ копьемъ въ лошадь; на третьемъ изображена группа сѣверныхъ

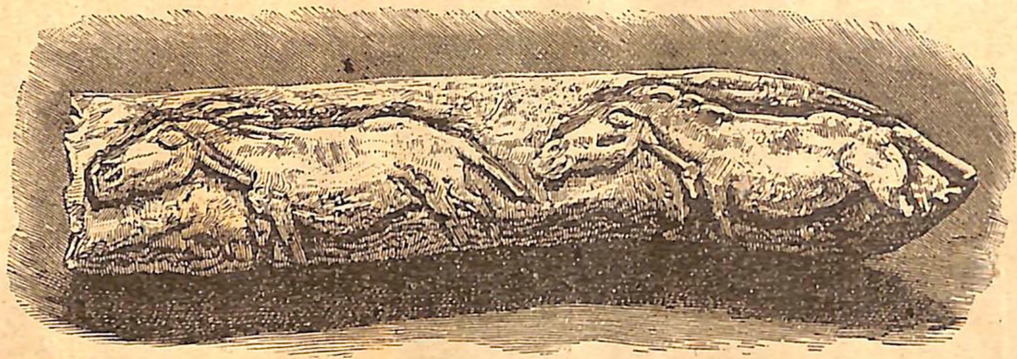

Рис. 15.—Лошади, вырѣзанныя на кускѣ оленьяго рога. (Пещера Madelaine въ Дордоньи).

олений: изъ нихъ два пасутся, а три остальныхъ уже, вѣроятно, пойманныхъ лежатъ навзничь. На четвертомъ изображенъ каменный козель; «обломокъ рога, на которомъ онъ вырѣзанъ, вѣроятно, разбился, послѣ того какъ художникъ началъ работу — такимъ образомъ рисунокъ остался недоделаннымъ. Но размѣры не пострадали, животное

Рис. 16. — Группа сѣверныхъ оленей, выцарапанная на сланцѣ.
(La Madelaine).

не лишено заднихъ ногъ за недостаткомъ мѣста, онъ только такъ подогнуты впередъ, такъ что касаются нижней части туловища». Однимъ изъ наиболѣе живыхъ рисунковъ является хорошо извѣстная фигура мамонта, нацарапанная на кускѣ слоновой кости. Художникъ правдиво изобразилъ косматые уши животного, его длинную шерсть, загнутые вверхъ клыки; ноги мамонта скрыты въ высокой травѣ. Сохранившіеся полные остовы этого животного — какъ мы уже гово-

рили выше — даютъ намъ возможность убѣдиться въ вѣрности этого рисунка. Перечень рисунковъ, въ которыхъ сѣверный олень является излюбленнымъ предметомъ, далеко не конченъ, но достаточно будетъ сказать, что найденное въ пещерѣ Робинъ Гуда изображеніе лошади на маленькомъ обломкѣ ребра «имѣетъ громадную цѣнность,

Рис. 17.—Изображеніе Мамонта на кускѣ слоновой кости.
(La Madelaine).

такъ какъ устанавливаетъ связь между пещерными людьми Англии, Франціи, Бельгіи и Швейцаріи.

Мы еще ничего не сказали объ остаткахъ самого человѣка, въ видѣ черепа и другихъ частей его скелета. Сравнительно съ его петлѣвыми произведеніями въ видѣ кремней и тому подобнаго матеріала они поразительно рѣдки. Для этого есть основательныя причины. Джонъ Леббокъ указываетъ на слѣдующій фактъ: въ залежахъ гравія St. Acheul'a близъ Аміена «никогда не было найдено слѣдовъ животнаго, равнаго по величинѣ человѣку. Болѣе крупныя и прочныя кости слона, носорога, быка, лошади и оленя сохранились, по

всякій признак существованія болѣе мелкихъ костей безслѣдно исчезъ. Не только палеолитическіе люди были далеко разбросаны другъ отъ друга, но и самая численность ихъ, сравнительно съ другими животными, была очень мала. Основываясь на такой же численности между охотничьими племенами можно сказать, что она выражалась цифрами 750 къ 1; а опредѣляя длину человѣческой жизни въ четыре раза болѣе, чѣмъ въ среднемъ у животныхъ, мы должны заключить, что около трехсотъ скелетовъ различныхъ животныхъ — добычи человѣка — приходится на одинъ человѣческой скелетъ. Кромѣ того, кости человѣка могли легко сдѣлаться добычей гнѣнь. Затѣмъ, онѣ растворялись въ нѣкоторыхъ кислотахъ, которыхъ особенно много въ торфѣ. Море уносило трупы. Еще очень мало произведено раскопокъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можетъ быть заключены человѣческія кости или зубы, менѣе подверженные глѣнію. И чтобы покончить съ доводами: мѣстности, когда-то населенныя людьми, теперь затоплены моремъ, а потому недоступны изслѣдованію. По поводу этого вопроса, вотъ любопытный результатъ осушки Гаарлемскаго озера сорокъ лѣтъ тому назадъ. Хотя многочисленное населеніе жило на его отмеляхъ, много кораблей погибло въ немъ, много морскихъ битвъ произошло на его волнахъ, но инженеры не нашли и слѣда человѣческихъ костей на его днѣ, состоящемъ изъ наслоеній, накопившихся три вѣка. Такъ много спорныхъ находокъ сдѣлано въ наслоеніяхъ, періодъ образованія которыхъ подлежитъ сомнѣнію, что мы упомянемъ только о немногихъ, наиболѣе достовѣрныхъ изъ нихъ. Песчаные наносы рѣкъ материка до сихъ поръ не дали скелета рѣчного человѣка; также бесплодны и рѣки Великобрита-

ни. Тѣ остатки, которые удалось открыть, найдены въ нижнихъ наслоеніяхъ пещеръ; есть масса фактовъ, указывающихъ, что послѣдніи съ самыхъ раннихъ до позднѣйшихъ временъ служили мѣстомъ погребенія. Среди наиболѣе важныхъ находокъ это—сдѣланная въ пещерѣ Дюрюти въ западныхъ Пиринеехъ. Тамъ былъ найденъ полуразрушенный человѣческій черепъ и разсыпавшіяся пальцевыя кости вмѣстѣ съ наиболѣе грубыми образцами кремневыхъ орудій—обломковъ и скребковъ—все это заключенное въ до сихъ поръ нетронутую массу, надъ которой находилась погребальная пещера, заключавшая множество скелетовъ новаго каменнаго вѣка. Подлѣ палеолитическаго черепа находилось множество просверленныхъ львиныхъ и медвѣжьихъ зубовъ, лежащихъ въ порядкѣ, показывавшемъ, что они составляли часть ожерелья. Кромѣ того, зубы украшены нацарапанными рисунками, изображающими зубчатые багры, наконечники стрѣлъ, фигуры щуки и угря и пару перчатокъ. Человѣкъ рано проявилъ любовь къ украшенію; красныя горшки, раскрашенные окисью желѣза, равно какъ и ожерелья изъ зубовъ или скорлупы часто находятъ въ пещерныхъ отложеніяхъ. Папуасы, тоскающіеся по грязи и колючимъ кустамъ, украшаютъ себя яркими ягодами; огнеземельцы (хотя и обращенные въ веселензмъ) которые красятъ половину лица красной, а половину черной краской; туземцы Адмиралтейскихъ Острововъ, которые были въ восторгѣ, когда ихъ разрисовали полосатой зеленой съ желтымъ краской на палубѣ Challenger'a; и наконецъ эскимосы, носящіе гвоздь въ нижней губѣ или щекахъ — всѣ они съ родни современнымъ денди и напудреннымъ красавицамъ по своему общему происхожденію отъ родоначаль-

никовъ эстетики — разукрашенныхъ обитателей палеолитическихъ пещеръ.

Что касается другихъ череповъ, то одинъ былъ найденъ въ Канштадтѣ подлѣ Штутгарта въ 1700 году, и изслѣдованный лишь 135 лѣтъ спустя, былъ признанъ принадлежащимъ палеолитическому дикарю. Раньше открытія костей въ Дюрюти, черепа

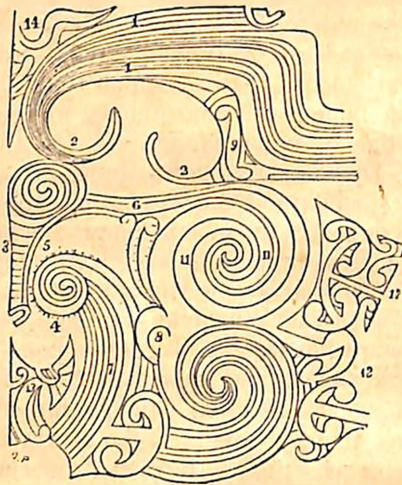

Рис. 18.—Татуировка на лицѣ маори.

были найдены въ пещерѣ Неандерталь въ Германіи и въ пещерѣ Энжи въ Бельгіи. Вмѣстѣ съ черепомъ въ Энжи были найдены кости мамонта и косматого носорога, что указываетъ на его глубокую древность; но, какъ о немъ, такъ и о экземплярѣ изъ Неандерталья, Гёксли говоритъ, что они, ни тотъ, ни другой, не уясняютъ намъ переходной ступени между человѣкомъ и человѣкоподобною обезьяною.

Этого и слѣдовало ожидать; ибо, какъ сказано выше, расхожденіе человѣка и обезьяны совершилось въ достаточно отдаленный періодъ времени, чтобы закрѣпить различія характеризующія обѣ породы. Черепъ изъ Энцифиской пещеры прекрасный средній экземпляръ; «онъ могъ принадлежать какъ философу, такъ и бессмысленнымъ мозгамъ дикаря». Экземпляръ Неандертали обличаетъ человѣка, черепъ котораго какъ бы приближается къ обезьяньему типу. Многіе изъ насъ встрѣчали, вѣроятно, головы, о которыхъ можно сказать тоже самое. Вотъ еще заключительный примѣръ; два скелета были найдены въ пещерѣ Спаи въ Намюрѣ. О нихъ ихъ изслѣдователи говорятъ, что хотя они и обладаютъ бѣльшимъ количествомъ обезьяно-подобныхъ особенностей, чѣмъ кака-либо человѣческая раса, но все же глубокая пропасть лежитъ между ними и антроподами. Они добавляють, что «разстояніе между человѣкомъ изъ пещеры Спаи и современнымъ антроподомъ песомпѣнно громадно; но между первымъ и Dugurithesus немного меньше». Но мы позволимъ себѣ сказать, что если отъ человѣка четвертычнаго періода — произошли нынѣ существующія расы, то онъ прошелъ огромный путь. По имѣющимся теперь даннымъ позволительно думать, что мы будемъ въ состояніи прослѣдить первобытный типъ человѣка и антропода еще дольше, можетъ быть, до еоценоваго періода или еще далѣе. Раньше чѣмъ мы начнемъ новую главу, желательно было бы собрать воедино все сказанное о расахъ рѣчного и пещернаго періода, и попытаться нарисовать общую картину, пользуясь неяснымъ и разрозненнымъ матеріаломъ, имѣющимся подъ рукою. Знаніе быта дикарей, существующихъ доселѣ или жившихъ въ каменномъ вѣкѣ, можетъ служить намъ под-

спорьемъ. Необходимо помнить, что выраженіе «первобытный», примѣнимое къ человѣку, какъ и ко всѣмъ вышшимъ формамъ жизни — не научнаго происхожденія; оно употребляется только изъ необходимости, чтобы указать высшую точку достигнутую нами при изученіи описаннаго типа. Рѣчной человѣкъ, какъ было выше сказано, потомокъ еще болѣе первобытнаго человѣка.

Во-первыхъ, коснемся его сложенія, во-вторыхъ его умственныхъ способностей и наконецъ склада его общественной жизни.

1) Если принять скелеты Спай за типъ, то палеолитическій человѣкъ былъ могучаго сложенія, хотя и обладалъ коренастой, малорослой фигурой, подобной фигурамъ огнеземельцевъ, бушменовъ, минкопи съ Андаманскихъ острововъ и другихъ вымирающихъ племенъ. Съ широко разставленными ногами и изогнутыми берцовыми костями, онъ ходилъ переваливаясь; своей походкой онъ напоминалъ гориллу или кривоногаго человѣка. Его длинный черепъ оканчивался низкимъ и покатымъ лбомъ съ густыми нависшими бровями; плоскій носъ съ широкими ноздрями; слегка заостренные уши; огромныя широкія челюсти, напоминающія пасть животнаго, снабженныя клыками на подобіе собачьихъ и маленькій сплюснутый подбородокъ. Вѣроятно, кожа была мѣдно-краснаго цвѣта, обросшая длинными прямыми волосами, какъ у племени айносовъ въ Иезо, сѣверномъ островѣ Японіи.

2) Что касается его умственныхъ способностей, то наклонности обезьяны и тигра были еще очень мало поработаны въ немъ. Онъ рѣдко владѣлъ своими чувствами; побужденіе данной минуты было для него закономъ. Умъ ребенка сливался въ немъ съ силою и страстью взрослого. Онъ былъ ко-

варепъ, такъ какъ долженъ былъ жить хитростью; онъ убивалъ и, вѣроятно, съѣдалъ своихъ враговъ, иначе его постигла бы та же участь. Онъ непрестанно воевалъ изъ-за пищи для себя, для подруги, которую онъ пріобрѣлъ, и для ребенка, котораго она родила ему; общая нужда и общая опасность укрѣпляли основы общественной жизни, которая началась въ гораздо болѣе отдаленномъ прошломъ. Эта борьба вызвала въ немъ постоянное упражненіе чувствъ; отсюда слухъ и зрѣніе настолько обострившіеся, что дикарь видитъ и слышитъ такія вещи, къ которымъ цивилизованный человѣкъ остается слѣпъ и глухъ. Это объясняется тѣмъ, что чувствительность послѣдняго притуплена искусственною помощью; да и самый складъ его жизни не требуетъ безсмѣнной бдительности. Земли служила дикарю телефономъ; инстинктивно примѣняя способъ Задига, онъ падалъ къ ней ухомъ и прислушивался къ отдаленнымъ шагамъ врага. Съ неизмѣнною ловкостью онъ камнемъ перешибалъ птицу на лету; пропалъ бѣгущую добычу своимъ кремневымъ или костянымъ копьемъ; нырялъ въ воду и ловилъ рыбу руками, протыкая ей глаза пальцами, подобно тому какъ австралійцы ныряютъ съ копьемъ въ рукахъ и выплываютъ съ проколотою рыбой на немъ. Живя только минутою, онъ не думалъ о завтрашнемъ днѣ, который могъ принести съ собою голодную смерть. Кромѣ орудія и оружія—а и то и другое часто терялось, или становилось негоднымъ—у него не было иной собственности; у бродяги-охотника нѣтъ очага, который ему надо было бы отстаивать. За предѣлами маленькой семьи, или кружка людей, не было мѣста состраданію или расположенію, такъ какъ эти чувства крѣпнутъ лишь по мѣрѣ развитія обще-

ственной жизни. Въ немъ была способность мышления, но она привыкла сосредоточиваться на физическихъ нуждахъ и находилась еще въ зачаточномъ состоянїи; при этомъ условїи окружающій мїръ вызывалъ въ его неразвитомъ умѣ впечатлѣніе противорѣчїя, замѣшательства и изумленїя. Такъ какъ онъ имѣлъ самое слабое представленіе о взаимномъ отношенїи вещей, то и не могъ дѣлать никакихъ общихъ выводовъ. Онъ ничего не зналъ о причинной связи между человѣкомъ или вещью и ихъ тѣнью, между сномъ и грезами, между облакомъ и его отраженїемъ въ водѣ, между звукомъ и его эхомъ за холмомъ. Онъ видѣлъ, что солнце и звѣзды появлялись и исчезали, что вода въ большихъ рѣкахъ убывала и прибывала, а въ маленькихъ ручьяхъ вовсе исчезала по временамъ, пока вода, падающая съ неба, не пополняла ихъ. По этимъ и массѣ другихъ явленїй онъ научился смутно распознавать различїя, которыя весьма медленно довели его умъ до способности сравнивать; такимъ образомъ было положено начало знанїю тѣхъ отношенїй между предметами, которыя мы называемъ причиною и слѣдствїемъ. Но человѣческая жизнь была слишкомъ коротка, чтобы на этой почвѣ могли возникнуть первыя понятїя о законѣ и порядкѣ; вѣка прошли равьше, чѣмъ человѣкъ сталъ въ состоянїи исправить свои первыя непосредственныя впечатлѣнїя и изучить явленїя окружающаго мїра. «Если мы», какъ говоритъ Пфлейдереръ, «употребляемъ цѣлые годы на то, чтобы развить въ умѣ нашихъ дѣтей отвлеченныя понятїя, хотя они и пользуются преимуществомъ наслѣдїя проплагаго, «которое думало за нихъ», то первобытному человѣку потребовались вѣка, даже тысячелѣтїя, чтобы достигъ тѣхъ же самыхъ результатовъ».

Конечно, даже на самой низшей ступени развитія, когда человѣкъ «мыслилъ, еще не отдавая себѣ въ томъ отчета», онъ уже собиралъ знанія на пользу своимъ преемникамъ. Знаніе излюбленныхъ мѣстъ и привычекъ добычи, имъ преслѣдуемой; наиболѣе годныхъ въ пищу зеренъ и ягодъ; почвы, на которой они растутъ, и времени, въ которое они поспѣваютъ; знаніе элементарнаго различія вещей, напр., камень тонетъ, а дерево плаваетъ на водѣ; размѣровъ вещей, ихъ твердости или мягкости; ихъ сладости или горечи; знаніе нѣкоторыхъ странныхъ явленій, напр., удара чѣмъ-нибудь о камень, высккали изъ него искру, что заставляло думать, что или огонь обиталъ внутри его, или онъ самъ былъ живымъ существомъ. Неустанная дѣятельность зрѣнія, слуха и мозга поддерживала чувство изумленія, которое выливалось въ самыя странныя формы, — изученіе ихъ служить намъ ключомъ къ той работѣ первобытнаго ума, которая положила начало наукѣ и религіи, къ медленному переходу отъ догадокъ къ достовѣрности. Въ самомъ началѣ человѣкъ былъ обманутъ своими чувствами; понадобились тысячелѣтія, чтобы отдѣлаться отъ ложныхъ, вызванныхъ ими представленій о вещахъ. Глаза говорили ему, что земля плоска и неподвижна, что надъ ней возвышается куполообразный сводъ, по которому ходятъ солнце, луна и звѣзды. Уши говорили ему, что эхо, откликавшееся на звуки нашего голоса, было голосомъ насмѣшливыхъ духовъ; ихъ рыданіе и ревъ слышались человѣку въ завываніи вѣтра и раскатахъ грома; его испуганное воображеніе населило ими весь окружающій міръ. При его тогдашней способности разсуждать, или сравнивать вещи, ему видѣлось сходство между наиболѣе несходными

предметами, и это вовлекало его умъ въ самыя разнообразныя ловушки. Такъ какъ онъ двигался самъ, то онъ считалъ, подобными себѣ, живыми существами всѣ движущіеся предметы. Шелестящія листья, колышущаяся трава, катящійся камень, журчащая вода, плывущее облако, восходящія и заходящія небесныя тѣла, всѣ они, по его мнѣнію, жили такою же, полною чувства и страсти, жизнью, какъ и онъ самъ. А если они не жили сами, то управлялись живымъ существомъ. Отсюда возникло вѣрованіе въ повсемѣстное существованіе духовъ; сначала грозныхъ и коварныхъ, ибо всякое мало или вовсе непонятое явленіе или предметъ вызываетъ страхъ. Знаніе, какъ и любовь, изгоняетъ страхъ. А такъ, какъ страхъ окружаетъ ореоломъ величія ту силу, которая пугаетъ насъ, то намъ становится понятно, почему камнямъ и деревьямъ, водѣ и звѣздамъ приписались жертвы съ цѣлью ихъ умилостивленія или укрощенія ихъ гнѣва. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что вѣрованіе въ духовъ дало начало первобытной религіи, а догадки о вещахъ — достаточно реальныя для ихъ строителей — первобытной наукѣ; ибо религія и наука были тѣсно связаны и перемѣшаны въ умѣ первобытнаго человѣка.

Во всемъ вышесказанномъ мы далеко ушли отъ исходнаго пункта — умственнаго развитія человѣка древняго каменнаго вѣка. Онъ, конечно, въ этомъ отношеніи стоялъ не выше большей части современныхъ дикарей. Всѣ путешественники сходятся на отзывѣ, что послѣдніе не только невнимательны, но прямо неспособны даже на нѣсколько минутъ сосредоточить свое вниманіе на чемъ-либо выходящемъ изъ круга повседневной жизни. Главнымъ затрудненіемъ при всякой по-

пыткѣ опредѣлить умственные способности чело-
вѣка, такъ низко стоящаго по своему развитію,
состоитъ въ томъ, что мы не можемъ поставить
себя на мѣсто людей, языкъ которыхъ состоитъ

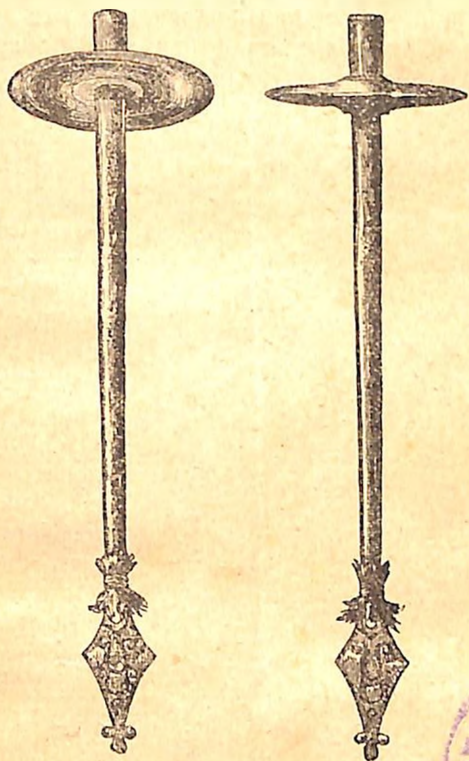

Рис. 19.—Каменная палица. (Новая Британія).

и^{ль} неразборчиваго бормотанья и жестовъ, которые
имѣютъ самое смутное понятіе о завтрашнемъ
днѣ и не умѣютъ считать дальше трехъ. Способ-

ность человѣка развиваться въ ту форму, которая уже достигнута высшими экземплярами его рода, находилась въ зачаточномъ состояніи, но она все же жила въ немъ и намъ необходимо помнить, что мы имѣемъ дѣло съ непрерывнымъ рядомъ стадій умственного развитія, хотя на низшей изъ нихъ человѣкъ оставался въ продолженіе огромнаго періода времени.

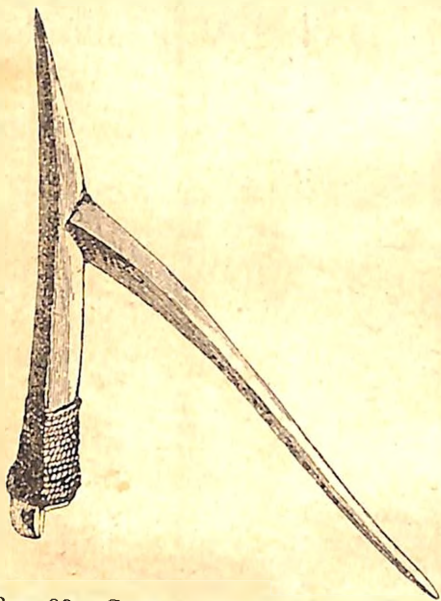

Рис. 20.—Скобель изъ раковины. (Торресовы острова).

3) Хотя современные путешественники и покупаютъ каменные орудія въ качествѣ древностей, но каменный вѣкъ еще не окончилъ своего существованія. Волосатые айносы, равно какъ и грязные готтентоты, никогда не умывающіеся со дня рожденія до самой смерти, употребляютъ костяные

и бамбуковые наконечники стрѣлъ при охотѣ и рыбной ловлѣ и питаются сырымъ мясомъ, морскими травами и кореньями. Они не признаютъ брака; каждый беретъ столько женъ, сколько онъ въ состояніи держать.

Туземцы Новой Британіи, до очень недавняго введенія употребленія желѣза бѣлыми купцами, употребляли каменные топоры, зажатые между двумя кусками дерева, и копыя съ наконечниками

изъ костей побѣжденныхъ враговъ; сила послѣдняго увеличивала его собственную при метаніи оружія. Людоѣды Квинсленда употребляютъ по большей части деревянное оружіе, но имѣютъ топоры изъ базальта или другихъ твердыхъ каменныхъ породъ, а также остроугольные орудія для распарыванія остововъ убитыхъ животныхъ. Они

также ѣдятъ жуковъ, куколокъ и червей. Среди меланезійцевъ скобели иногда сдѣланы изъ камня, а иногда изъ огромной раковины; ихъ копыя снабжены костяными наконечниками. Индѣйцы Никарагуа укрѣпляютъ свои каменные топоры въ дере-

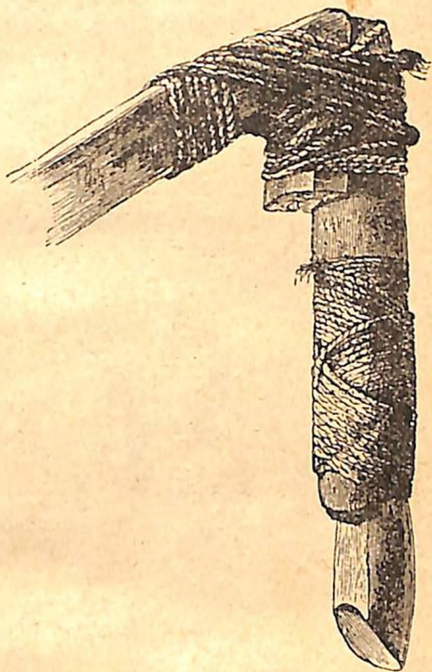

Рис. 21.—Скобель изъ раковины. (Сапта Круцъ).

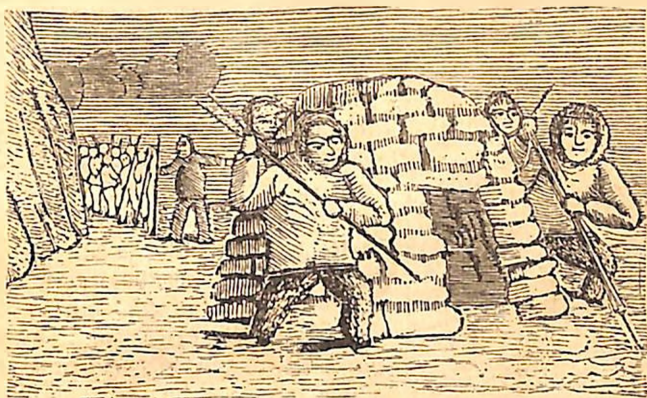
виныхъ тесныхъ топоричахъ. Жители Тасманіи, во многихъ отношеніяхъ напоминавшіе своимъ бытомъ предполагаемый бытъ палеолитическаго человека, (теперь они вымерли и это—большой упрекъ цивилизованнымъ людямъ), употребляли оружіе изъ камня, самаго грубаго типа, они держали его при-

Рис. 22.—Туземный домъ на островѣ Тестъ. (Новая Гвинея).

мо руками, не зная способа придѣлыванія ручекъ. Связки коры служили имъ лодками: онѣ управлялись шестомъ; они жили въ шалашахъ изъ сучьевъ, разводили огонь съ помощью сверленія—простѣйшаго и вѣроятно, наиболѣе древняго способа. Они чертили грубые рисунки на хинной корѣ, были быстры и коварны въ своей сферѣ, но глупы внѣ ея. Въ своихъ незрѣлыхъ религіозныхъ

идеяхъ они считали тѣмъ каждымъ предметомъ его духомъ; это было «говорицею тѣмью», они вѣрили въ злыхъ геніевъ. Они погребали своихъ мертвецовъ и избѣгали ихъ могилъ, обычай указывающій, какъ мы сейчасъ увидимъ, на боязнь духовъ. Къ этимъ немногимъ примѣрамъ, выхваченнымъ наудачу, можно было бы прибавить другіе, но и первыхъ достаточно, чтобы восполнить пробѣлы нашего очерка. Человѣкъ древняго каменнаго

ГРЕГАРЬ

Рис. 23.—Эскимосская зимняя хижина (туземный рисунокъ).

вѣка находился въ охотничьей стадіи культуры, онъ не имѣлъ помощниковъ въ лицѣ домашнихъ животныхъ. Его временныя жилища зависѣли отъ времени года и мѣстности. Вѣда на Цейлонѣ строили свои хижинны изъ сучьевъ и хинной коры; готтентоты употребляли палки и циновки; эскимосы въ лѣтнее время растягиваютъ кожи на костяхъ, связанныхъ вмѣстѣ для

образованіи столбовъ; зимою они строятъ хижины изъ лѣса и шкуръ; несчастные огнеземельцы спятъ подъ открытымъ небомъ, а бушмены, когда они далеко отъ своихъ пещеръ, или на охотничьихъ экскурсіяхъ, зарываются въ песокъ. Вообще говоря: кочевникъ — живетъ въ палаткѣ или пещерѣ, которую онъ легко смѣняетъ, кочевникъ — въ приспособленномъ къ осѣдлой жизни жилищѣ. Какъ жилье, такъ и одежда, зависятъ отъ условій климата и положенія мѣстности. Нагота — не всегда нескромность, и даръ одежды былъ иногда для дикаря причиною гибели. Различныя расы прикрываютъ различныя части тѣла; восточныя женщины скрываютъ свои лица, а правый вѣрный былъ бы вѣроятно скандализированъ видомъ западныхъ женщинъ въ ихъ вечернихъ туалетахъ, открывающихъ шею и плечи. Самая простая форма одѣянія туземцевъ жаркихъ странъ состоитъ изъ листьевъ или вѣтвей, висячихъ полосокъ или бахромъ вокругъ талии; въ болѣе холмистыхъ странахъ шкуры

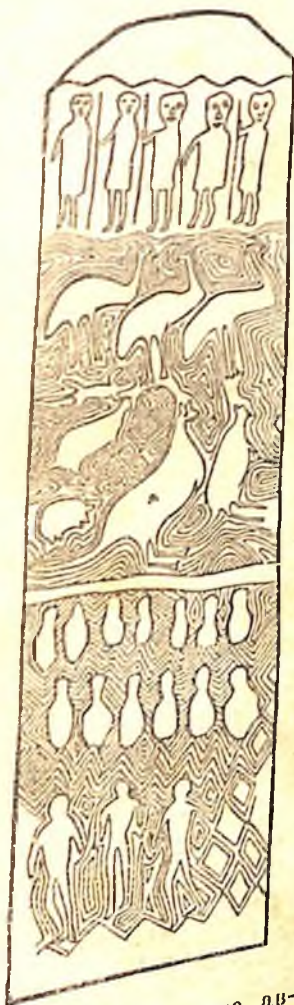

Рис. 24. — Рисунки на австралийскомъ могильномъ камнѣ.

убитыхъ животныхъ составляютъ первобытную одежду. Мы уже говорили какой восторгъ вызываетъ въ дикарь разрисованная или иначе изукрашенная кожа. Это ведетъ къ интереснымъ параллелямъ между искусствомъ пещерныхъ людей и иныхъ дикихъ племенъ, кромѣ тамаиіицевъ. Чернокожіе австралійцы стоятъ очень низко въ этомъ отношеніи, но и они имѣютъ изображенія акулъ, морскихъ свинокъ, ящерицъ, оружія и лодокъ, сдѣланныя на скалахъ, а на надгробныхъ памятникахъ — изображенія „boilyas“ или духовъ умершихъ людей и животныхъ.

Рис. 25.—Рисунокъ бушменовъ на скалѣ.

Бушмены имѣютъ также фигуры нарисованныя красной, коричневой или другими красками на скалахъ, или вытравленные свѣтлою краскою на темномъ фонѣ, а рисунки на камнѣ и хлипной корѣ сѣвероамериканскихъ племенъ высоко стоятъ среди художественныхъ издѣлій дикарей.

Начало общественной жизни относится къ тому періоду, когда человѣкъ не отдѣлялся еще отъ общаго съ животными предка. Мы не знаемъ, было ли у до - человѣческихъ родоначальниковъ особое время спариванья, но люди, какъ намъ извѣстно, во все времена года жили парами; мужчина оставался вѣренъ своей подругѣ, добывалъ ей пищу, былъ ея защитникомъ — по крайней мѣрѣ въ періодъ младенчества ихъ дѣтенышей. Даже антропиды дѣлаютъ это; а у человѣка по мѣрѣ того, какъ развивались въ немъ начатки симпатіи, отъ которой зависитъ семейная жизнь, и по мѣрѣ увеличенія младенческаго періода, общественные инстинкты вырабатывались съ болѣшею силою. Распушенные и шаткія отношенія мало-по-малу упрочивались. Но этотъ процессъ совершался медленно. Среди охотничьихъ бродячихъ племенъ каждый лишній ротъ былъ обузою, поэтому убійство женщинъ и больныхъ или слабыхъ дѣтей практиковалось очень часто. Судьба не одного старика рѣшалась ударомъ топора. Тѣла убитыхъ служили добычей гіенамъ и другимъ хищникамъ. У насъ нѣтъ достовѣрныхъ источниковъ, изъ которыхъ мы могли бы узнать о способѣ погребенія покойниковъ палеолитическимъ человѣкомъ; остатки поминокъ, указывающіе на употребленіе человѣческаго мяса, разбитые черепа, кости расколотыя, чтобы изъ нихъ можно было высосать мозгъ, встрѣчаются въ наслоеніяхъ начала неолитическаго вѣка. А можетъ

Рис. 26.—Рисунки на одеждѣ индѣйцевъ изъ пле-
мени Вороновъ (Сѣв. Амер.).

быть онъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ пещерными обитателями береговъ Краснаго моря, о которыхъ Діодоръ Сикуллъ говоритъ, «что они насмѣхаются надъ всѣми способами погребенія; какъ только одинъ изъ нихъ умираетъ, они привязываютъ ему голову между ногами съ помощью прутьевъ или боярышника, волокутъ тѣло на самую высо-

кую гору; смѣясь и болтая, засыпаютъ его камнями, водружаютъ наверху ихъ козлиный рогъ и покидаютъ мертвеца безъ всякаго признака горя или состраданія».

✓ Половые отношенія, которыя поддерживалъ человѣкъ во всѣхъ стадіяхъ развитія, — будь то дикарь каменнаго вѣка, галльскій варваръ, культурный грекъ или римлянинъ, — и которыя до сихъ поръ преобладаютъ среди большей части человѣческаго рода, опирались на непрестанное дѣйствіе «естественнаго отбора». Почти нѣтъ надобности говорить, что онъ заключается въ стремленіи всѣхъ породъ размножаться быстро, чѣмъ увеличиваются средства къ существованію, а также въ отличіи, хотя по большей части очень легкомъ, дѣтенышей отъ родителей; ибо, какъ говоритъ Дарвинъ, «даже мало производительный человѣкъ удвоился бы къ двадцати пяти годамъ, а при такой скорости меньше, чѣмъ черезъ тысячу лѣтъ буквально не было бы мѣста для его потомства на землѣ». Въ эту борьбу вмѣшиваются разрушительныя силы природы. Въ безпощадномъ соперничествѣ одерживаютъ верхъ тѣ, которые обладаютъ какимъ-нибудь преимуществомъ, недостающимъ побѣжденнымъ. Ибо, призъ на бѣгахъ всегда достается наиболѣе быстрому, а побѣда всегда остается за сильнѣйшимъ. Но исключеніемъ въ неудержимомъ дѣйствіи естественнаго отбора является человѣкъ въ извѣстной, обыкновенно высокой стадіи своего развитія, какъ общественной единицы. Его соединеніе въ цивилизованныя группы расширяетъ кругъ его симпатій. Въ числѣ другихъ результатовъ это приводитъ къ немалому усовершенствованію его способностей, напр., математическихъ и музыкальных; развитіемъ ихъ онъ не обязанъ «половому подбору» или борьбѣ между

людьми. Но этотъ вопросъ, покрытый мракомъ, равно какъ и тѣ неясныя для насъ процессы, результатомъ которыхъ является то, что принято называть «геніемъ», лежитъ за предѣлами нашей книги, а потому достаточно будетъ сказать, что когда достигнуть извѣстный пунктъ общественной эволюціи, старыя условія начинаютъ проявлять себя съ новою силою, и прерванная борьба возобновляется.

Можетъ быть мы собрали уже достаточно матеріала, чтобы мысленно представить себѣ людей древняго каменнаго вѣка. Они жили бродячими племенами, зависѣли отъ пищи, добытой охотою; располагались станомъ по берегу рѣки подъ деревьями, жили въ хижинахъ, построенныхъ изъ прутьевъ, или, если заставляла нужда, или позволяла близость, искали приюта въ пещерахъ или горахъ. Зубчатыми баграми и стрѣлами человѣкъ ловилъ рыбу и убивалъ птицъ; съ помощью тяжеловаго оружія онъ охотился на болѣе крупную добычу: мамонта, бизона, носорога, сѣвернаго оленя и лошадь. Мясо, разрѣзанное на куски кремневыми ножами, варили въ сосудахъ изъ дерева, или кожи, въ которые для нагрѣванія кидали накаленные камни. Кости раскалывали и высасывали изъ нихъ мозгъ. Кожи, выскобленные кремнями, сшитыя сухожиліями, съ помощью костяныхъ иглокъ, предохраняли тѣло отъ рѣзкаго холода; даже руки, какъ это видно по рисункамъ найденнымъ въ Пиренейскихъ пещерахъ, прикрывались длинными перчатками. Тѣ немногіе и бѣглые штрихи, которыми Тацитъ описываетъ финскія племена, могутъ быть примѣнены и къ первымъ племенамъ пещерныхъ и рѣчныхъ людей. «Они поразительно дики и бѣдны. У нихъ нѣтъ ни оружія,

ни жилища; ихъ одежда — кожи, ихъ постель — земля. Ихъ стрѣлы, по недостатку желѣза, снабжены ко-
стяными наконечниками. Женщины живутъ охо-
тою, такъ же какъ и мужчины; онѣ сопровождаютъ
последнихъ въ ихъ странствіяхъ и требуютъ своей
доли при дѣлежѣ добычи. У нихъ нѣтъ другого
средства уберечь ихъ маленькихъ дѣтей отъ не-
погоды и хищниковъ, какъ спрятать ихъ въ
гнѣздо изъ переплетенныхъ вѣтвей. Это колыбель
младенца, это же — мѣсто отдохновенія старца.
Все же они считаютъ это болышимъ счастьемъ,
чѣмъ стонать надъ нивой, изнемогать подъ бре-
менемъ труда надъ постройкою, безпрестанно дро-
жать за свое и чужое счастье. Ни заботясь ни о
людяхъ, ни о богахъ, они достигли самаго рѣд-
каго результата, они не знаютъ желанія или, если
можно такъ выразиться, они «стоятъ выше по-
требности молитвы».

Скудное количество человѣческихъ костей дре-
вняго каменнаго вѣка не особенно важно въ виду
существующихъ доказательствъ слѣдующаго фак-
та: человѣкъ заселялъ земной шаръ въ продолже-
ніе огромнаго періода времени и находился на
низкой, даже на самой низкой ступени культуры.
Ибо орудія и оружіе, найденныя въ рѣкахъ и пе-
щерахъ — продуктъ человѣческаго искусства —
имѣютъ опредѣленную форму, обусловленную ихъ
назначеніемъ; ихъ нельзя сдѣлать изъ кремня вся-
каго рода, слѣдовательно, ихъ творцомъ долженъ
былъ руководить выборъ. Ихъ нашли, поразит-
ельно схожей формы, всюду, гдѣ былъ извѣстенъ
человѣкъ, или куда, какъ предполагаютъ, заво-
дила его бродячая жизнь: за исключеніемъ окон-
ечности сѣвернаго полушарія, въ наносныхъ
земляхъ востока, въ глинистой землѣ Мадраса,

въ песчаныхъ наносахъ рѣкъ священныхъ и классическихкихъ странъ, при Галилейскомъ озерѣ, въ долину Тибра—короче, почти во всѣхъ изслѣдованныхъ частяхъ свѣта «отъ Китая до Перу».

ГЛАВА IV.

Новый Каменный Вѣкъ.

Хотя это раздѣленіе и установлено для удобства, однако больше чѣмъ вѣроятно, что между обоими каменными вѣками нѣтъ рѣзкой и строго опредѣленной границы. Въ большинствѣ разсужденій относительно огромнаго промежутка, отдѣляющаго оба періода, видна натяжка. Доказательство этого основывается на различныхъ условіяхъ: перемѣна климата; измѣнившееся взаимоотношеніе воды и суши; исчезновеніе старыхъ породъ растеній и животныхъ и появленіе новыхъ. Въ неолитическомъ вѣкѣ Великобританія и Ирландія уже не составляли части материка. Долины, соединявшія оба острова и материкъ были затоплены водою; а для такой перемѣны нуженъ былъ долгій срокъ.

Очертанія материка Европы были почти тѣ же, что и теперь. Средиземная область осѣла, образовавъ море и отдѣливъ Европу отъ Африки; ея высшія точки образовали острова, напоминающія обломки затонушаго моста. Огромныя млекопитающія, какъ косматый носорогъ и мамонтъ, вымерли; другія ушли въ глубь болѣе сѣверныхъ и

Рис. 27.—Полированный
осальный цельтъ (Гор-
кширъ).

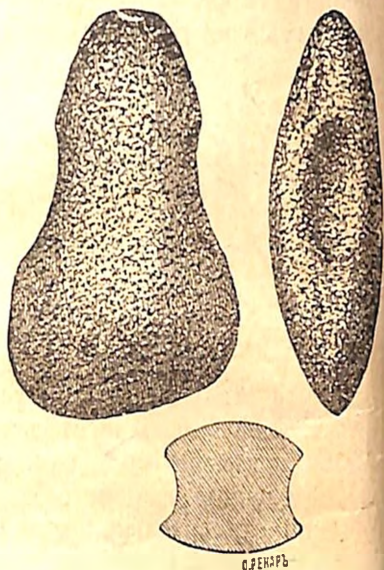

Рис. 28. — Полированный цельтъ (с
углубленіемъ на каждой сторонѣ д
пальца) (Горкширъ).

болѣе южныхъ широтъ; кабарга въ полярные по-
яса, левъ, гиппопотамъ и рысь—въ тропическіе.
Нѣкоторые животныя, найденныя вмѣстѣ съ неолитическимъ человѣкомъ, явились—пережитками, таковы: ирландскій быкъ, дикій быкъ; кабанъ является исключеніемъ — онъ извѣстенъ и сей-
часъ. Въ то время, какъ каменные орудія палеолитическихъ временъ находятъ подъ землею, въ старыхъ рѣчныхъ наносахъ, и въ «пещерахъ и углубленіяхъ земли», орудія неолитическихъ временъ находятъ надъ землею или на незначительной глубинѣ, въ земляныхъ остаткахъ, на днѣ пещеръ, въ лагерныхъ мѣстахъ, въ кучахъ му-

Рис. 29.—Полированный цельтъ (Кембриджъ).

сора, свайныхъ постройкахъ, курганахъ и другихъ мѣстахъ погребенія. И, хотя намъ кажется, что длинные и перемежающіеся перерывы нару-

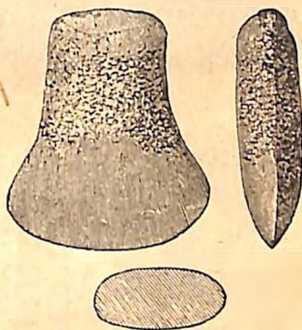

Рис. 30.—Цельтъ изъ Мальтона (Йоркширъ).

шають порядокъ человѣческаго существованія, но на самомъ дѣлѣ его исторія, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, послѣ періода пещерныхъ людей, начиная съ малозвѣстнаго быта первыхъ неолитическихъ людей, идетъ непрерывною чередою.

Но несмотря на огромный пробѣлъ, вызванный періодомъ, въ продолженіе котораго совершалось осѣданіе прилежащихъ морю странъ, существуютъ доказательства, свидѣтельствующія о постоянной населенности Британскихъ острововъ, Европы и Азии тою самою расою, которая постепенно подвигалась по ступенямъ культуры, и перенимала

цивилизацию высшихъ расъ, поскольку она достигала до нихъ въ ихъ мирныхъ сношеніяхъ съ послѣдними.

Рис. 32. — Полированный цельтъ съ примитивной ручкой (Кумберлендъ).

Такъ что, взвѣсивъ доводы той и другой теоріи, мы увидимъ, что перевѣсъ окажется на сторонѣ послѣдней—т. е. слиянія между палеолитическимъ и неолитическимъ вѣками. Мы не только имѣемъ обиліе типовъ орудія и оружія промежуточнаго характера, но и самыя древнія мѣдныя

Рис. 31. — Полированный цельтъ (Герсей).

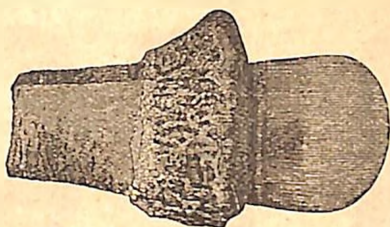

Рис. 34. — Топоръ вставленный въ нустоту оленьяго рога и зажатый (О. Невшатель).

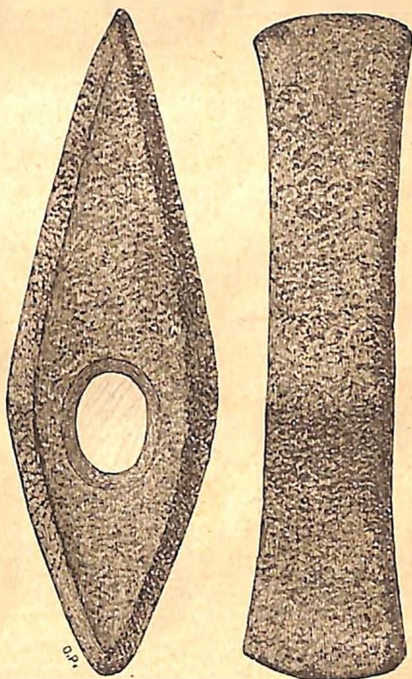

Рис. 33. -- Просверленный топоръ (Йоркширъ).

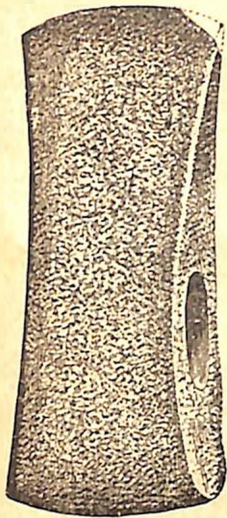

Рис. 35. — Каменный топоръ (Бромптонъ).

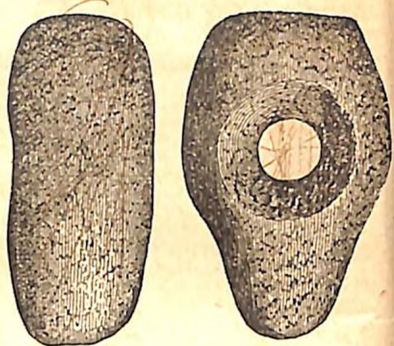

Рис. 36. — Просверленный молотъ (Скарбороу).

Рис. 37. — Камень молотъ (Йоркширъ).

Рис. 38. — Просверленный молотъ (Шотландія).

и бронзовыя орудія отлиты по образцамъ первоначальныхъ—каменныхъ и костяныхъ. И хотя перемѣны и вызвали вымираніе или выселеніе древней фауны, но животныя новѣйшаго періода могли быть

пережившими экземплярами современниковъ чело-вѣка, расщеплявшаго кремни въ долинь Соммы. Остатки, найденные въ пещерѣ Дюрюти указываютъ на переходъ отъ вѣка издѣлій, сохранившихся въ глубокихъ слояхъ, къ вѣку издѣлій, лежащихъ неглубоко; то же можно сказать о подобныхъ же находкахъ въ рѣчныхъ наносахъ Суссекса. По мѣрѣ того, какъ производится изслѣдванія, можно ожидать и другихъ открытій этого же рода.

Сторонники теоріи преемственности дали связующему періоду названіе «міолитическаго» или «мезолитическаго».

1) *Общій характеръ орудій новаго каменнаго вѣка.* Какъ уже было сказано выше, неолитиче-

Рис. 39. — Скребокъ (Доркширъ).

скія орудія не встрѣчаются въ глубоко лежащихъ или герметически закупоренныхъ наслоеніяхъ, напр., въ рядахъ сталагмитовъ, но или на поверхности земли, или очень близко отъ нея. Гдѣ почва шла подъ пахотныя поля или пастбища, тамъ

Рис. — 40. Узкій скобель или кирка (Кембриджъ).

Рис. 41. — Плоская шила (Йоркширъ).

она очень поверхностно взрывалась, а если она была камениста и бесплодна, то оставалась и вовсе нетронутою. Слѣдовательно, огромное число орудій или просто попадаетъ на глаза, или ихъ

Рис. 42. — Буравъ
(Йоркширъ).

Рис. 43. — Ножъ (Пор-
тумберландъ).

Рис. 44. — Кривой
ножъ (Йоркширъ).

выворачиваютъ плугъ и борона, или дождь вымываетъ изъ земли. Когда воспоминаніе о каменномъ вѣкѣ пещезло, на нихъ стали смотрѣть съ благоговѣніемъ; это послужило основою массѣ тѣхъ идей и предрасудковъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Рис. 45. — Головка копья (Йоркширъ).

Самая употребительная форма неолитическихъ орудій извѣстна подъ именемъ цельтовъ, названной такъ, вѣроятно, отъ латинскаго *celtis* или *celtis*, рѣзецъ. Форма этого инструмента обыкновенно напоминаетъ плоскій клинокъ, близко подходя къ разсѣченному овалу, съ болѣе или менѣе прямыми сторонами, причемъ одинъ конецъ шире и острѣе другого. Длина колеблется между двумя и шестнадцатью дюймами, а камень, изъ котораго сдѣланъ цельтъ, обыкновенно той породы, которую всего легче было достать. Въ полную коллекцію неолитическихъ орудій входятъ кромѣ цельтовъ, каменные инструменты, какъ то: кирки, мотыги, долота, топоры, пилы, молотки и камни въ видѣ молотковъ, камни для гнетовъ, каменные грузила для сѣтей, каменные точила, скребки, буравы, шила, сверла и ножи. Эти орудія имѣли назначенія столь же многочисленныя, какъ

благороднѣе; это послужило основою массѣ тѣхъ идей и предрасудковъ, о которыхъ рѣчь впереди. Самая употребительная форма неолитическихъ орудій извѣстна подъ именемъ цельтовъ, названной такъ, вѣроятно, отъ латинскаго *celtis* или *celtis*, рѣзецъ. Форма этого инструмента обыкновенно напоминаетъ плоскій клинокъ, близко подходя къ разсѣченному овалу, съ болѣе или менѣе прямыми сторонами, причемъ одинъ конецъ шире и острѣе другого. Длина колеблется между

Рис. 46. — Пожъ.

и пужды челоуька. Современныя дикари употребляют одно и то же оружіе, чтобы срубить дерева, долбить челюки, устанавливать столбы для хижинъ, выкапывать корни, убивать животных

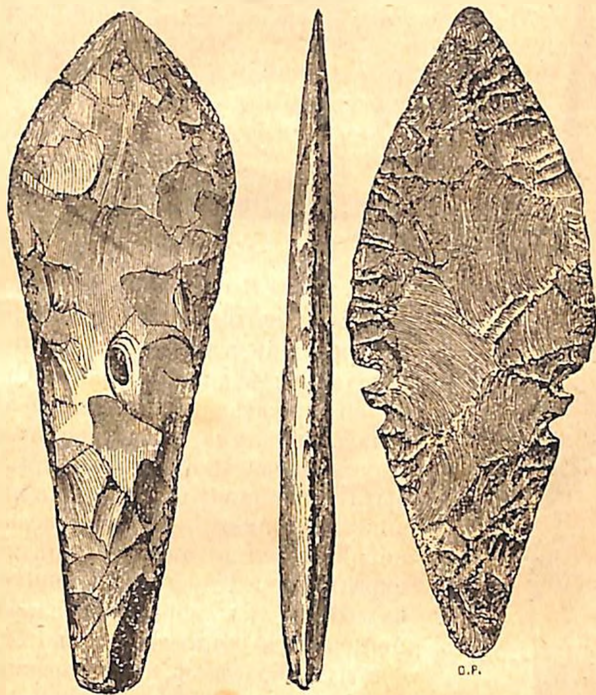

Рис. 47. — Кинжалъ (Темза). Рис. 48. — Накопечникъ копья съ зазубринами.

и срѣзать мясо съ костей. Вышеназванные предметы — орудія для домашняго обихода, а для войны у нихъ имѣлись кинжалы, дротики съ накопечниками, камни для метанія працею, стрѣлы,

копья и стрѣлы съ наконечниками, и некоторые изъ этихъ послѣднихъ отличаются тщательною и тонкою работою. Костяные наконечники копьевъ, бу-

Рис. 49. — Индѣйскій топоръ изъ Ріо-Фрѣо (Техасъ).

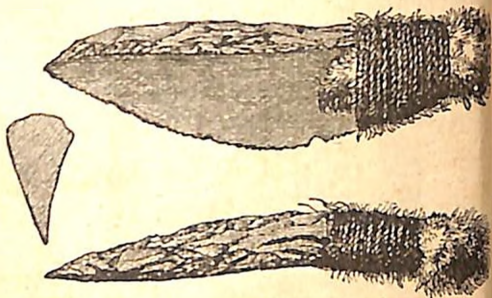

Рис. 50. — Кремневый ножъ (Австралія)
лавки и иголки были также въ употребленіи, а молотки и топоры дѣлались изъ оленьяго рога. Ступочки для женскихъ веретенъ дѣлались изъ камня, а ихъ украшенія, простѣйшею формою которыхъ была пуговица или гвоздь съ широкою шляпкою, — изъ агата, сланцевой глины и янтаря. Всѣ эти вкратцѣ перечисленные древности находятся въ верхнихъ слояхъ пещерныхъ отложеній, въ торфяныхъ болотахъ, на морскихъ берегахъ, въ кучахъ мусора, въ свайныхъ постройкахъ; въ курганахъ, могилахъ и различныхъ каменныхъ постройкахъ, какъ то

кромлечи, дольмены и т. д. разбросанныхъ по лицу земли.

Суевѣріе, вызвавшее, какъ было сказано выше, нахожденіемъ каменныхъ орудій, выразилось въ названіяхъ. Простой народъ въ Англіи называетъ

цельты «громовыми стрѣлами», или «громовыми топорами»; наконечники стрѣлъ «стрѣлами эльфовъ» а ступочки для веретень «волшебными жерновами». Ученые того времени говорили, что при сверканіи молніи падаетъ твердое тѣло, называемое громовою стрѣлою или громовымъ камнемъ, это выражено въ похоронной пѣснѣ «Цимбелина»: „Теперь ужъ нечего бояться ни сверкающей молніи, ни все устрашающаго громового камня“.

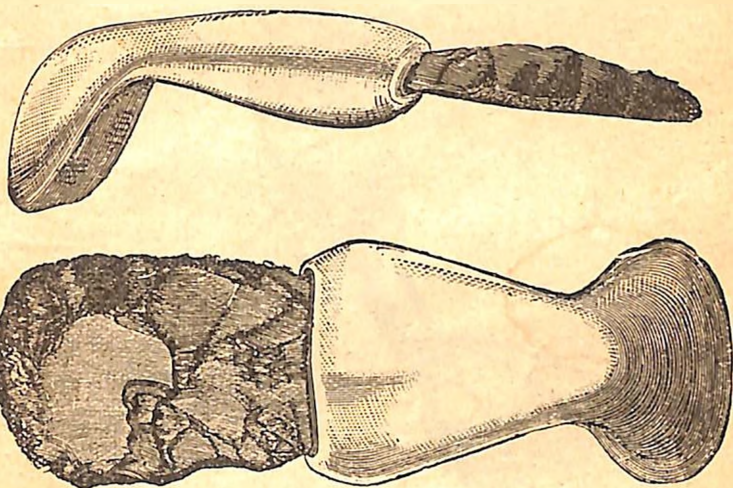

Рис. 51. — Эскимосскій скребокъ.

Топорамъ, наконечникамъ стрѣлъ неолитической эпохи также приписывалось небесное происхожденіе. Они были извѣстны, какъ римлянамъ и грекамъ, такъ и индѣйцамъ Никарагуа подъ именемъ громовыхъ стрѣлъ; германцы и скандинавы называли ихъ «молотками Тора». Какъ тѣ, такъ и другіе приписывали имъ чудесную силу, исцѣ-

ляющую больных и охраняющую от вреднаго дѣйствія дурнаго глаза. Туземцы Золотого Берега находят ихъ на землѣ послѣ спльныхъ дождей, вымывшихъ ихъ изъ почвы; они употребляютъ ихъ, какъ лѣкарство, соскабливая съ нихъ пыль и смѣшивая ее съ водою, и хра-

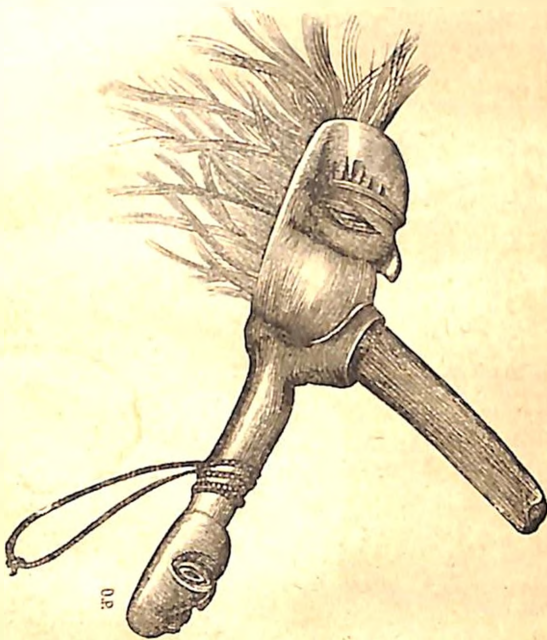

Рис. 52. — Военный топоръ (Nockta Sound).

нить ихъ въ мѣстахъ, посвященныхъ богамъ. Въ Бретани странствующій починщикъ зонтиковъ, спрашиваетъ во время своихъ обходовъ «*riettes de tonnerre*» и беретъ ихъ въ уплату за починку. Въ Индіи они цѣнятся какъ талисманы, обладаніе ими приноситъ счастье владѣльцу; потерять ихъ — это значитъ накликать на себя бѣду.

Наконечники стрѣлъ зовуть также «стрѣлами эльфовъ» и «каменными эльфовъ» въ глухихъ мѣстностяхъ Англїи и Ирландїи; народъ вѣритъ, что

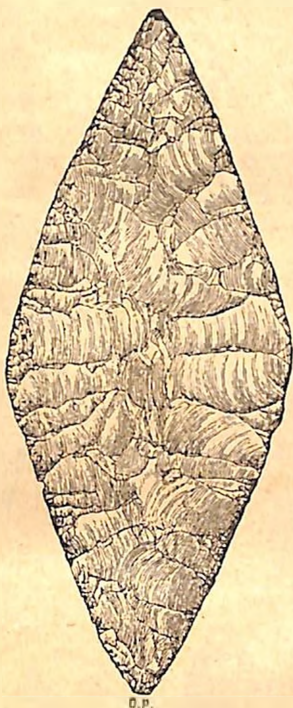

Рис. 53.—Дротикъ (Стокхеджъ).

Рис. 54.—Наконечникъ стрѣлы (Йоркширъ).

Рис. 55.—Наконечникъ стрѣлы (Бридлинтонъ).

этимъ кремневымъ оружіемъ эльфы стрѣляли въ людей и скоть. Такъ, Робертъ Гордонъ, образованный помѣщикъ изъ сѣверной Шотландїи, писалъ

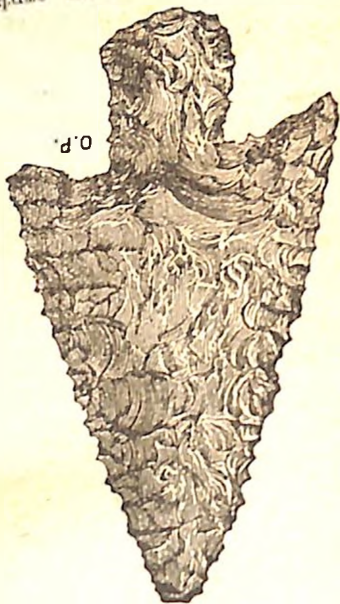
Рис. 59. — Наконечники стрѣлъ съ борозками
(Юркшир).
Рис. 57. — Наконечникъ стрѣ-
лы съ черенкомъ (Юркшир).

Рис. 58. — Наконеч-
никъ стрѣлы съ че-
ренкомъ.

Рис. 56. — Нако-
нечникъ стрѣлы
съ черенкомъ.
O.P.

въ 1654 году о томъ, какъ одинъ изъ его друзей, путешествуя верхомъ, нашелъ стрѣлу эльфа въ кончикъ своего сапога, а другой его знакомый, также при поѣздкѣ верхомъ, нашелъ послѣднюю зацѣпившейся у него въ одеждѣ на груди... Стрѣлы

Рис. 60.—Ступочка для веретена (Йоркширъ).

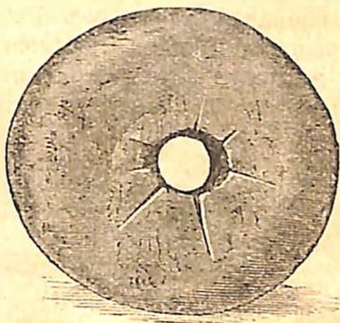

Рис. 61.—Ступочка для веретена (Холлехедъ).

Рис. 62. — Пуговица изъ чернаго янтара (Ланаркширъ).

эльфа часто оправляли въ серебро и носили какъ талисманы противъ яда и злыхъ чаръ; иногда въ нихъ просверливали дырочки, такъ что можно было погружать ихъ въ воду, что надѣляло ее цѣлебною силою. Въ Шотландіи существуетъ народное по-

вѣрье: если какое животное заболѣетъ, это значитъ что въ него попала стрѣла эльфа. Знахарь ощупываетъ больное животное со всѣхъ сторонъ, и показываетъ затѣмъ волшебное оружіе какъ бы извлеченное изъ кожи послѣдняго, подобно тому какъ знахарь у дикарей, при леченіи зубной боли, всегда извлекаетъ червя изъ больного зуба къ великой радости больного. Извлеченную стрѣлу кладутъ въ воду, даютъ ее выпить животному, и послѣднее, конечно, выздоравливаетъ. Джонъ Эвансъ

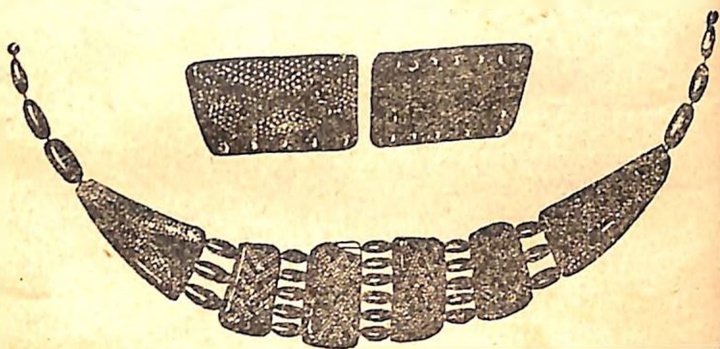

Рис. 63. — Ожерелье изъ чернаго лянтаря, найденное въ урнѣ внутри одной могилы (Росширъ).

приводитъ изъ «Criminal Trials» Питкерна описание пещеры, гдѣ подземный духъ занимается изготовленіемъ стрѣлъ эльфовъ: подвластные ему чертенята выполняютъ черную работу, а онъ окончательно ее додѣлываетъ. Онъ цитируетъ также изъ Вильсонова «Pre-Historic Annals of Scotland» письмо нѣкоего доктора Гикса къ Пепису: «разсказываютъ, что милордъ Торбутъ, или какой-то другой лордъ, предъявилъ одну изъ тѣхъ стрѣлъ эльфовъ, извлеченную однимъ изъ его

фермеровъ, или сосѣдей изъ сердца больнаго животного, которое умерло обычною смертію». Докторъ Гиксъ знаетъ другую странную, но подтвержденную многими свидѣтельствами исторію «о стрѣльѣ эльфа, пущенной злымъ духомъ въ одного почтеннаго ирландскаго епископа, при страшномъ шумѣ, сильнѣе грома, сотрясшимъ домъ, въ которомъ находился епископъ». Крестьяне Босніи носятъ ихъ на ожерельяхъ, какъ амулеты. Давность существованія этого суевѣрія видна изъ

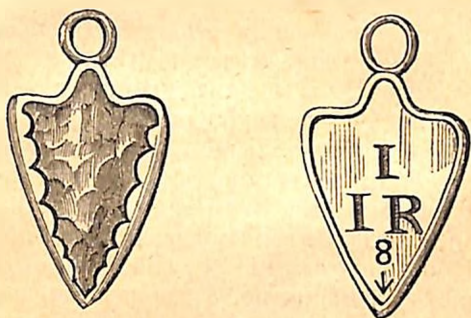

Рис. 64.—Эльфова стрѣла (около 50 лѣтъ назадъ ее носила на себѣ одна старая шотландская леди).

того, что кремневые наконечники стрѣлъ встрѣчались въ видѣ главныхъ привѣсковъ къ ожерельямъ, найденнымъ въ этрусскихъ могилахъ, что они встрѣчались также у грековъ и римлянъ, обожавшихъ діадемы своихъ боговъ. Итальянскіе крестьяне держатъ ихъ для предохраненія своихъ домовъ отъ удара молніи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ носятъ ихъ на тѣлѣ, какъ амулеты. Арабы Сѣверной Африки носятъ миниатюрные сердоликовые наконечники стрѣлъ въ качествѣ талисмановъ. Такъ какъ послѣдніе крайне полезны для

крови, то они приняли въ силу этого форму сердца и такимъ образомъ сдѣлались символомъ любви. Примѣры, изъ которыхъ наудачу нами взяты нѣкоторыя, такъ обильны и такъ широко распространены, что ими можно было бы заполнить всю книгу. Мы сейчасть увидимъ, что они тѣсно связаны, какъ предметы поклоненія, съ обожаніемъ камней, составлявшимъ отличительное свойство варварской религіи.

II. — *Остатки, найденные на морскихъ берегахъ и въ кучахъ раковинъ.*

Возвратившись снова къ остаткамъ первыхъ неолитическихъ или, можетъ быть, мезолитическихъ наслоеній, мы видимъ, что послѣдніе находятя въ видѣ кучъ грубо обработанныхъ кремней вблизи морского берега во всѣхъ частяхъ свѣта. Они извѣстны подъ именемъ морскихъ береговыхъ находокъ и, судя по характеру расщепленія, были, вѣроятно, мѣстами производства. Ибо изготовленіе орудій въ опредѣленныхъ мѣстахъ, вѣроятно, сдѣлалось значительною отраслью въ промышленности. Надо думать, что люди, размножаясь, отдѣлили трудъ расщепленія кремней отъ пользованія ими. Гораздо важнѣе этихъ послѣднихъ — кучи отбросовъ, извѣстныя подъ названіемъ: кухонныхъ остатковъ. Прежде ихъ ошибочно принимали за естественныя выпуклости прибрежья, но позднѣе убѣдились, что это не что иное, какъ мѣста рыбачьихъ и охотничьихъ поселеній. Это валы различной величины, иногда длиною въ 1000 фут. и шириною въ 200—300 фут.; они состоятъ изъ негодныхъ отбросовъ: мириадъ устричныхъ и другихъ раковинъ, костей оленя, сѣвернаго оленя, собаки и другихъ доселѣ существующихъ животныхъ; дикой утки, дикаго лебедя, перепелки и другихъ из-

вѣстныхъ намъ птицъ; трески, сельди, камбалы и другихъ рыбъ, живущихъ въ глубокихъ моряхъ. Всѣ кости, содержащія мозгъ—расколоты. Кромѣ того были найдены болѣе несомнѣнные доказательства присутствія человѣка: каменные, костяные и деревянные предметы и—что указываетъ на основное различіе палеолитическаго и неолитическаго вѣка—грубая глиняная посуда. Каменные орудія состояли изъ топоровъ, осколковъ, молотковъ, пилъ, наконечниковъ копій, камней для гнетовъ— все это, обыкновенно, грубаго типа. Отсутствие костей какого-нибудь другого домашняго животнаго, за исключеніемъ собачьихъ — позволяетъ намъ безошибочно сказать, что собака была первымъ животнымъ, прирученнымъ человѣкомъ. Нахожденіе ея костей въ высшей степени интересно: оно указываетъ на приближеніе къ осѣдлой жизни. Профессоръ Стинструпъ весьма остроумнымъ способомъ доказалъ прирученіе собаки, это обращеніе «волчяго собрата въ охранителя стадъ». Онъ замѣтилъ, что почти всѣ длинныя части костей, найденныхъ въ валахъ, цѣлы, а ихъ головки неправильно расколоты. Тогда онъ произвелъ опытъ надъ собаками, и увидалъ, что онѣ разгрызаютъ головки, отбрасывая длинныя твердыя части костей. Кости рыбы глубокихъ морей указываютъ, что грубые обитатели рыбацкихъ и охотничьихъ селеній, вѣроятно, принимали плаванія по океану. Кто знаетъ, можетъ быть они были сыновьями того, кто «первый рѣшился пуститься въ это безмолвное море»; они носились по океану въ своихъ челнахъ, снабженныхъ сѣтями, сплетенными изъ коры, мочалы, или другого волокнистаго растительнаго матеріала.

Большая часть «кухонныхъ остатковъ» въ Даниі тянутся вдоль настоящей или прежней береговой черты; но нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ глубинѣ страны. Это указываетъ насколько суша вдалась въ море со времени исчезновенія этихъ селеній, а слѣдовательно говорить и о ихъ глубокой древности. Кромѣ того устрицы, кромѣ какъ въ выродившейся формѣ, не встрѣчаются болѣе въ водахъ Балтійскаго моря, обратившихся изъ соленыхъ въ солоноватыя. Это указываетъ, что берега Даниі прежде были болѣе изрѣзаны фіордами и узкими морями; во всякомъ случаѣ, между Балтійскимъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ было болѣе свободное сообщеніе. Подобныя же кучи отбросовъ встрѣчаются въ различныхъ частяхъ свѣта; на отмеляхъ большихъ американскихъ рѣкъ, на морскихъ берегахъ Южной Африки, Южной Америки, Австраліи, словомъ, всюду, гдѣ первобытный человѣкъ, въ своихъ скитаціяхъ по землѣ, ѣлъ рыбу, и кидалъ ея кости. Онѣ всегда встрѣчаются вдоль береговъ морей и рѣкъ.

III. — *Расы новаго каменнаго вѣка.* Переходя отъ континента къ Англіи, какого же рода людей находимъ мы на ней въ раннія неолитическія времена? Можно съ увѣренностью сказать, что бѣль, отдѣляющій наиболѣе развитаго пещернаго человѣка отъ самаго неразвитаго неолитическаго возникъ лишь по той причинѣ, что матерьялы, могущіе восполнить его, исчезли безвозвратно. Эготъ пробѣль относится къ тому періоду, когда Англія «отдѣлилась отъ лазурнаго материка»; жилъ ли тамъ или нѣтъ дикій народъ, съ того времени отдѣленный отъ Европы, были ли то потомки пещерныхъ людей, или новые поселенцы, успѣвшіе проникнуть туда, прежде чѣмъ отдѣляющія воды затопили долину Сѣвернаго моря или

нахлынули въ Дуврскій проливъ—мы не можемъ сказать. Несомнѣнно одно: человѣкъ находился тогда въ переходной стадіи отъ охотничьей къ пастушеской жизни. Англія была тогда—да и долго спусти уже въ историческій періодъ—страшной болотью и лѣсовъ, холоднаго лѣта и проливныхъ дождей. Ея населеніе жило въ пещерахъ и горахъ, гдѣ таковыя были, или же въ хижинахъ изъ прутьевъ или глины. При погребеніи мертвецовъ, ихъ клали въ пещеры, или зарывали въ курганы или длинныя курганы, «barrow (англо-саксонское *berg*—холмъ или бугоръ, выраженіе *saip*, — употребляемое въ Шотландіи, происходитъ отъ галльскаго: *saip*—куча). Одно изъ доказательствъ позднѣйшаго происхожденія *barrow* (могила) состоитъ въ меньшемъ количествѣ остатковъ дикихъ звѣрей, найденныхъ въ нихъ. Человѣческіе черепа также принадлежатъ къ болѣе «старому долихокефалическому», т. е. длинноголовому типу. Необходимо пояснить, что черепъ измѣряется отношеніемъ своей ширины къ длинѣ, т. е. отъ передней части къ задней съ точностью до одной сотой. Если ширина менѣе 80, черепъ называется длинноголовымъ, если она превышаетъ восемьдесятъ, то онъ называется «брахикефалическимъ, т. е. широкоголовымъ». Есть другіе второстепенные признаки, но они насъ не касаются. Форма черепа, такъ мало измѣняющаяся въ отдѣльныхъ расахъ, въ общемъ служитъ лучшимъ мѣриломъ тождества отдѣльныхъ экземпляровъ. Ни въ одной изъ длинныхъ могилъ нѣтъ и слѣда металловъ, глиняная посуда попадаетъ въ нихъ рѣдко. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до четырехсотъ футовъ длины и пятидесяти—ширины. Онѣ сдѣланы по образцу пещеръ, служившихъ жилищемъ живыхъ. Ибо среди всѣхъ варварскихъ на-

родовъ, послѣднее жилище покойника служить копіей его пріюта при жизни: обычай, значеніе котораго мы выяснимъ позднѣе. Эти длинноголовые неолитическіе люди, вообще извѣстные подъ именемъ «иберійцевъ» (они носятъ также разнообразныя названія: берберовъ, басковъ, сплуровъ и эвскарійцевъ) имѣли маленькія руки и ноги, смуглый цвѣтъ кожи, темные глаза и волосы. Ихъ представители разбросаны по всему свѣту. Въ Великобританіи они встрѣчаются главнымъ образомъ въ западной Ирландіи, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Уэльса и въ Шотландіи. Типичный экземпляръ этой расы описанъ покойнымъ Кампбеллемъ изъ Айлей, встрѣченный имъ во время его путешествія по Западной Шотландіи, гдѣ онъ собиралъ устные народныя преданія.

«Позади очага сидѣла дѣвушка съ однимъ изъ тѣхъ странныхъ, чуждыхъ намъ лицъ, которыя отъ времени до времени попадаютъ на Западныхъ островахъ, съ лицомъ, напоминавшимъ мнѣ виневійскія статуи и фигуры въ Санъ-Себастьянѣ. Ея волосы были чернѣе ночи, а свѣтлые каріе глаза сверкали въ торфяномъ дыму. У нея былъ смуглый цвѣтъ кожи, а черты такъ рѣзко разнились отъ окружавшихъ ее лицъ, что я спросилъ: здѣшняя ли она уроженка? и узналъ, что она шотландская дѣвушка». Бойдъ Доукинсъ также доказывалъ устойчивость этой расы, образчики которой мы всюду встрѣчаемъ и къ которымъ, весьма вѣроятно, принадлежатъ нѣкоторые изъ нашихъ читателей.

«Не смотря на всѣ смуты, сопровождавшія покореніе галловъ Цезаремъ, а Британіи Клавдіемъ, не смотря на ужасы, имѣвшіе мѣсто во времена паденія Римской Имперіи, вызвавшія истребленіе бриттовъ въ значительной

части Англии и почти полное исчезновение древняго романскаго типа въ Италиі, иберійцы жили—и живутъ доселѣ на своихъ старыхъ пещерахъ; ихъ вышній обликъ едва измѣнился: они представляли рѣзкій контрастъ съ бѣлокурыми кельтскими, бельгійскими и германскими пришельцами. Иберійская раса известна историкамъ и этнологамъ лишь въ остаткахъ, разрозненныхъ нашествіями и водвореніемъ арійской расы. Исслѣдованія пещеръ и памятниковъ показываютъ намъ, что она занимала во всей Европѣ земли, лежащія къ сѣверу и западу отъ Рейна въ неолитическомъ вѣкѣ, и, какъ это было изслѣдовано докторомъ Вирховомъ, Германію и Данію. Къ концу этого вѣка другая раса появилась въ Британіи. Ея люди во всѣхъ отношеніяхъ разнились отъ иберійцевъ; они были высокаго роста, съ крупными членами, широкимъ черепомъ, бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Они известны подъ именемъ «кельтовъ» и составляютъ одно изъ трехъ племенъ,—два другія: аквитане и белги—разсѣявшихся по сѣверо-западной Европѣ во времена Цезаря.

Эти «древніе бритты», такъ поразившіе римлянъ своимъ высокимъ ростомъ, жили въ круглыхъ хижинахъ или ямахъ, и хоронили своихъ мертвецовъ въ круглыхъ могилахъ—копіяхъ ихъ жилищъ. Бревенчатые или прутьяныя хижины исчезли, лишь остатки ихъ насыпей вѣнчаютъ многіе холмы; но мы имѣемъ множество образцовъ подземныхъ жилищъ. Они имѣютъ отъ семи до десяти футовъ глубины, крышу изъ прутьевъ или каменныхъ плитъ и недалеко отъ ея вершины наклонное, очень узкое отверстіе для входа. Обломки глиняной посуды, украшенной по образцу первобытныхъ издѣлій чертами, проведенными ногтемъ, или

пальцемъ, или отпечаткомъ веревки, закрученной вокругъ мягкой глины; мельничные камни, или жернова типа, недавно исчезнуваго въ Шотландіи; костяныя иглы, веретена, грубо обрубленные цельты и наконечники стрѣлъ, но, по крайней мѣрѣ, въ нижнихъ наслоевіяхъ никакого слѣда металловъ, — все это показываетъ, что здѣсь мы сталкиваемся съ народомъ, который прялъ свою одежду, сѣялъ хлѣбъ, и, какъ показываютъ кости быковъ, лошадей и свиней, приручилъ нѣкоторыхъ изъ дикихъ животныхъ. Конечно, пещеры были искусственно вырыты и служили жильемъ и убѣжищемъ отъ опасности, такъ что, какъ говоритъ Тацитъ о подобныхъ жилищахъ германцевъ, «если приближался врагъ, то онъ опустошалъ только поверхность страны, все же, что въ ней было спрятано, или скрыто, оставалось ему или неизвѣстнымъ, или ускользало отъ него въ силу того, что отыскать было трудно». Жилища первобытныхъ людей, какъ и орудія, которыми они пользовались — общаго типа, или, по крайней мѣрѣ, сводятся къ тремъ типамъ; подземныя жилища Европы имѣютъ соответствующіе имъ образцы въ Азій, Африкѣ и Америкѣ. Говоря о нѣкоторыхъ дикихъ племенахъ Центральной Африки, Стенли описываетъ ихъ живущими «въ глубокихъ ямахъ съ маленькими кругообразными отверстіями, ведущими внутрь помѣщенія», и такія же мѣста жилья и убѣжища можно изслѣдовать во всѣхъ частяхъ свѣта. Саваджъ Лендоръ описываетъ остатки земляныхъ жилищъ, которыми изобилуютъ острова Лезо и Курильскіе острова; орудія, найденныя въ нихъ, состоятъ изъ скребковъ, наконечниковъ стрѣлъ изъ кости и бамбука, смѣшанныхъ съ обломками глиняной посуды, костей лисицы и другихъ животныхъ. Основателямъ к

менныхъ ульеобразныхъ хижинокъ и тому подобныхъ жилищъ слѣдуетъ приписать и огромное количество могилъ и однородныхъ съ ними памятниковъ; и тѣ, и другія въ значительной степени раскрываютъ передъ нами умственный обликъ доисторическаго человѣка, раньше чѣмъ мысли его воплотились въ устномъ преданіи и письменахъ, начертанныхъ на монументахъ, папирусѣ и восчаныхъ дощечкахъ.)

IV. *Земляные и каменные памятники неолитическаго вѣка.*

Смерть, уносящая всѣхъ насъ, лучше чѣмъ кто-либо сохранила лѣтопись жизни бывшихъ временъ. Земная поверхность, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, куда проникать человѣкъ, усыяна его могилами. Опѣ тянутся длиною вереницею, начиная съ уцѣлѣвшей древней формы — вала — сохранившейся въ видѣ низенькихъ общихъ могилъ христіанскихъ кладбищъ, и кончая огромными возвышеніями, называемыми пирамидами, въ которыхъ полагали тѣла фараоновъ, и стройнымъ памятникомъ, который царица Артемизія воздвигла надъ тѣломъ Мавзолія, — откуда и самое названіе — мавзолей. Прежде чѣмъ было изобрѣтено письмо въ самой первобытной формѣ — нѣскольکو широкихъ камней, или одинъ большой, или же наконецъ, гдѣ мѣстность была бѣдна ими, — кучка земли — и безъ надписи обозначали мѣсто погребенія покойника; изъ этихъ первобытныхъ памятниковъ развились постепенно громадные курганы и каменные монументы. Конечно, не каждая возвышенность была мѣстомъ погребенія; нѣкоторыя были рубежами, оборонительными укрѣпленіями, мѣстомъ судбища или сборищъ,

какъ на примѣръ, большая возвышенность, известная подъ именемъ холма Сильбюри въ Уилтъшайръ, въ которой не найдено ни одного скелета.

Могилы имѣли или удлиненную, или кругообразную форму. Нѣкоторыя имѣли горницу, другія—нѣтъ; т. е. одиѣ возвышались надъ сводомъ изъ прямостоящихъ камней, другія же были просто выкопаны въ холмѣ. Употребленіе могилъ общаго типа, какъ мѣста погребенія, не было ограничено ни вѣками, ни расами, но первоначальныя легко

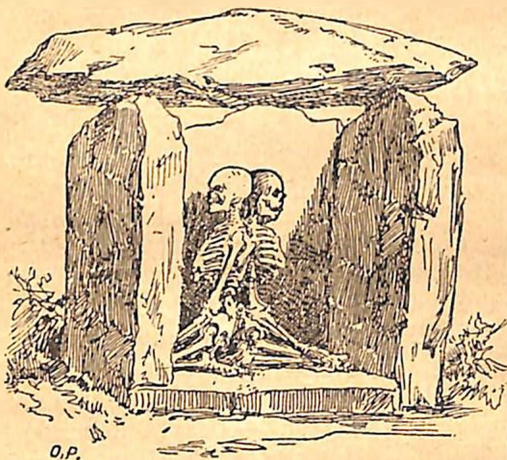

Рис. 65.—Внутренность кургана Le Tus (Гернси).

отличить отъ позднѣйшихъ не только по ихъ положенію, но и по тѣмъ предметамъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, находятъ вмѣстѣ съ скелетами. Нѣкоторыя изъ наиболѣе значительныхъ кургановъ имѣютъ до четырехсотъ футовъ длины; въ иныхъ подземная галлерей ведетъ въ погребальную комнату, напоминая входъ въ «юрты» сибиряковъ или въ «гаммы», или подземныя жи-

лица лапландцевъ. Первоначально погребеніе въ длинныхъ могилахъ совершалось исключительно длинноголовыми иберійцами: покойниковъ клали въ вытянутомъ положеніи, или согнутомъ, или сидячемъ; иногда руки помѣщались на бедра, какъ это было въ обычаѣ у древнихъ жителей Перу, и сейчасъ принято среди туземцевъ андаманскихъ острововъ. Это, вѣроятно, изображало сидячее

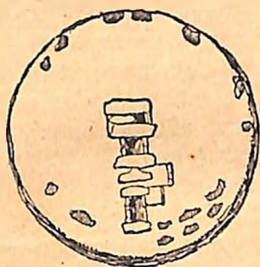

Рис. 66.—Планъ кургана, показывающій положеніе погребальной комнаты (Гернсей).

положеніе усопшаго при жизни. Не надо забывать, что все усилія прилагались къ тому, чтобы могила была копіей земного жилища усопшаго; его окружали знакомыми ему съ дѣтства предметами, дабы онъ чувствовалъ себя «какъ дома». Потому-то длинная могила скопирована съ пещеры, имѣвшей видъ длинной галлерей.

Круглыя или овальныя могилы служатъ исключительно мѣстомъ погребенія усопшихъ у широкоголовыхъ кельтовъ. Онѣ служили для этой цѣли до конца неолитическаго вѣка, когда обычай погребенія былъ замѣненъ сожженіемъ мертвецовъ; ихъ пепель сохраняли въ каменныхъ урнахъ. Эти круглыя могилы скопированы съ кругообразныхъ хижинокъ или ямообразныхъ жилищъ, а предметы, находимые въ нихъ, сходны по характеру съ тѣми, что встрѣчаются въ вышеназванныхъ жилищахъ. Щель, обломки камней, наконечники стрѣлъ и глиняная посуда беспорядочно перемѣшаны; нѣкоторые предметы разломаны нарочно, чтобы дать

свободу ихъ духамъ слѣдовать за усопшимъ владѣльцемъ и служить ему, какъ служили самые предметы при его жизни.

V. *Первоначальныя понятія о духахъ и загробной жизни.*

Остановясь здѣсь, мы можемъ спросить: бросаетъ ли свѣтъ изслѣдованіе погребальныхъ мѣстъ на понятіе человѣка о духовномъ мірѣ? Уяснивъ себѣ это, мы имѣемъ разгадку множества странныхъ обрядовъ и обычаевъ. Отвѣтъ можетъ быть данъ лишь въ общихъ чертахъ. Набрасывая бѣглый очеркъ того, какъ уяснялъ себѣ первобытный человѣкъ окружающій его міръ, мы видимъ, что характерною его чертою было — смущеніе, вызываемое въ человѣкѣ жизнью и движеніемъ; послѣднее легко привело его къ вѣрованію въ повсемѣстное существованіе духовъ. Это вѣрованіе поддерживалось событіями повседневной жизни, если только они не были, какъ думаютъ нѣкоторые, его основною причиною.

Дѣти и животныя любятъ лежать свернувшись клубочкомъ; только взрослый человѣкъ пріобрѣтаетъ привычку лежать иногда на спинѣ. Хотя сны посѣщаютъ насъ, въ какомъ бы мы положеніи ни лежали, но мы знаемъ по опыту, что наиболѣе дурные грезятся намъ, когда мы покоимся на спинѣ. Если же при этомъ желудокъ переполненъ пищею, или страдаетъ разстройствомъ пищеваренія, то слѣдствіемъ этого являются ужасные сны, или кошмары. Что касается варварскихъ народовъ, то неравномѣрное потребленіе пищи и переполненные желудки — являются часто причиною посѣщающихъ ихъ дурныхъ сновъ. Но дурные или хорошіе, они всегда вызываютъ передъ

глазами спящаго появленіе живыхъ и умершихъ, съ которыми онъ говоритъ о прахѣ и битвахъ, за которыми онъ слѣдуетъ на охотѣ или въ воинственной пляскѣ; короче говоря, онъ снова живетъ жизнью бодрствующаго человѣка, во всѣхъ ея реальныхъ подробностяхъ, но жизнью очень странною, благодаря примѣшанному къ ней чудесному элементу грезъ.

Какъ бы не были ясны для насъ по пробужденіи сновидѣнія, мы никогда не смѣшаемъ ихъ съ дѣйствительностью. Но первобытному уму видѣнныя во снѣ событія кажутся совершившимися въ дѣйствительности. Въ этомъ лежитъ не только огромное различіе нашихъ взглядовъ на предметъ, но и объясненіе вѣрованій всѣхъ низшихъ расъ, а равно и существующихъ уцѣлѣвшихъ остатковъ этихъ вѣрованій, въ значительной степени распространенныхъ среди высшихъ расъ.

Все приснившееся, такимъ образомъ, казалось дѣйствительно существующимъ; умершіе, являвшіеся въ сновидѣніяхъ, жили, возвращались на свои старыя пепелища, принимали посѣщенія друзей или враговъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, являлись въ грезахъ спящему. Его подруга, лежавшая подлѣ него всю ночь безъ сна, можетъ сказать ему на вопросъ: что онъ дѣлалъ? что онъ не покидалъ своей постели. И хотя она, быть можетъ, и говоритъ правду, но онъ знаетъ лучше ея; а если его тѣло оставалось недвижимо, то что же двигалось?

Повседневный опытъ помогъ ему найти отвѣтъ. Онъ видитъ, какъ спятъ другіе, безпокойно ворочаясь, и затѣмъ черезъ нѣкоторое время просыпаются. Иногда они падаютъ, пораженные ударомъ, припадкомъ, или обморокомъ, лежатъ безъ

движенія или языка, иногда цѣлыми днями, затѣмъ поправляются. Иные стонутъ, корчатся отъ боли, другіе внезапно теряютъ способность шевелиться, затѣмъ впадаютъ въ долгій, долгій сонъ — и никогда уже болѣе не просыпаются. Иногда тотъ же самый результатъ достигается болѣе непосредственнымъ и жестокимъ образомъ: они умираютъ. Къ какому иному заключенію могъ прійти младенческой умъ, кромѣ того, что каждый человѣкъ имѣетъ «другое я», какъ говорили тогда, который совершаетъ всѣ поступки, видимые во снѣ, который временно покидаетъ человѣка спящаго или лежащаго въ обморокъ, и навсегда оставляетъ его, когда онъ умираетъ, но возвращается снова и представляется тѣмъ же самымъ человѣкомъ спящему.

Малайцы не любятъ будить спящаго, они боятся повредить ему, потревоживъ его тѣло, въ то время, какъ душа отсутствуетъ.

Когда гренландецъ видитъ во снѣ, что онъ охотится, ловить рыбу, или волочится за женщинами, то онъ вѣритъ, что его душа разстается съ тѣломъ на это время. Меланезійцы говорятъ, что душа «выходитъ изъ тѣла въ нѣкоторыхъ снахъ, и если, по какой-нибудь причинѣ, она не возвращается — человѣка находятъ мертвымъ на утро; когда человѣку дѣлается дурно, его душа дѣйствительно пускается въ путь къ Рапоі (подземный міръ), но ее отсылаютъ назадъ; другія души отталкиваютъ ее отъ входа въ этотъ міръ, или его отецъ или друзья повертываютъ его назадъ, говоря ему, что его время еще не настало». А на Соломоновыхъ островахъ вѣрятъ, что, если ребенокъ вздрагиваетъ во снѣ, то значитъ какой-нибудь духъ старается вырвать его душу; точно также, если онъ чихаетъ, то замѣчаютъ, что «духъ

вынимаетъ душу». Но намъ пришлось бы долго говорить о суевѣрїи, связывающемъ чиханіе съ духами. Индѣйцы Гвіаны различаютъ грезы и пробужденіе лишь по слѣдующему; въ первыхъ дѣйствуетъ одинъ лишь духъ, во второмъ—духъ въ принадлежащемъ ему тѣлѣ. Мы ограничимся слѣдующимъ примѣромъ, даннымъ въ числѣ другихъ м-ромъ Тэрномъ.

«Въ то утро, въ которое мнѣ было необходимо покинуть лагерь, расположенный на рѣкѣ Эссеквибо, гдѣ меня задержала на нѣсколько дней болѣзнь нѣкоторыхъ изъ моихъ спутниковъ индѣйцевъ, я нашелъ одного изъ больныхъ до того взбѣшеннымъ противъ меня, что онъ отказался двигаться. Ибо, заявивъ онъ, я заставилъ его выступить въ путь ночью, и онъ долженъ былъ тащить лодку черезъ цѣлый рядъ трудныхъ водопадовъ. Ничто не могло увѣрить его, что это было только сонъ; довольно времени прошло раньше, чѣмъ онъ настолько смягчился, что сердито бросился на дно лодки. Въ то время мы всѣ страдали отъ недостатка пищи. Обычнымъ слѣдствіемъ голода являлись особенно яркія грезы, а потому описанный случай нерѣдко повторялся. Не одинъ разъ люди заявляли на утро, что какой-нибудь отсутствующій человекъ, котораго они называли по имени, приходилъ ночью, билъ ихъ, или какъ-нибудь иначе истязалъ, и они усиленно терли ушибленные мѣста».

На что походить это «другое я» человека? Его можно видѣть и слышать, но нельзя осязать. Глядясь въ воду, человекъ видитъ свое отраженіе, или на тѣни онъ видитъ темное подобіе себя, удлиненное, укороченное, наискось, передъ собою или позади себя. Какъ отраженіе, такъ и тѣнь повторяютъ его движенія. Опять вопросъ: въ

чемъ же заключается различіе между живымъ и мертвымъ человѣкомъ? Пока не начнется разложение, мы мало замѣчаемъ измѣненія во внѣшности: мертвый не движется—«если даже ударить его по щекѣ или по губамъ, онъ все же не говоритъ»—и, прикасаясь къ его губамъ, мы не ощущаемъ теплаго дыханія.

И такъ «другое я» начали представлять себѣ въ видѣ нѣкотораго пара, образовавшагося изъ смѣси дыханія, тѣни и отраженія; «какой то духъ и подсобіе живого, но безъ матеріи», какъ говоритъ Ахиллъ, обнимая тѣнь Патрокла въ Гадесѣ. Въ каждомъ языкѣ, начиная съ языка дикарей айносовъ, и кончая классическими и нашимъ собственнымъ, слово для «духа» и «дыханія»—одно и то же. На этой почвѣ встрѣчаются и культурный человѣкъ и дикарь. На вопросъ: какъ представить себѣ душу? и тотъ и другой могутъ дать только туманный отвѣтъ. Когда мы силимся представить себѣ ея внѣшній обликъ, онъ является намъ въ видѣ блѣднаго отраженія тѣла. Такое представленіе замѣчается у всѣхъ расъ и на всѣхъ стадіяхъ культуры.

Что христіанское искусство не могло изобрѣсти ничего болѣе совершеннаго, видно изъ фресокъ на стѣнахъ Кампо-Санто въ Пизѣ, гдѣ душа избрана въ видѣ безполого ребенка, вылетающаго изъ усть усопшаго; въ тщательномъ изваянномъ памятникѣ надъ могилою епископа Жилье де Бридпорта въ восточномъ придѣлѣ Салисбурійскаго собора, душа олицетворяется обнаженной фигурою, которую ангелъ несетъ на небо; и такъ въ каждомъ скульптурномъ и художественномъ образѣ. И это «другое я» — хотя бы его удѣломъ былъ верхній или нижній міръ—кружится вокругъ своего стараго жилища и посѣщаетъ его. Когда кито-

ловныя суда впервые пристали къ берегамъ Банксскихъ острововъ, туземцы доказывали, что ихъ команда—не люди: если бы они были таковыми, то были бы черны. Поэтому они, должно быть, духи умершихъ людей. Когда епископъ Паттесонъ высадился на Мота—одинъ изъ острововъ этого же архипелага, — туземцы утверждали, что онъ духъ; а когда онъ укрылся отъ жары и тѣсноты въ пустой домъ, владѣлецъ котораго недавно умеръ, они вполне убѣдились, что онъ душа усопшаго, иначе какъ же бы онъ узналъ свое жилище? Во всякомъ случаѣ, могила, содержащая тѣло, была болѣе непосредственнымъ мѣстомъ сообщенія съ покойникомъ, а поэтому и съ духомъ. Вокругъ нея сгруппировались съ первобытныхъ временъ обычаи, которые во всей полнотѣ живутъ и донынѣ. Вѣрованіе, что мертвецъ имѣетъ всѣ жизненныя потребности, сдѣлало удовлетвореніе ихъ торжественною обязанностью; благочестіе и любовь помогали выполнять ее, а осторожность принимала всѣ мѣры, чтобы забывчивость не оскорбила тѣхъ, которые, можетъ быть, приобрѣли новую власть помогать или вредить живымъ. Отсюда ясно,—какъ это показываютъ пища и возліянія, приносимыя на каждую могилу — варварскую, классическую и христіанскую, и предметы, которые полагались вмѣстѣ съ мертвецомъ (въ малокультурныя времена вѣрили, что каждый изъ нихъ также имѣетъ свое «другое я»), почему принимались всѣ мѣры, чтобы покойники примирились со своимъ новымъ жребіемъ. Отъ періода сѣвернаго оленя до христіанской эры замѣчается одно и то же. Грубо сдѣланная дѣтская кукла изъ слоновой кости, найденная въ Дордоньской пещерѣ, имѣетъ соотвѣтствующія ей куклы и животныя изъ терракоты, найденныя въ дѣтскихъ могилахъ

Помпей; подобные же предметы встрѣчаются въ римскихъ катакомбахъ. Одною, можетъ быть, изъ самыхъ трогательныхъ реликвій, связывающей прошедшее съ настоящимъ, является скелетъ молодой женщины, обнимающей ребенка, найденный въ круглой могилѣ въ Дѣстабль Доунсъ; причѣмъ могила обложена была ископаемыми *echini*, или морскими ежами.

Изслѣдуя курганы въ Англии, Гринвелъ часто встрѣчалъ выемки, лежащія ниже естественной земной поверхности, внутри могилъ; обыкновенно онѣ были заполнены только землею, иногда человѣческими костями, обломками глиняной посуды и каменнаго угля. Весьма вѣроятно, что эти чашеобразныя углубленія были вмѣстѣ лицами пища и питья, предназначаемыхъ покойникамъ, подобно тѣмъ чашамъ со святою водою, которыя по временамъ встрѣчаются на римско-католическихъ могилахъ въ Западной Европѣ; значеніе послѣднихъ, хотя и символическое теперь, — сохранившійся слѣдъ первобытнаго обычая.

Этотъ обычай можно иллюстрировать многими примѣрами, взятыми изъ жизни современныхъ дикарей. Мы ограничимся однимъ или двумя. Бодо въ Индіи приносятъ покойникамъ на могилу пищу и питье, приходящіяся на долю послѣднихъ, приговаривая: «берите и ѣшьте; до сихъ поръ вы ѣли и пили съ нами, теперь это вамъ невозможно; вы были одними изъ насъ, теперь уже не такъ; мы не ходимъ къ вамъ, да и вы къ намъ тоже не ходите». Затѣмъ каждый кидаетъ на могилу битый браслетъ, который онъ срываетъ со своей руки, въ знакъ того, что связь между живыми и мертвыми прервана, и вслѣдъ за этимъ всѣ совершаютъ омовеніе предъ началомъ пира. Помянутіе о оскверненіи, благодаря сношеніямъ съ

умершими—широко распространено; обрядъ очищенія встрѣчается у всѣхъ народовъ. Жители Соломоновыхъ острововъ, совершая тризну, кладутъ кусокъ пищи въ огонь, говоря покойнику: «вотъ тебѣ»; даже за повседневными трапезами доля мертвеца откладывается въ сторону. Жители Небесной имперіи «хранятъ своихъ заключенныхъ въ гробы усопшихъ родственниковъ годами, и угощаютъ ихъ пищею, какъ живыхъ». Но Китай—родина почитанія предковъ, доведеннаго до высшей степени; не только съ мертвыми тамъ обращаются, какъ съ живыми, но ихъ производятъ въ высшіе чины, по императорскому указу, наравнѣ съ ихъ богами. Курьезные примѣры послѣдняго появляются отъ времени до времени въ «Пекинскій Газетѣ» — древнѣйшей изъ всѣхъ газетъ міра. Напримѣръ, когда священный духъ-драконъ Ханъ-Танъ-Хіенъ, въ числѣ другихъ оказанныхъ имъ милостей, послалъ дождь въ нѣкоторыя провинціи, страдавшія отъ засухи, то былъ отданъ приказъ пожаловать бога дополнительнымъ титуломъ «Духа-Дракона Священнаго блага». Въ другой газетѣ «Главный директоръ транспорта зерна проситъ пожаловать отличие богу вѣтровъ, защитившему плотины Великаго канала; о чемъ комиссія обрядовъ имѣетъ составить докладъ». Когда утвердилось вѣрованіе, что Квангте, великій полководецъ, признанный богомъ войны, черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ его смерти, помогъ императорскимъ войскамъ, усмирявшимъ мятежъ Тэйпинговъ въ 1855 году, то императоръ издалъ указъ, возводившій его въ равное съ Конфуціемъ достоинство. Римско-католическая церковь дѣлаетъ буквально то же самое, причисляя къ лику святыхъ наиболѣе отличившихся защитниковъ вѣры, спустя столѣтія послѣ ихъ смерти.

Дикіе и культурные народы сходятся въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Поэтому-то вѣрованіе тонгановъ въ существованіе касть въ загробной жизни находитъ откликъ и среди цивилизованныхъ племенъ. Индусы приносятъ въ даръ похоронныя лепешки; наряду съ ними можно поставить *simnels*, до сихъ поръ приготовляемые въ Англіи и «успокойный хлѣбъ» въ Бельгіи. Но чаще служеніе мертвымъ совершается въ опредѣленные сроки. Жители Фиджи приносятъ имъ въ даръ первый поспѣвшій ямсъ; у славянъ въ обычаѣ класть пищу на могилы весною; болгары празднуютъ Вербное воскресеніе на кладбищахъ; остатни трапезы на могилахъ предназначаются въ пищу покойникамъ; имъ посвящается послѣдній день празднествъ въ честь Бахуса и дни всѣхъ душъ у грековъ; поминки въ день празднованія памяти святого, имя котораго носилъ усопшій, у христіанъ.

Первоначальное и грубое понятіе состояло въ томъ, что души ѣдятъ и пьютъ принесенное имъ въ даръ; поэтому у племени конго отправляютъ пищу черезъ отверстіе въ могилѣ прямо въ ротъ усопшему. Обычай грековъ приносить пищу и питья на могилы заставилъ ихъ сатирика Лукіана спросить: просачиваются ли возліянія сквозь почву до Гадеса? Но источникъ этого понятія до-статочно ясенъ. Твердая пища при сожженіи улетучивается въ формѣ дыма, или оставленная гдѣ-нибудь, ссыхается и сморщивается; напитки, вылитые на землю, или согрѣтые, испаряются; отсюда выводъ, что и то и другое употреблено въ пищу тѣвью-духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что знаетъ первобытный умъ о процессахъ употребленія и паренія? Позднѣе, вошло въ силу вѣрованіе, что безтѣлесные духи насыщаются эссенціей пищи и

питья; они вдыхаютъ ихъ «сладкій запахъ», составляя болѣе грубую часть трапезы нетронутою.

Кости, часто встрѣчающіяся подлѣ неолитическихъ могилъ, свидѣлствуютъ о глубокой древности обычая пиршества на могилахъ, играющаго роль договора между живыми и мертвыми; расколотые человѣческіе черепа, находимые вмѣстѣ съ ними, говорятъ о принесеніи въ жертву рабовъ и плѣнниковъ; это дѣлалось ради того, чтобы усопшіе, въ особенности знатнаго происхожденія, не ощущали недостатка въ слугахъ. Другія человѣческія кости указываютъ на добровольное принесеніе въ жертву вдовъ, желавшихъ послѣдовать за умершими супругами. Но главною причиною тщательной заботливости, съ которою до мельчайшихъ подробностей удовлетворялись всѣ предполагаемыя нужды покойниковъ былъ страхъ ихъ возвращенія на землю. Непогребенная душа, не допущенная въ подземный міръ, летаетъ въ вѣчной тревогѣ и никогда не знаетъ покоя. «Похорони меня, какъ можно скорѣе, дабы я могъ проникнуть въ врата Гадеса», взывала къ Ахиллу тѣнь умершаго Патрокла во снѣ. Разъ водворивъ мертвеца въ могилъ, главною заботою живыхъ было удержать его тамъ. Надъ нимъ насыпали землю, или камни, дабы помѣшать ему вернуться къ живымъ; ему привязывали ноги къ тѣлу, какъ то въ обычаѣ у австралійцевъ, втыкали булавки въ подошвы у исландцевъ; наконецъ въ Англіи вбивали колъ въ тѣло самоубійцы и хоронили его на перекресткѣ двухъ дорогъ. Всевозможныя уловки пускались въ дѣло, чтобы подавить всякую попытку къ возвращенію мертвецовъ. На Соломоновыхъ островахъ похоронная процессія возвращается другою дорогою, изъ боязни, чтобы погребенный не послѣдовалъ за нею; гот-

гентоты выносятъ мертвеца черезъ специально продѣланное отверстіе въ хижинѣ. Минахасси на Целебесѣ, прежде чѣмъ похоронить тѣло, опускаютъ его въ дыру продѣланную въ полу, затѣмъ три раза обносятъ его вокругъ дома; у Гомера тѣло умершаго Патрокла положено такимъ образомъ, что ноги обращены къ входу шатра; въ нѣкоторыхъ странахъ Европы до сихъ поръ тѣло покойника выносятъ ногами впередъ или, какъ

Рис. 67.—Дольмень съ отверстіемъ (Кавказъ).

у крестьянъ Брандебурга, тотчасъ по выносѣ тѣла, на порогъ дома выливается ведро воды; дабы помѣшать душѣ переступить черезъ него. Ибо, полагается, что духи и вѣдьмы не могутъ переходить черезъ воду; этимъ, вѣроятно, объясняется распространенный среди кельтовъ обычай хоронить покойниковъ на островахъ. Но въ этомъ отно-

шеніи, какъ первобытный, такъ и болѣе культурный умъ представляетъ смѣсь противорѣчій. Ибо, въ то время, какъ приведенные выше примѣры указываютъ, что у всѣхъ народовъ смѣшанное чувство жалости и страха заставляло заботиться о покоѣ и удобствѣ усопшихъ, мы часто встрѣчаемъ въ кромлечахъ, дольменахъ, погребальныхъ урнахъ и памятникахъ позднѣйшаго римскаго періода, — маленькія отверстія, предназначавшіяся, вѣроятно, для входа и выхода духовъ. У прокозовъ дѣйствительно существуетъ такое объясненіе этого обычая. Среди простонародья цивилизованныхъ странъ на этомъ же основанъ обычай, открывать окно въ комнату умирающаго, чтобы душа могла безпрепятственно покинуть тѣло; въ Германіи существуетъ повѣрье, что въ такомъ домѣ нельзя захлопывать дверь, дабы не прищемить въ ней душу.

Въ связи съ отверстиями въ могилахъ находится обычай трепанировать черепъ, или просверливать въ немъ дыру. Это практиковалось въ доисторическія времена, какъ показываютъ черепа, найденные въ неолитическихъ могилахъ, какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта. Круглые куски кости, высверленные такимъ образомъ, носили какъ талисманы; но самый обычай объясняется, вѣроятно, желаніемъ дать свободный выходъ душѣ усопшаго; у живыхъ этимъ способомъ пытались излѣчить эпилептическія и другія нервныя болѣзни. Такимъ образомъ инструментъ, употребляемый современными хирургами для удаленія частей кости, причиняющей страданія головѣ — прямой потомокъ кремневаго ножа неолитическаго оператора. Согласно понятіямъ послѣдняго, находившимся на одномъ уровнѣ съ понятіями всѣхъ первобытныхъ людей того времени, всякій недугъ объясняется

присутствіемъ злыхъ духовъ въ человекѣ, вошедшихъ въ него съ помощью колдовства или иныхъ чаръ; въ силу этого, въ черепъ просверливали

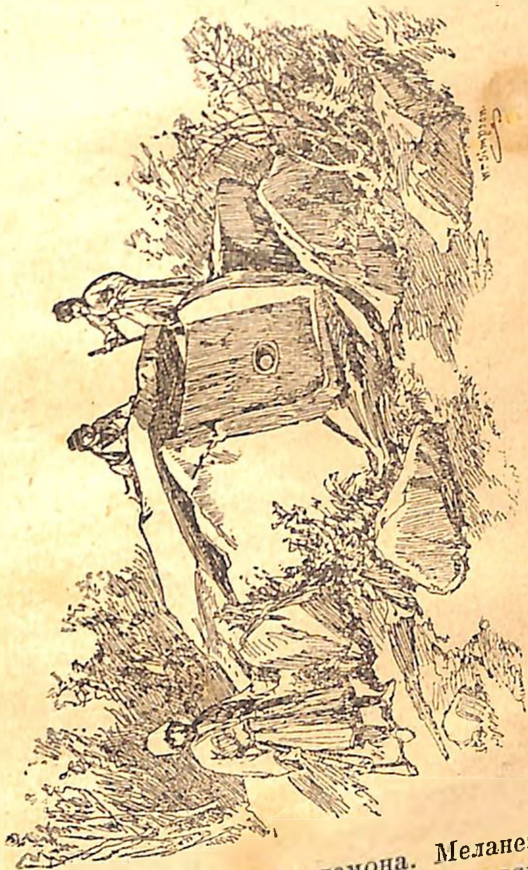

Рис. 68.—Дольмень съ отверстіемъ. (Кавказъ).

дырку, чтобы выпустить демона. Меланезійцы — ихъ понятія о причинахъ болѣзни являются типичными представителями вѣрованія дикарей — всякій недугъ, за исключеніемъ обычныхъ и лег-

кихъ недомоганій, считаютъ вызваннымъ душою какого-нибудь умершаго лица.

«Случается, дѣйствительно, какъ напримѣръ, на Новыхъ Гебридахъ, гдѣ духи являются главными предметами религіознаго поклоненія», что человекъ, зная, что онъ нарушилъ святость мѣста, принадлежащаго какому-нибудь духу, или, что имѣетъ зложелателя, которому покровительствуетъ духъ, заболѣвая, думаетъ: недугъ насланъ ему духомъ. Но обыкновенно болѣзнь приписывается душамъ умершихъ, къ нимъ прибѣгаютъ за помощью, какъ къ существамъ, могущимъ причинить недугъ и исцѣлить его; существуетъ вѣрованіе, что души умершихъ насылаютъ болѣзнь не потому только, что кто-нибудь оскорбилъ ихъ, или иной, находящійся въ общеніи съ ними, снискалъ ихъ покровительство благодаря жертвоприношеніямъ и чарамъ, но и потому, что есть извѣстное коварство въ отношеніи душъ умершихъ къ живымъ: послѣдніе оскорбляютъ ихъ тѣмъ, что живутъ». Ни смерть, ни болѣзнь не разсматриваются, какъ естественныя явленія, отсюда въ числѣ многихъ вышеприведенныхъ причинъ—смягченіе гнѣва неволью покинувшихъ земную жизнь. Языкъ увѣковѣчилъ эти дивія теоріи въ выраженіяхъ: «схватить», «одолѣть», быть «внѣ себя»; на сѣвѣрѣ Англіи употребляется выраженіе «выгонять лихорадку», что равносильно выраженію «выгонять чорта».

Такъ какъ эти понятія о недугахъ, смерти и судьбѣ умершихъ вѣблись въ плоть и кровь первобытнаго человека и остались неизмѣнными по существу, а лишь слегка измѣнившимися по формѣ и до сего дня, то и нельзя достаточно оцѣнить ихъ значеніе. Безъ нихъ тщетны были бы всѣ попытки объяснить значеніе обычаевъ,

управлявшихъ почти каждымъ явленіемъ жизни многихъ народовъ, обычаевъ и досель руководящихъ болышею частью жизни всего человѣческаго рода. Съ ихъ помощью мы читаемъ какъ въ раскрытой книгѣ: значеніе разсѣянныхъ всюду остатковъ пиршествъ на могилахъ; форму могилъ, какъ подражаніе очертаніямъ жилища; ихъ украшеніе, снабженіе пищею, какъ мѣста, гдѣ душа умершаго могла бы ѣсть, пить, веселиться, наслаждаться; украшеніе могилы цвѣтами, и возліянія, совершавшіяся надъ ними. Лишь ознакомившись съ этими понятіями, можемъ мы шагъ за шагомъ прослѣдить тотъ путь, который велъ отъ могилы къ жертвеннику, а отъ жертвенника къ храму. Ибо мѣста погребенія, на которыхъ совершались похоронныя пиршества, сдѣлались жертвенниками, на которыхъ стали приносить жертвы, посвященныя духамъ предковъ; почитаніе послѣднихъ является преобладающимъ элементомъ, хотя и въ различныхъ формахъ, религіи всѣхъ временъ и народовъ, какъ дикихъ, такъ и цивилизованныхъ. Жертвенники, или алтари, заключавшіе въ себѣ останки усопшихъ, были тѣмъ основаніемъ, изъ котораго создались храмы; начиная съ каменнаго грубо сдѣланнаго высокаго круга и кончая, по прошествіи множества градацій, соборомъ Св. Петра въ Римѣ, подъ которымъ, по предацію, почіють мощи святого основателя его.

Каменные постройки, болѣе или менѣе разрушенныя, разбросанныя тысячами на обоихъ полушаріяхъ, являются характернымъ признакомъ неолитическихъ временъ. Ихъ можно разбить на три группы: 1) Отдѣльные прямо поставленные камни, называемые «менгирами» (отъ кельтскаго таеп—камень, и *hir*—высокій), которые, можетъ быть, были памятниками событій, или были воз-

двигнуты надъ умершими. 2) «Дольмены» (отъ кельтскаго daul—столъ и maen), состоящiе изъ трехъ или четырехъ большихъ камней, накрытыхъ еще однимъ, такъ что образуютъ какъ бы комату; этотъ родъ памятниковъ особенно распространенъ; Kits Coty House близъ Эйлесфорда въ Кентѣ является заслуживающимъ вниманiя примѣромъ этого рода. 3) Кромлечи (отъ кельтскаго crom—кругъ, и lisch—камень) круги изъ камней, окружающiе могилы и «дольмены» или же они стоятъ особнякомъ. Подобно длиннымъ или круглымъ курганамъ, они были скопированы съ первобытныхъ жилищъ; кольцо изъ камней соотвѣтствовало оградѣ, огибавшей кругообразныя неолитическiя хижины, или камнямъ, подпиравшимъ крытыя торфомъ жилища лапландцевъ. Они ошибочно называются кругами друидовъ, могилами великановъ, камнями Одица, мѣстомъ, вокругъ котораго группировались легенды о паразительныхъ дѣянiяхъ, совершенныхъ дьяволомъ, преданiя о людодѣдахъ и карликахъ, о нарушителяхъ субботы и о невѣрныхъ, обратившихся въ камень; эти кромлечи окутаны дымкою таинственности. Хотя и не служившия сами предметами поклоненiя, они близко соприкасаются съ почитанiемъ камней, съ этимъ наиболѣе страннымъ для насъ первобытнымъ идолопоклонствомъ, не имѣвшимъ себѣ равнаго по распространенности. Причина, заставившая отлиться религiозное чувство въ такую странную форму, лежитъ въ общей у всѣхъ дикарей наклонности смѣшивать людей и вещи, и надѣлять неодушевленные предметы, вслѣдствiе поверхностнаго и кажущагося сходства, различными достоинствами и могуществомъ.

Для лучшаго уясненiя сказаннаго, позаимствуемъ изъ рассказовъ путешественниковъ о дикихъ

народахъ, какъ выразилась у нихъ эта склонность. Говорятъ, что въ Меланезіи, когда человѣкъ видитъ камень съ фантастическими очертаніями, напоминающій по формѣ хотя бы плодъ хлѣбнаго дерева, то онъ зарываетъ его подлѣ дерева того же имени. Если въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ онъ получаетъ необыкновенно обильный урожай, онъ послѣ этого вполне убѣжденъ, что подъ деревомъ находится духъ послѣдняго, который и заставилъ это дерево приносить лучшіе плоды. Въ силу этого камень дѣлается святынею, предметомъ поклоненія, наслѣдствомъ, передаваемымъ изъ рода въ родъ. Если, на тѣхъ же островахъ, туземецъ нападетъ на большой камень со множествомъ камушковъ, лежащихъ подъ нимъ, — словно свиныя съ поросятами, — то онъ тотчасъ же приноситъ ему жертву, твердо вѣря, что это принесетъ ему свиней. Кодрингтонъ, являющійся авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ, говоритъ, что священные камни часто встрѣчаются на Соломоновыхъ островахъ; имъ приносятъ пищу, чтобы вызвать урожай, вареную рыбу, если требуется большой уловъ, согласно понятію дикарей, что сходные предметы вызываютъ одинъ другого, съ какой бы натяжкой не находилось это сходство.

Въ этомъ сходятся древніе и новѣйшіе народы. Помазанію елеемъ священнаго камня Іаковомъ въ Вефилѣ, соотвѣтствуетъ обычай исландцевъ смазывать масломъ базальтовые скалы; упрекъ Исаи, направленный противъ Іудеевъ, совершавшихъ возліянія «надъ гладкими камнями долины», показываетъ, что они стояли на одномъ уровнѣ съ туземцами Ново Гебридскихъ острововъ, считающихъ обточенные водою голыши. И если, какъ сказано выше, цельтамъ и наконечникамъ стрѣлъ

приписывалось небесное происхождение, или на нихъ смотрѣли, какъ на творенія сверхчеловѣческихъ существъ, то тѣмъ больше основанія было считать аэролиты или метеорные камни прямо свалившимися съ неба. Таковъ «Черный Камень» или «Кааба» въ Меккѣ, который, какъ полагаютъ, есть не что иное какъ аэролитъ; таково же, вѣроятно, происхождение пирамидальнаго камня, обожяемаго индусами въ Джагинатъ, равно какъ и камня, упавшаго подлѣ священнаго мѣста въ Мексикѣ и почитаемаго тамъ, какъ сынъ божественныхъ родителей. Евреи, греки, римляне шли на ряду съ современными индусскими поселенцами въ обожаніи прямо стоящихъ камней; необдѣланные камни занимали почетныя мѣста въ классическихъ храмахъ, какъ представители главныхъ боговъ; ихъ украшали, о нихъ заботились и почитали ихъ. Въ храмѣ неба въ Пекинѣ семь необтесанныхъ камней охраняютъ судьбу императорской династіи; а на ряду съ треномъ высѣченнымъ въ каменной скалѣ для мексиканскихъ правителей, можно поставить камень изъ Скона, находящійся подъ сидѣньемъ коронаціоннаго трона въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Онъ называется Lia Fail или «Камень Судьбы»; по преданію, это — камень, служившій изголовьемъ Іакову, когда онъ спалъ въ Вефилѣ и ему снились ангелы. Какимъ-то образомъ этотъ камень попалъ въ Ирландію, такъ изобилующую преданіями и наконецъ оттуда былъ перевезенъ въ Сконъ. Другой древній памятникъ — Лондонскій камень въ Каннонъ-Стритъ, связываетъ священный пограничный камень съ именемъ Меркурія или Гермеса, ибо, въ числѣ многихъ другихъ изображеній, его представляютъ какъ бога рубежа, въ видѣ прямостоящаго камня. Въ своемъ празднествѣ въ честь межевыхъ кам-

ней, — Терминали — древніе римляне воздавали почести древнѣйшему и наиболѣе почитаемому изъ своихъ боговъ. Благосостояніе народа зависитъ отъ воздѣлыванія почвы, которая требуетъ

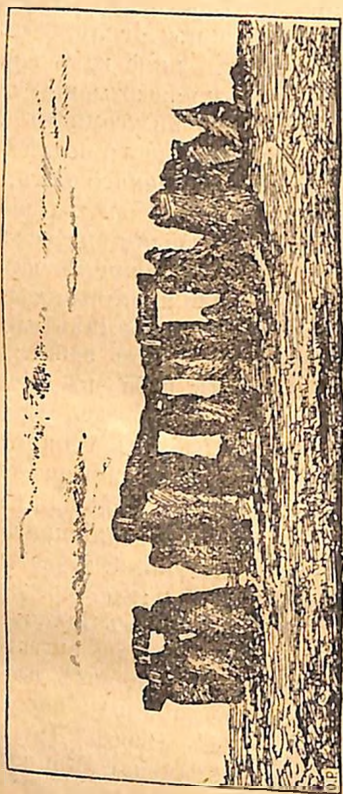

Рис. 69. — Столхенджъ.

измѣренія и пограничныхъ знаковъ, отсюда высокое значеніе послѣднихъ и покровительство, оказываемое имъ богами. Какъ упорно держалось поклоненіе камнямъ, видно изъ ряда указовъ, из-

даваемыхъ противъ этого почитанія до царствованія Кнута включительно, въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Приблизительно въ седьмомъ вѣкѣ Нантскій Свѣтъ

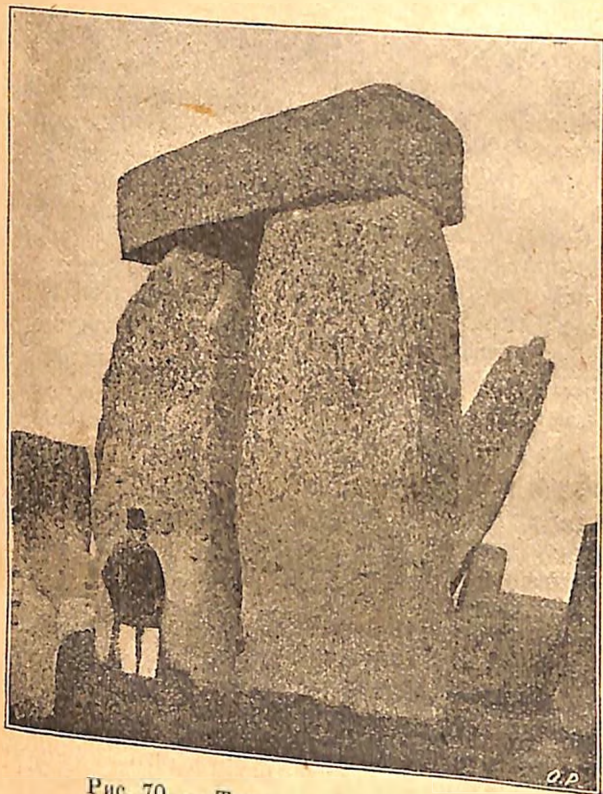

Рис. 70. — Трилитонъ. (Стопхенджъ).

«увѣщеваетъ епископовъ и ихъ служителей выкапывать, увозить и прятать въ мѣстахъ, гдѣ они не могутъ быть найдены, тѣ камни, которымъ до сихъ поръ поклоняются въ уединенныхъ и лѣси-

стыхъ мѣстностяхъ, и передъ которыми произносятся обѣты». А четырьмя вѣками позднѣе уставъ Кнута запрещалъ «варварское обожаніе камней, деревьевъ, источниковъ и небесныхъ тѣлъ».

VI. *Круги изъ камней.* Возвратимся къ кромлечамъ. Самый большой изъ нихъ находится въ Англіи близъ Эбюру (или Эвбюри) въ Уилтъшайръ. Обрей, археологъ семнадцатаго столѣтія, говоритъ, что онъ «превосходитъ своимъ величіемъ знаменитый Стоухенджъ, на сколько соборъ затмеваетъ приходскую церковь». Но онъ находится въ такомъ состояніи упадка, что его форма едва различима для неопытнаго глаза. Дѣйствительно, изъ сотенъ камней едва уцѣлѣло два десятка. Большая часть изъ нихъ пошла на постройку современнаго селенія, пріютившагося подъ защитою вала, огибаваго внѣшнее кольцо камней.

Знаменитый Стоухенджъ, одна изъ наиболѣе поразительныхъ развалинъ въ мірѣ, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по положенію, — болѣе поздняго происхожденія. Стоя передъ этою безмолвною угрюмою громадою, лишь смутно воображая тѣ странные обряды, тѣ кровавыя жертвы, что совершались внутри нея, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что она представительница той стадіи религіозной культуры, которая нами описана въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Хотя это и сильно пострадавшая развалина, но первоначальный планъ ясно виденъ. Вотъ онъ въ общихъ чертахъ: два концентрическихъ круга обнимаютъ два эллипсиса, оба открытые съ сѣверо-востока, — все вмѣстѣ взятое огибается землянымъ валомъ или рвомъ. Внѣшній кругъ состоялъ изъ большихъ четырехугольныхъ грубо обтесанныхъ камней, поставленныхъ стоямя такимъ образомъ, что они

образовывали непрерывную колоннаду. Они вытесаны изъ песчаника, котораго много по соседству. У окрестныхъ жителей они известны подъ названіемъ «sarasens»; названіе это объясняется преданіемъ, передающимъ, что они были нѣкогда сарацинами или языческими воинами, обратившимися въ камни. Подобная же легенда связана съ Ролльрайтовыми камнями, — кромлечемъ въ Оксфордширѣ; согласно послѣдней, его отвѣсно стоящіе камни — окаменѣвшіе король и солдаты. Внутренній кругъ состоитъ изъ лежащихъ камней, называемыхъ «синими»; ихъ, вѣроятно приносили издалека, такъ какъ они не встрѣчаются ближе Сѣвернаго Валлеса или острововъ Британскаго канала. Эллипсы состоятъ изъ пяти группъ камней, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ двухъ стоящихъ поставленныхъ каменныхъ громадъ, на которыя опираются положенныя поперекъ каменныя глыбы. Они расположены въ формѣ подковы и вытесаны изъ того же камня, какъ и внѣшній кругъ. Меньшій эллипсисъ изъ «синихъ камней», уже не имѣющихъ поперечинъ, расположенъ внутри перваго, а въ центрѣ этой двойной подковы находится большая широкая плита, называемая «алтарнымъ камнемъ». На дорогѣ, ведущей къ этому кругу, находится огромный необтесанный камень, известный подъ названіемъ «Friar's Heel». Интересное явленіе, находящееся въ связи съ двумя послѣдними камнями — слѣдующее: въ самый длинный день въ году солнце восходитъ непосредственно надъ «Friar's Heel» и лучи его падаютъ на «алтарный камень», а въ самый короткій солнце восходитъ и заходитъ непосредственно надъ небольшими камнями, лежащими внѣ предѣловъ внѣшняго круга. Это повело къ предположенію, что Стоунхенджъ былъ мѣстомъ поклоненія солнцу,

но о происхожденіи и значеніи его дѣлалось столько различныхъ догадокъ, что мы сдѣлаемъ отступленіе и воспользуемся дѣльными замѣчаніями, издаваемыми Пеписомъ въ его «Дневникѣ» послѣ посвященія имъ этихъ развалинъ въ 1668 году. «Богъ знаетъ, каково было ихъ назначеніе. Это трудно сказать, хотя, можетъ быть, когда нибудь и будетъ возможно». Все-таки мы не мало подвинулись впередъ въ изслѣдованіи значенія древнихъ памятниковъ со временъ Пеписа и, принимая во вниманіе, что на площади круга съ радіусомъ въ три мили, проведенномъ изъ Стоунхенджа находится триста кургановъ, мы почти съ увѣренностью можемъ сказать, что эти развалины служили первоначально мѣстомъ погребенія. Возвращаясь къ неоспоримой связи жилища живыхъ съ могилою мертвыхъ, мы можемъ предполагать въ земляной насыпи валъ, окружавшій деревню; въ дорогѣ ведущей къ кругамъ, — уменьшенный типъ обширныхъ развалинъ Карнака, въ Бретани, гдѣ подземная галерея ведетъ къ пещерному жилищу а въ самомъ кругѣ — расширение кольца камней окружавшаго или поддерживавшаго ульеобразную хижину. Изслѣдованіе площади внутри каменныхъ коллонадъ еще не полно, и находимые обломки костей животныхъ и грубой глиняной посуды — мало сказали намъ новаго. Если бы, что-нибудь поддержало предположеніе, что дерево — священное дубъ — главный предметъ почитанія въ природѣ неолитическихъ племенъ Европы, — росъ внутри центрального святилища, то можно было бы установить нѣкоторую связь между древнимъ храмомъ и друидами, о которыхъ писали такъ много вздора.

Прежде чѣмъ покончить съ великимъ памятникомъ нашихъ Уильтшайрскихъ равнинъ съ ихъ

рвами и могилами, развалинами Древняго Сарума и другими, мы должны вкратцѣ пояснить значеніе солнечныхъ лучей, ударявшихъ въ «алтарный камень» во время лѣтняго солнцестоянія. Интересъ этому вопросу увеличился благодаря изысканіямъ Локайера въ главныхъ храмахъ Египта; результаты ихъ показали, что дороги ведущія къ храмамъ были устроены такимъ образомъ, что во время лѣтняго солнцестоянія, лучи падали вдоль нихъ и освѣщали фигуру божества, стоявшую въ святилищѣ на концѣ длинной оси. Это соотвѣтствуетъ вѣсѣмъ извѣстному «восточному направленію», котораго держатся при постройкѣ церквей, т. е. строятъ ихъ такимъ образомъ, чтобы алтарь былъ обращенъ къ той точкѣ востока, въ которой восходитъ солнце въ день того святого, въ память котораго построенъ храмъ. Этотъ древній обычай — остатокъ обожанія солнца, а можетъ быть и звѣздъ; если слѣдовать предположеніямъ Локайера — впрочемъ не безспорнымъ, то нѣкоторые храмы были такимъ же образомъ направлены къ Сириусу и другимъ звѣздамъ. Этимъ же объясняется и погребеніе покойниковъ въ сидячемъ положеніи, съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку, хотя часто они обращены и въ противоположную сторону къ западу, который многія дикія племена считаютъ царствомъ душъ умершихъ. Др. Тейлоръ замѣчаетъ, что — вовсе не плодомъ позднѣйшей и одинокой фантазіи, а продолженіемъ древняго и широко распространеннаго понятія о солнцѣ является хорошо извѣстная легенда о томъ, что тѣло было положено такъ, что голова была обращена на западъ, а слѣдовательно, лицомъ на востокъ; на этомъ же основывается обыкновеніе христіанъ копать могилы съ востока на западъ, столь распространенное въ средніе

вѣка и теперь еще не забытое. Правило власти усопшаго головою на западъ и его значеніе— усопшіи возстанетъ изъ гроба обративъ взоръ къ востоку — во всей полнотѣ установлены въ одномъ богословскомъ трактатѣ шестнадцатаго столѣтія».

Каменные круги простираются, съ извѣстными промежутками отъ Шотландіи до антиподовъ. Самымъ крупнымъ образчикомъ ихъ къ сѣверу отъ Твида является кромлечъ Стенииса въ Оркней, близъ котораго находился просверленный камень, служившій мѣстомъ обрученія влюбленныхъ; они пожимали другъ другу руки сквозь его отверстие и смотрѣли на этотъ обѣтъ, какъ на священныя узы. Нѣкоторые писатели предполагаютъ, что употребленіе обручальнаго кольца, какъ кусочка просверленнаго металла, обязано своимъ происхожденіемъ обычаемъ, подобнымъ предшествовавшему. Но такъ или иначе всякій мальчикъ, носящій въ карманѣ просверленный камешекъ на счастье, является представителемъ суевѣрій, связаннаго съ просверленными камнями; если послѣдній великъ, сквозь него продѣваютъ ребенка, для исцѣленія отъ какого-нибудь недуга; если достаточно малъ, то носятъ, какъ это въ употребленіи у крестьянъ Суффолька и другихъ мѣстностей, въ качествѣ талисмана противъ кошмара; или же его привязываютъ къ замку у входа въ конюшню, чтобы помѣшать вѣдьмамъ уводить лошадей. Стояны поставленные камни въ Карнакѣ въ Бретани расположены въ формѣ одиннадцати почти параллельныхъ аллей, первоначально, вѣроятно, простиравшихся на многія мили. Неизвѣстно вели ли онѣ къ какому-нибудь центральному памятнику. Ихъ назначеніе остается тайною, равно, какъ и назначеніе конусообразныхъ башенъ въ Сардиніи (хотя

Момсенъ и называетъ ихъ «надгробными») и циклопическихъ «talayots» на о. Миноркѣ.

Кромлечи перѣдко встрѣчаются въ Сѣверной Аравіи и на Синайскомъ полуостровѣ, а въ Бенгаліи у казіевъ, у которыхъ обряды погребенія имѣютъ важное значеніе», ставятъ необдѣланные камни гигантскихъ размѣровъ въ качествѣ надгробныхъ памятниковъ, — въ одиночку, рядами, кругами, поддерживающими другъ друга, какъ камни Стоухенджа, съ которыми они соперничаютъ по размѣрамъ и вѣшнему виду. Аристотель говоритъ намъ въ своей «Политикѣ», что у иберійцевъ было въ обычаѣ ставить вокругъ могилы умершаго воина столько камней, сколько онъ побѣдилъ враговъ; а австралійскія племена ставятъ, по рассказамъ, каменные стѣлбы вокругъ мѣста погребенія знаменитаго героя или вождя. Если бы даже не существовало иныхъ доказательствъ, то и доставленныхъ грубыми каменными постройками, разбросанными во всѣхъ частяхъ земного шара, было бы вполне достаточно, чтобы объединить понятія дикарей всѣхъ временъ а также и обычаи, являющіеся выразителями этихъ понятій. Эта объединяющая цѣпь удлиняется и захватываетъ однимъ концомъ высшія расы, въ лучшихъ архитектурныхъ произведеніяхъ которыхъ необработанный матеріалъ получаетъ окончательную отдѣлку. Менгирь — грубый прототипъ колонны Траяна и Нельсона; дольмены — саркофага Рамзеса и памятника Веллингтона; а кромлечь напоминаетъ церковь, которая была построена темпліерами въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ память круглаго храма Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Между Стоухенджемъ и чистыми линиями собора, шпиць который виденъ если обернуться къ Салисбюри — существуетъ непрерывная цѣпь переходныхъ формъ.

Теперь всего удобнѣе упомянуть — хотя это, быть можетъ, и не особенно существенно, о земляныхъ валахъ, встрѣчающихся тысячами въ центральныхъ частяхъ Сѣверной Америки, въ особенности въ бассейнѣ Миссисипи. Ибо, хотя содержимое ихъ и показываетъ, что люди, создавшіе ихъ, были уже знакомы съ употребленіемъ металловъ именно съ мѣдью, но первобытный способъ обработки матеріала, находимаго ими въ видѣ твердыхъ слитковъ — самородковъ, (а именно: они просто обивали его молоткомъ до приданія ему желаемой формы) свидѣтельствуетъ о томъ, что они находились въ переходной стадіи между каменнымъ и бронзовымъ вѣками. Валы распадаются на три или четыре группы: военные или оборонительные; надгробные или храмы; и животные. Подобно тому, какъ остатки, находимые въ Европѣ, свидѣтельствуютъ объ относительной послѣдовательности иберійцевъ и кельтовъ, такъ американскіе остатки обличаютъ слѣды длинноголовой расы и позднѣйшей, покорившей первую, круглоголовой; въ то же время для завершения полнаго въ высшей степени интереснаго сходства, находки грубо расщепленныхъ каменныхъ орудій указываютъ на присутствіе палеолитическихъ людей, которые, можетъ быть воевали съ *megathérium* (гигантское млекопитающее сходное съ тихоходомъ) тогда какъ его собрать по ремеслу расщепливанья кремней убивалъ мамонта въ Европѣ. Огромное протяженіе нѣкоторыхъ укрѣпленій мы видимъ по развалинамъ Fort Ancient въ Огіо. Онѣ «тянутся на милю въ длину съ сѣвера на югъ, стѣны имѣютъ въ общей сложности 20.000 фут. длины, длина валовъ — пять миль, а всѣ искусственныя украшенія, взятыя вмѣстѣ — десять миль». Онѣ, можетъ быть, составляли часть непрерывной оборо-

нительной линіи, простиравшейся до Нью-Йорка. Надгробные валы превышают оборонительные на десятки тысячъ; большинство изъ нихъ заключаетъ въ себѣ по одному покойнику, похороненному въ согнутомъ положеніи, какъ говорилось выше, а другіе—только пепель сожженного тѣла. Нѣкоторые изъ этихъ валовъ созданы по плану жилищъ; другіе, вѣроятно, сами были жилищами, обращенными позднѣе въ мѣста погребенія. Какъ надгробные валы такъ и храмы носятъ слѣды дикихъ варварскихъ обычаевъ. Къ достопримѣчательнымъ находкамъ относятся рѣзные и изукрашенные трубки, которыя, повидимому, находились въ связи съ дарами, приносимыми богамъ; ибо почти съ увѣренностью можно сказать, что «душистыя трубы» сжигались на ихъ алтаряхъ, и что первоначально трубки употреблялись только для священ-ныхъ цѣлей. Наиболѣе странными изъ всѣхъ являются «насыпи въ видѣ животныхъ»: этимъ невысокимъ насыпямъ придава форма человѣческихъ фигуръ, птицъ и пресмыкающихся. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до нѣсколькихъ сотъ футовъ длины. Одна изъ величайшихъ, называемая «Большая Змѣя», начинается изъ овальной ограды на концѣ мыса одного изъ притоковъ Огіо. Ея пасть разверзута «какъ если бы она собиралась проглотить нѣсколькими размѣрами головы, хотя оно и имѣетъ 160 футовъ длины. Сообразно вершинѣ холма тѣло змѣи изгибается граціозными извивами на 700 футовъ, оканчиваясь тройнымъ кольцомъ у хвоста. Фигура отличается чистыми и смѣлыми контурами; средняя часть туловища возвышается на пять футовъ надъ уровнемъ земли, имѣя 30 футовъ въ ширину, постепенно понижаясь и суживаясь къ головѣ и хвосту. Полная длина, если считать

всѣ ея извивы, не менѣе 1000 футовъ. По обѣимъ сторонамъ змѣиной головы находятся два треугольныхъ возвышенія, которыя спереди поминають жабры, но они такъ сгладились, что нельзя съ точностью сказать, какова была ихъ первоначальная форма». Дѣлалась масса догадокъ относительно расы, оставившей послѣ себя эти любопытные памятники, но теперь уже нѣтъ болѣе сомнѣній въ томъ, что «таинственные строители насыпей» были предками краснокожихъ индѣйцевъ. Каждый слѣдъ ихъ предполагаемой цивилизаціи можетъ быть отнесенъ къ индѣйцамъ; кое-гдѣ уцѣлѣли преданія, приписывающія великія земляныя работы Огіо предкамъ краснаго человѣка. Эти преданія относятъ ихъ построеніе къ не очень отдаленнымъ вѣкамъ, когда эти предки были многочисленнѣе и пользовались лучшими условіями, чѣмъ въ историческія времена, но подвергались нападеніямъ со стороны поселенцевъ расположившихся въ земляхъ прилегающихъ къ Тихому Океану. Такимъ образомъ исторія «строителей насыпей» сливается съ исторіей американскаго первобытнаго населенія.

Умъ дикаря, съ его вѣрованіями въ духовъ, обитающихъ въ безжизненныхъ предметахъ, въ большіе камни, какъ въ родителей камешковъ, какъ бы поднимается въ высшую сферу, когда начинаетъ постигать, что люди, животныя и растенія живутъ общею жизнью; подъ влияніемъ этой мысли онъ создаетъ свои мифы — довольно реальныя по существу — о происхожденіи человѣка отъ деревьевъ и животныхъ, а не отъ камней. Отсюда легко было перейти къ обоготворенію растеній и животныхъ, если только это не совершилось одновременно съ появленіемъ новаго мифа. Такъ или иначе, вѣрованіе въ подобное происхо-

ждение встрѣчается всюду, а слѣдовательно, зачатки его надо искать въ понятіи первобытнаго человека. Это создало любопытные обычаи, какъ то: не ѣсть животнаго, или растенія, служащихъ

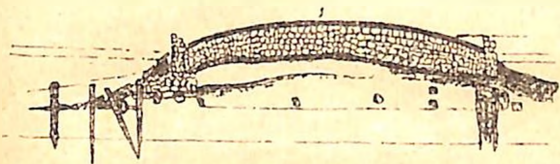

Рис. 71.—Ирландскій crannoge.

«тотемомъ» или «признакомъ клана» этого племени, не брать въ жены женщину своего племени, такъ какъ она носитъ одно имя съ мужчиною. Этотъ предметъ, весьма интересный самъ по себѣ, завелъ бы насъ слишкомъ далеко; мы касаемся его лишь

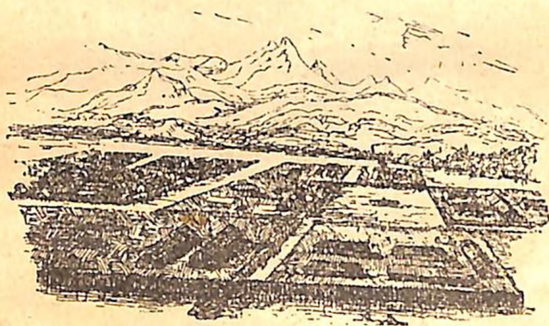
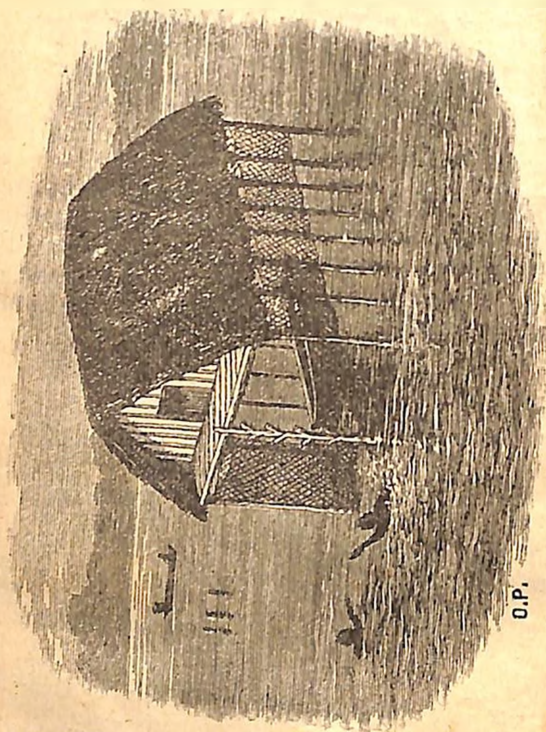

Рис. 72.—Идеальное изображеніе озернаго поселенія.

затѣмъ, чтобы по возможности уяснить значеніе земляныхъ насыпей въ формѣ фантастическихъ животныхъ. Ибо тотемизмъ уцѣлѣлъ въ самой первобытной формѣ среди двухъ расъ: чернокожихъ Австраліи и сѣверо-американскихъ индѣй-

цевъ. Самое слово произошло отъ альгонквинскаго «*dodaim*» или «*dodhaim*» = «знакъ клана». Человѣкъ всюду создаетъ изображенія своихъ боговъ такими, какъ онъ ихъ представляетъ себѣ;

О.Р.

Рис. 73.—Озерное жилище въ Африкѣ (Cameron).

«Великая Змѣя» и однородныя съ нею фигуры, можетъ быть даны краснокожаго тѣмъ созданіямъ, которыхъ давно обоготворила его испуганная фантазія.

III. Остатки, находимые въ озерныхъ постройкахъ.

Богатымъ источникомъ для изученія неолитическихъ временъ послужило открытiе остатковъ, находящихся въ связи съ оборонительными постройками, расположенными на естественныхъ или искусственныхъ островахъ, а въ особенности, открытiе построекъ на сваяхъ, вбитыхъ въ озерное

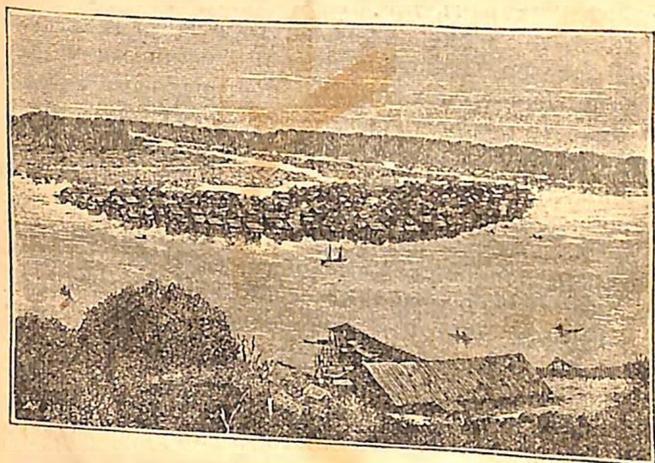

Рис. 75. — Городъ Бруней на Борнео, построенный на сваяхъ.

дно. Этотъ образъ жизни, избранный, очевидно, для предохраненiя отъ враговъ и дикихъ звѣрей, существуетъ и доселѣ; «свайныя постройки» обычное явленiе въ Центральной Африкѣ, Южной Америкѣ, Новой Гвинее, Борнео и другихъ мѣстностяхъ. Волшебная Венеция, «вѣчно купающаяся въ морскихъ волнахъ», основанная пятнадцать вѣ-

ковъ тому назадъ выходцами съ материка — вполне законченный образецъ этого рода. Исторія указываетъ на существованіе подобныхъ жилищъ въ Греціи и Малой Азіи; изображеніе одного изъ нихъ находится на барельефахъ Траяновой колоны; остатки свайныхъ построекъ были найдены въ Мурфильдъ близъ London Wall. Одинъ старинный писатель четырнадцатаго столѣтія, цитируемый д-ромъ Келлеромъ въ его классическомъ произведеніи о «Озерныхъ постройкахъ», говоритъ объ озерѣ Апамеанъ въ Малой Азіи, «вообще известномъ подъ именемъ озера христіанъ, такъ какъ оно заселено христіанскими рыбаками, живущими въ деревянныхъ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ». Но первое указаніе объ этихъ жилищахъ мы находимъ у Геродота, въ его описаніи рѣчной жизни древнихъ пеонійцевъ на озерѣ Празіасъ, современномъ озерѣ Такиросъ во Фракіи.

«Тѣ, которые жили на озерѣ Празіасъ, вовсе не были покорены Мегабазосомъ. Онъ, дѣйствительно, хотѣлъ подчинить себѣ обитателей озера, но не могъ привести въ исполненіе своего плана. Устройство жилья слѣдующее: скрѣпленная площадка, покоящаяся на высокихъ сваяхъ, находится посреди озера; съ берегомъ она соединена единственнымъ узкимъ мостомъ. Первоначально, безъ сомнѣнія, сваи вбивались соединенными силами всѣхъ членовъ общины, но и съ тѣхъ поръ они продолжаютъ вбивать ихъ, соблюдая тотъ же обычай, то-есть, каждый человѣкъ, вступающій въ бракъ, приноситъ съ горы, называемой Орбелосъ по три столба за каждую жену и вбиваетъ ихъ какъ сваи; а каждый мужчина беретъ по нѣскольکو женъ. Ихъ жилища устроены такъ, что каждый имѣетъ свою собственную хижину на площадкѣ, въ которой и живетъ, и потайную дверь, ведущую

съ площадки въ озеро; они привязываютъ своихъ маленькихъ дѣтей веревкою за ногу изъ страха, чтобы тѣ не скатились въ воду. Своихъ лошадей и вьючныхъ животныхъ они кормятъ рыбою. Рыбы у нихъ водятся такое множество, что если человекъ опуститъ черезъ потайную дверь пустую корзину на веревкѣ въ озеро, то, пождавъ весьма недолго, онъ вытащитъ ее полною рыбой». Геродотъ жилъ двѣ тысячи четыреста лѣтъ тому назадъ, но рыбаки и до сихъ поръ населяютъ деревянные хижины на озерѣ Празіасъ.

Хотя уже въ 1829 году, при углубленіи гавани Оберъ Мейленъ на Цюрихскомъ озерѣ были открыты искусственно вбитыя сваи и другіе остатки, но они мало возбуждали любопытства. Четверть вѣка спустя, безснѣжная зима заставила озеро и рѣки Швейцаріи значительно понизиться противъ ихъ обычнаго уровня. Жители Оберъ-Мейлена воспользовались этимъ, чтобы вернуть себѣ обожившіеся участки, возвышая ихъ уровень иломъ, выловленнымъ ими въ сосѣднихъ мелкихъ водахъ. Раскапывая глубоко вбитыхъ дубовыхъ, букныхъ, сосновыхъ и березовыхъ свай; рыбаки, съти которыхъ часто запутывались въ нихъ, принимали ихъ уже много лѣтъ за потопленный лѣсъ. Между сваями найдено большое количество первобытнаго орудія, какъ каменнаго, такъ и костяного, обломки грубой глиняной посуды (гончарнаго станка, изобрѣтеніе котораго принадлежитъ грекамъ — нѣтъ и въ поминѣ), обуглившася дерева и другихъ обожженныхъ предметовъ. Изслѣдованіе всего найденнаго убѣдило д-ра Келлера въ томъ, что сваи подпирала помость, на которомъ были построены хижины, и что все зданіе въ концѣ концовъ погибло отъ огня. Съ 1854 года стали про-

изводиться изъ изслѣдованія, которымъ это открытіе дало толчекъ, и продолжаются до сего времени. Ими былъ установленъ тотъ фактъ, что огромная часть населенія жили такою рѣчной жизнью въ Центральной Европѣ и на Британскихъ островахъ не только въ неолитическіи времена, но также въ продолженіе мѣднаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, а въ Швейцаріи вплоть до I вѣка по Р. X. Извѣстно, что въ Швейцаріи существо-

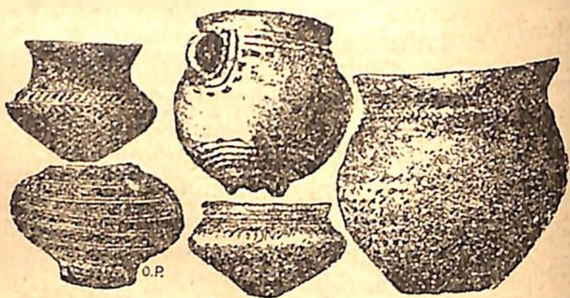

Рис. 75.—Горшки изъ Оверри.

вало болѣе двухсотъ такихъ поселеній, причемъ на долю Невшательскаго озера приходится четверть этого количества. А такъ какъ каждое поселеніе заключало въ себѣ среднимъ числомъ до трехсотъ хижинъ, то населеніе ихъ не было мало-численно. Выбравъ уютное и защищенное мѣстечко, поселенцы срубали деревья каменными топорами и заостряли ихъ на огонь: долгая и трудная работа, такъ какъ даже для маленькой деревушки требовалось отъ сорока до пятидесяти тысячъ деревьевъ. Ихъ вбивали въ дно озера, на разстояніи двухсотъ или трехсотъ футовъ отъ берега, до тѣхъ поръ, пока они все равно возвышались надъ водою, затѣмъ деревянными шпиль-

ками укрѣпляли на нихъ доски для образованія помоста. На немъ помѣщались квадратныя или продолговатыя хижины, каждая достаточно просторная, чтобы вмѣстить въ себѣ семью. Ихъ дѣлали изъ вѣтокъ, смазанныхъ глиною, а крыши крыли соломой. Между жилищами помѣщались загоны для скота, овецъ и свиней. Между деревней и берегомъ строился узкій переходъ, по которому сгоняли скотъ на пастбище, и который служилъ путемъ сообщенія съ твердою землею. Озерные жители ловили рыбу или прямо съ помоста, или въ своихъ челнокахъ, охотились, пахали землю и пасли скотъ.

Рис. 76.—Выдолбленный челнокъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаютъ остатки, принадлежащія къ различнымъ періодамъ, и это смѣшеніе каменной и металлической утвари осложняетъ всякую попытку систематизировать ихъ. Нѣтъ надобности, не обладая достаточными основаніями, приурочивать каждый рядъ предметовъ къ одному изъ трехъ вѣковъ—чему озерные жители служатъ однимъ изъ многочисленныхъ прилици мѣровъ; есть достаточно различій у многихъ группъ, чтобы отнести инья къ каменному вѣку (въ Биенскомъ и Невшательскомъ озерахъ), другія къ бронзовому и весьма немногія къ желѣзному. Свайныя постройки Восточной Швейцаріи болѣе ранняго, а постройки Западной и Центральной — болѣе поздняго происхожденія; ихъ численность все убывала по мѣрѣ движенія цивилизаціи, дѣлавшей

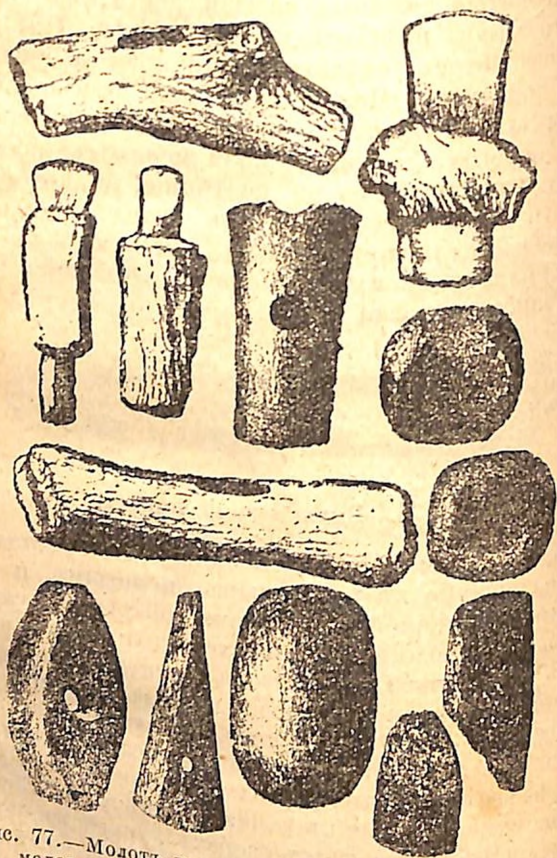

Рис. 77.—Молотъ изъ оленьяго рога, дельты, каменные молоты и пр. изъ свайной постройки, Мейленъ.

жизнь и собственность болѣе прочными и поощряв-
шей жителей переселиться съ воды на сушу. Со-
временный швейцарскій châlet, — вѣроятно, копія
озернаго жилища. Подъ землею вмѣстѣ съ облом-
ками хижинъ скопилось цѣлое богатство остат-
ковъ, которое, съ помощью нашего знанія совре-
меннаго рѣчного образа жизни, дало возможность
воспроизвести вполнѣ ясный очеркъ неолитиче-
скаго челоуѣка. Найденные остатки въ Робенхау-
зенѣ, покрывающіе три акра, указываютъ, что
«подстилка для коровъ состояла главнымъ обра-
зомъ изъ соломы и тростника, а для овецъ, сви-
ней и козъ изъ еловыхъ вѣтвей и хвороста». Кости
этихъ животныхъ и рыбы, пойманной въ
озерѣ, перемѣшаны съ костями звѣрей, состав-
ляющихъ добычу охотника. Дальнѣйшія доказа-
тельства прогресса у насъ подъ рукою: запасы
зеренъ, яблоковъ, грушъ, сѣмянъ и ягодъ; мука
съ мельницами или каменными жерновами для ея
размалыванья; плетеный ленъ и ткани сѣти;
глиняныя гири для ткацкихъ станковъ; обрывки
кожи и даже деревянныя колодки для обуви.

Тканье и плетенье — одни изъ самыхъ раннихъ
ремесль. Необходимость сохранять вещи по нѣ-
скольку вмѣстѣ, или инымъ способомъ дѣлать ихъ
болѣе прочными, привело къ связыванью, скрѣп-
ленію и шитью. Плетеная изъ вѣтвей хижина, съ
ея крышей изъ переплетеныхъ прутьевъ, кожа,
сшитая костяной иглой сухожильями, циновки,
плетенныя изъ вѣтвей или волоконъ — все это гру-
бое начало искусства, развитіе котораго мы мо-
жемъ прослѣдить шагъ за шагомъ. Ссучивая во-
локна или волосы, катая ихъ между ладонями
рукъ, люди положили начало самоприлкѣ и дви-
жущимся паромъ хлопчато-бумажнымъ шпулькамъ;
самое грубое плетение — основное начало тончай-

шаго полотна. Эти мотки льна, спряденнаго или сеученаго въ веревки, эти сѣти и ткацкіе ставки озерныхъ жилищъ говорятъ намъ объ осѣдлой жизни, въ которой «мужчина копалъ землю, а женщина прядла».

Здѣсь же мы впервые встрѣчаемся съ земледѣльцами и скотоводами. Количество отчасти или вполне прирученныхъ ими животныхъ показываетъ, что процессъ прирученія начался въками ранѣе ихъ появленія въ Центральной Европѣ; можетъ быть въ періоды времени, лежащіе между ними и грубыми предками, приручившими только собаку, общительный инстинктъ которой облегчилъ эту задачу. Процессъ отбора, обезпечившій успѣхи одомашненія, царилъ еще въ доисторическія времена. Описаніе Гальтономъ дѣйствія этого отбора на стадахъ современныхъ дикихъ племенъ даетъ намъ возможность представить себѣ кочевниковъ былыхъ временъ, медленно поработавшихъ дикаго быка, кабана и другихъ дикихъ животныхъ. Онъ говоритъ: «непобѣдимо дикіе члены каждаго стада спасались бѣгствомъ и пропадали навсегда; наиболѣе неукротимыхъ изъ оставшихся предназначали на убой, когда была нужда въ этомъ. Самыя прирученныя животные — тѣ, которыя рѣдко убѣгали, которыя заставляли стада держаться вмѣстѣ и приводили ихъ домой — жили долѣе другихъ. Поэтому они, главнымъ образомъ, и дѣлались основателями породы и передавали свои ручныя свойства будущему племени. Я неизмѣнно замѣчалъ этотъ процессъ отбора у дикихъ пастушескихъ племенъ Южной Африки. Я думаю, что это — одинъ изъ важнѣйшихъ по своей силѣ и правильности. Онъ долженъ былъ существовать съ самыхъ раннихъ временъ, и находился въ не- престанномъ дѣйствіи вплоть до нашихъ дней».

Хотя мы и говоримъ о человѣкѣ, сначала, какъ о охотникѣ, потомъ о пастухѣ и, наконецъ, земледѣльцѣ, но это только бѣглыми штрихами намѣчаетъ его переходъ отъ бродячей жизни къ осѣдой. Эти стадіи не являются общимъ правиломъ для всѣхъ; нѣкоторыя расы были земледѣльческими, — въ самомъ грубомъ значеніи, съ самаго основанія. Земледѣліе можно опредѣлить, какъ прирученіе растений; или выборъ дикихъ разновидностей, которыя человѣкъ признаетъ годными въ пищу, хотя въ противоположность животнымъ многимъ изъ нихъ приносятъ болѣе пользы въ дикомъ состояніи. Начало земледѣлія относится къ такимъ незапамятнымъ временамъ, что невозможно прослѣдить его первоначальное развитіе; но его можно наблюдать среди современныхъ дикихъ племенъ и, въ значительной степени, въ глухихъ мѣстностяхъ странъ цивилизованныхъ; тамъ древній способъ мало измѣнился и паровой плугъ еще не уничтожилъ крючковатаго сука. Возникаетъ въ высшей степени интересный вопросъ: изъ какихъ источниковъ получили свое начало разновидности нашей культуры? Говорятъ, по обыкновенію, что Востоку былъ мѣстомъ ихъ рожденія. Но если это и вѣрно для нѣкоторыхъ, то изслѣдованіе наслоеній Европы показало, что иныя родились на ея почвѣ. Связь между земледѣліемъ и религіею не нарушалась съ доисторическихъ временъ. Грантъ Алленъ въ остроумной статьѣ, напечатанной въ *Fortnightly Review* въ маѣ 1894 г. доказываетъ, что воздѣлываніе растений началось со случайнаго засѣванія на курганѣ покойника; первобытному человеку и въ голову бы не пришло сохранять сѣмена и закапывать ихъ въ землю, разчитывая на проростъ случайность, что они выростутъ и принесутъ однородныя съ ними сѣмена. Но наблюдая,

какъ это происходитъ на могилахъ, онъ заключилъ, что признательная душа, покоящаяся подъ нею, воздала ему такимъ образомъ сторицею за тѣ дары, что онъ ей приносилъ. Мало-по-малу, земля на курганахъ была расчищена и воздѣлана, но она непременно должна была заключать въ себѣ тѣло покойника или часть его, зарытая въ почву, какъ условіе ея плодородности. «При постепенно смягчающихся дикихъ нравахъ, человѣ-

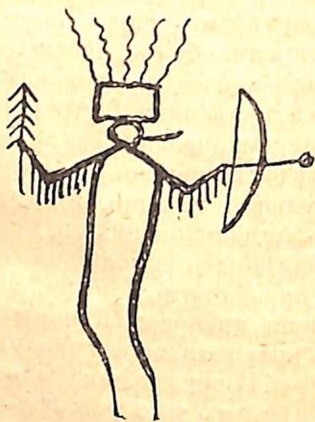

Рис. 78.—Богъ травы одживбеевъ (Америка).

ческая жертва часто замѣнялась животною; но надъ остатками животнаго, распределенными по полямъ, все еще совершалось мимическое или символическое погребеніе... по тогдашнимъ понятіямъ, урожай былъ даромъ обоготвореннаго предка, или человѣческой жертвы получившей божественное достоинство; эта мысль сохранилась въ распространенномъ обычаѣ приносить первые плоды въ даръ покойникамъ или богамъ, или живому

верховному владыкѣ, ихъ представителю и по-
томку». Эта теорія поясняется яркими примѣрами
обычаевъ, находящихся въ связи съ обожаніемъ
мертвецовъ. Но сѣмена проросли и въ другихъ
мѣстахъ, кромѣ могилъ; первобытному человѣку
не особенно много требовалось наблюдательности,
чтобы отмѣтить такое обыденное явленіе; что ка-
сается того, что онъ приписывалъ этотъ процессъ
духамъ, то, какъ было указано выше, по его миѣ-
нію, они населяли весь окружающій его міръ. Все
вокругъ него было волшебнымъ проявленіемъ жизни,
брала ли она свое начало въ зародышѣ, яйцѣ или
сѣмени; непрерывно слѣдовала смѣна рожденія,
роста и смерти. Среди вѣрваній дикихъ племенъ
мы находимъ обожаніе духа каждаго растенія; какъ:
«духа травы», «духа зернового хлѣба», «духа
манса», «духа табака» и на ряду съ ними почи-
танія бога-солнца и бога-дожда,—безъ которыхъ
эти растенія не могли бы жить; но главнѣйшимъ
божествомъ является мать-земля; поклоненіе ей—
центръ главныхъ обрядовъ каждаго народа. Та-
ковы Тоцитзинъ у мексиканцевъ, Деметра у гре-
въ майскомъ праздникѣ и другихъ однородныхъ
съ нимъ) у латинскихъ народовъ:—когда молитвы
возносились къ подательницѣ хлѣба и плодовъ,
къ «матери всего». Какъ бы показывая, что ни въ
существованіе духовъ не сохранилось такъ прочно,
какъ въ религіи, существовало въ старомъ Римѣ
повѣрье, что не можетъ быть изобильнаго уро-
жая, если земледѣльцы не призовутъ вмѣстѣ съ
Матерью-Землею, Церерею, «и духа распаханья
земли, духа препахиванья ее поперекъ, духа бо-
роздь, духа посѣва и прочихъ духовъ».

Коснувшись стадій человѣческой культуры отраженныхъ въ поселеніяхъ, ведущихъ начало отъ неолитическихъ временъ и простирающихся до христіанской эры, нельзя не отмѣтить интересный фактъ: въ древнѣйшихъ изъ нихъ кости оленя преобладаютъ надъ костями быка, козы надъ овцею, кабана надъ свиньею и лисицы надъ собакою. Въ Штейнбергѣ, который благодаря немногочисленнымъ желѣзнымъ предметамъ, найденнымъ тамъ, признанъ однимъ изъ позднѣйшихъ поселеній, найдено множество костей лошади, вообще очень рѣдкихъ въ разрядѣ древнѣйшихъ поселковъ. Очень любопытно отсутствіе остатковъ зайца въ развалинахъ; это показываетъ намъ, что предразсудокъ, воспрещавшій употреблять въ пищу его мясо, существовавшій по словамъ Цезаря въ Британіи, распространялся, вѣроятно, и на Центральную Европу, — предразсудокъ обязанный, можетъ быть, своимъ происхожденіемъ «тотемизму». Мы можемъ воспользоваться въ этомъ случаѣ авторитетомъ Эльтона. Въ своихъ «Началахъ исторіи Англии» онъ замѣчаетъ: «Намъ кажется основательнымъ связать законъ, предписывающій воздерживаться отъ нѣкотораго рода пищи, съ суевѣрнымъ понятіемъ, что племена произошли отъ животныхъ, отъ которыхъ получили также свое начало ихъ имена. Есть много ирландскихъ легендъ, которыя представляютъ основанными на примѣтѣ, что человекъ не долженъ есть животнаго, отъ названія котораго произошло имя его самого или его племени... Заяцъ и теперь еще является предметомъ отвращенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, равно какъ и въ Западной Бретани, гдѣ не такъ давно не могли слышать безъ отвращенія его имени. Въ древнихъ валлійскихъ законахъ встрѣчается много ссылокъ на волшебныя

свойства зайца; думали, что онъ иѣняетъ полъ
каждый мѣсяць или годъ, что онъ являетсѣ
спутникомъ вѣдьмъ, часто принимающихъ его
образъ».

VIII. Происхождение обитателей свайныхъ по-
строекъ. Мы совершили длинный путь отъ Тем-
зы черезъ долину Соммы, пещеры Девоншира и
Дордоньи и достигли береговъ швейцарскихъ
озеръ; не одни только встрѣчающіеся моря пре-
рывали нашъ путь, являлось много легендъ и преда-
нья. Пробѣлы, хотя и меньшіе, лежатъ между
заполненныхъ лишь одними легендами и преда-
ніями. Пробѣлы времени кухонныхъ остатковъ
исторіей человѣка свайныхъ построекъ: все они сводятся
и человѣка свайныхъ построекъ: все они сводятся
къ вопросу о преемственной связи народовъ до-
историческихъ временъ.

Остатки озерныхъ жилищъ указываютъ на раз-
личныя стадіи цивилизаціи въ одной и той же
мѣстности. Среди свай попадаются въ перемежку
каменные, бронзовые, а также желѣзные предметы,
показывая, что селенія, основанныя въ началѣ
неолитическихъ временъ, существовали, безъ ви-
димаго перерыва, до вѣковъ металла. Подобныя
же доказательства представляютъ намъ свайныя
постройки долины По, существовавшія до кон-
ца бронзоваго вѣка. Такъ поселокъ напротивъ
Пескьеры на Гардскомъ озерѣ, основанный въ
неолитическомъ вѣкѣ, былъ безсмысленно заселенъ
въ продолженіе мѣднаго и бронзоваго вѣковъ.
Остатки селенія на озерѣ Фринонъ, изъ которыхъ
древнѣйшій всецѣло неолитическій. Обитатели его
находились преимущественно въ охотничьей стадіи,
такъ какъ олени и кабаньи кости изобилуютъ, а
бычачья и овечьи попадаются рѣдко.

Тамъ нѣтъ остатковъ какихъ-либо хлѣбныхъ растений, но найдены большіе запасы орѣховъ вмѣстѣ съ желудями; нѣкоторые изъ нихъ прилипли къ внутренней сторонѣ горшечковъ, въ которыхъ ихъ жарили для ѣды. Повидимому, селеніе сгорѣло когда-то и потомъ было выстроено снова; новый слой остатковъ содержитъ многочисленныя куски кремня и единственный бронзовый топоръ. Хлѣбныя растения все еще отсутствуютъ, хотя попадаются желуди, орѣхи и ягоды терна. Но пастушеская стадія была вполнѣ достигнута лишь тогда, когда кости оленя и кабана стали встрѣчаться все рѣже и рѣже, а кости быка и овцы сдѣлались преобладающими.

Одно изъ двухъ: или озерныя жилища были заселены съ самаго основанія до своего разрушенія одною и тою же расою, постепенно переходившей отъ употребленія камня къ употребленію металла, пріобрѣтеннаго ею путемъ мѣны; или же ими овладѣла высшая раса, вооруженная бронзовымъ оружіемъ: раса, покорившая озерныхъ обитателей, прогнавшая ихъ въ лѣса, а, можетъ быть, истребившая ихъ (если только какая-нибудь раса въ Европѣ подвергалась истребленію) и занявшая ихъ селенія. Еще не такъ давно едва не каждый писатель объ этомъ предметѣ признавалъ послѣднюю гипотезу безспорно вѣрною. Рѣшительное все явилось вмѣстѣ съ мудрецами на Востокѣ: тамъ — начало человѣческаго рода, тамъ колыбель цивилизаціи. Древнія традиціи лежатъ въ основѣ этой долго неизмѣнной теоріи; ея подтвержденіе кажется несомнѣннымъ въ интересномъ открытіи тѣсной семейной связи между главными европейскими народностями и преобладающими племенами Индіи и Персіи. Анализъ словъ и корней, отпрысками которыхъ они служатъ, показалъ, что отъ

«арійскаго» или «индо-европейскаго» языка про-
изошли богатыя и мощныя нарѣчія, на которыхъ
написаны: Ведда, или священныя книги индусовъ;
Зендъ - Авеста или священныя книги парсовъ;
Иліада и Одиссея; Эдда; Божественная комедія
и драмы Шекспира. А также, что народъ, гово-
рившій на этомъ коренномъ языкѣ, жилъ гдѣ-
то на востокъ отъ Каспійскаго моря, стоялъ на
довольно высокой степени культуры, еще въ тотъ
періодъ, когда Европа была покрыта дѣвственнымъ
лѣсомъ, заселеннымъ людьми обитателями. Санскритскій
языкъ, на которомъ написаны Ведда, признанъ бли-
жайшимъ изъ всѣхъ къ коренному языку, и старѣй-
шимъ членомъ происшедшей отъ послѣдняго семьи
нарѣчій. Поэтому доказывалось, что первоначаль-
ною родиною арійцевъ (употребляя это выраже-
ніе не какъ названіе расы, но какъ обозначеніе
народа, говорившаго отсюда разошлись, одно за
Центральная Азія; другія, различныя племена: одни на югъ черезъ
другимъ, различныя племена: одни на югъ черезъ
проходъ Гинду-Куша въ Индію, нѣкоторыя въ Пер-
сію; другія, обогнувъ Каспійское море съ сѣвера, —
въ Россію и Центральную Европу, или, южнымъ
путемъ въ Грецію и Италію. Первыми пришель-
цами были кельты, вѣтисненныя съ теченіемъ
времени въ крайніе углы Европы предками гер-
манцевъ и славянъ; племена, обогнувшія море съ
юга были предками грековъ и римлянъ. Такимъ
образомъ стало ясно, что народы, столь различ-
ные нынѣ, какъ индусы и исландцы, греки и гер-
манцы, персы и англичане, русскіе и ирландцы —
потѣги коренной расы, выросшившей ихъ на го-
рахъ Азіи и уславшей ихъ прочь, одного за дру-
гимъ, когда не стало хватать мѣста, покорять и обя-
насаждать культуру. Поэтому-то арійцамъ и обя-

заны введеніемъ у нихъ высшей цивилизаціи озерные жители или иные, которые, согласно старымъ преданіямъ, не были истреблены. Все это звучитъ очень правоподобно, — даже заключаетъ въ себѣ капельку поэзіи, но это, какъ и большинство идиллій, въ значительной степени — продуктъ фантазіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается колыбели или первоначальной родины арійцевъ. Оно построено на ложномъ заключеніи, что тожество языка означаетъ тожество расы. Профессоръ Рисъ говоритъ: «черена прочіе созвучій» и въ то время какъ типичныя черты расы никогда не сглаживаются вполнѣ, ея языкъ также постояенъ, какъ морская волна. Различныя и многочисленныя причины вызываютъ эту перемѣну; завоеваніе расъ, или смѣшеніе съ расами высшей культуры нерѣдко изгоняетъ старое нарѣчіе и обязываетъ принять новый языкъ, хотя бы и высшей въ физическомъ отношеніи, но отставшей въ умственномъ развитіи расъ. Языки обличаютъ общественное соприкосновеніе, но не кровное родство. Евреи, оставаясь обособленной расою, приняли нарѣчія тѣхъ странъ, въ которыхъ они селились; обитатели Кориваллиса и бретонцы, въ широкомъ смыслѣ слова — одной крови, но ихъ нарѣчіе различно; и хотя французскій и итальянскій языки и указываютъ на ихъ происхождение отъ общаго языка, но изъ этого не слѣдуетъ, что французы и итальянцы — потомки общихъ предковъ. Но если даже принять языкъ за признакъ расы, доказательства, что санскритскій языкъ и Zendъ, какъ языкъ древнихъ азіатскихъ арійцевъ, всего тѣснѣе связаны съ первобытнымъ арійскимъ языкомъ, — не безспорно. По санскритски — языкъ индусскихъ книгъ — и на Zendъ, языкъ персидскихъ книгъ, — никто не говоритъ болѣе, тогда какъ на

исландскомъ и литовскомъ языкѣ не только говорятъ, но послѣдніе представляютъ намъ наилучшія данныя для возстановленія коренного арійскаго языка; тѣ, напримѣръ, которые говорятъ по литовски: «вѣроятно — прямые потомки тѣхъ, которые говорили на немъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ». Итакъ, одно только нарѣчіе служило основою теоріи о послѣдовательномъ переселеніи азіатскихъ народностей изъ теплыхъ странъ въ мерзлыя степи или на берега бурныхъ внутреннихъ морей, и о послѣдовавшемъ за нимъ вымираніемъ не арійскихъ европейцевъ. Однако мы видимъ, что большая часть народностей, говорящихъ по арійски живетъ въ Европѣ, а меньшая въ Азій. Отсюда нельзя сдѣлать вывода, что большая масса отпала — отъ меньшей, но не наоборотъ. «Европейскіе арійцы образуютъ тѣсно связанную кругообразную цѣпь изъ шести звеньевъ, посреди послѣднихъ есть перерывъ: одного звена не достаетъ. Отсутствующее звено обнаружено очень далеко — въ Азій. Тамъ мы находимъ индо-иранскія народности, которыя очень тѣсно связаны между собою, но ихъ главная родственная связь съ европейскими арійцами — со славянами съ одной стороны и съ греками съ другой. Они съ полной точностью возстанавливаютъ недостающее звено цѣпи».

Весьма вѣроятно, что расы, говорившія на коренномъ арійскомъ языкѣ, разсѣялись по Европѣ не въ очень отдаленный періодъ, когда Малая Азія соединялась съ Европой въ томъ мѣстѣ, гдѣ Босфоръ катитъ теперь свои волны. Воды Чернаго моря сливались и тогда съ Каспійскимъ и Аральскими морями и съ Байкальскимъ озеромъ, образуя одно обширное внутреннее море, избытокъ котораго изливался на сѣверъ черезъ

бассейнъ Оби въ Ледовитый Океанъ. Съ уничтоженіемъ перешейка между Европою и Малою Азіей воды Чернаго моря потекли черезъ тепершнія Дарданеллы въ Средиземное море; при болѣе тепломъ климатѣ и болѣе сухомъ воздухѣ, вызванными медленнымъ повышеніемъ Сибири, воды Каспійскаго и Аральскаго морей понизились подъ вліяніемъ болѣе быстрого испаренія; они приняли свои теперешніе размѣры, оставивъ обнаженными широкія солончаковыя пустыни, раскинувшіяся между ними. Черезъ эти огромныя равнины проходили къ востоку нѣкоторые изъ арійскихъ племенъ, предки индусовъ и персовъ.

Конечно, языкъ можетъ служить признакомъ расы у народа, которому не былъ навязанъ чуждый языкъ; и по скольку однѣ и тѣ же вещи называются одинаковыми именами среди народа, разсѣяннаго на обширномъ пространствѣ, постольку это служитъ доказательствомъ былого соприкосновенія и кровнаго родства. Служа намъ руководящею нитью къ тому, каковы были ихъ мысли и имущественная собственность, языкъ помогаетъ намъ опредѣлить степень культуры, достигнутую ими до раздѣленія. Гдѣ одинъ и тотъ же предметъ отдѣлившіяся вѣтви называютъ различными именами, тамъ мы дѣлаемъ выводъ, что каждая изъ нихъ ознакомилась съ данною вещью независимо, послѣ отдѣленія. Если какое-нибудь названіе встрѣчается въ одной вѣтви и отсутствуетъ въ другой, — мы приходимъ къ тому же заключенію. Нѣсколько примѣровъ укажутъ намъ значеніе этихъ соображеній на изученіе первобытной арійской цивилизаціи и на тѣ относительные періоды, когда соприкосновеніе различныхъ народностей дѣлалось все рѣже и рѣже, пока окончательно не прекратилось.

Букъ не растетъ къ востоку отъ линіи проведенной отъ юга Скандинавскаго полуострова черезъ Польшу къ Крыму и Кавказу. Его названіе одинаково въ кельтскомъ, тевтонскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, но было заимствовано славянами у тевтонцевъ и вовсе отсутствуетъ въ индійскомъ и персидскомъ нарѣчій. Это дерево неизвѣстно въ Средней Азій; отсюда слѣдуетъ, что восточная вѣтвь арійцевъ переселилась туда до того періода, въ который букъ началъ вытѣснять дубъ въ Даніи. А это было не ранѣе желѣзнаго вѣка.

Пастушескій народъ дѣлитъ годъ на двѣ части, одну, когда скотъ пасется подъ открытымъ небомъ, другую—когда его держатъ въ хлѣву. И среди арійскихъ нарѣчій мы находимъ общія названія для зимы и лѣта, причемъ первая определяется рѣзче. «Оба эти времени года, говорить Тацитъ въ своей «Германіи», имѣютъ значеніе, но какъ названіе, такъ и дары осени—одинаково неизвѣстны». Это указываетъ на отсутствіе времени уборки, а потому и ясно выраженная земледѣльческой стадіи, обозначенной въ германскомъ «herbst» или—«время жатвы». Сходныя названія для моря встрѣчаются только въ европейской группѣ, но названія для лодки и гребли тождественны, какъ въ этой, такъ и въ азіатской группѣ. Названіе для устрицы—общее въ европейской группѣ, но отсутствуетъ въ азіатской. Названіе для собаки, коровы, овцы и лошади (это животное употреблялось въ пищу, но, можетъ быть, еще не было приручено)—сходны, и обладаніе скотомъ среди нераздѣлившихся арійцевъ выразилось въ общемъ названіи, ведущемъ свое начало отъ корня, означающаго «ловля». Прирученныя животныя обозначались словомъ

«привязанные» въ отличіе отъ дикихъ. Стада были первымъ мѣриломъ цѣнности, какъ это доказываютъ слова: «ресупіагу» (лат. ресупіа, отъ ресус—скоть) и «fee» (англо-сакс. feoh, что значитъ одновременно «золото» и «скоть»); у римлянъ десять овецъ соответствовали одному быку. Когда въ вѣкъ металла, мѣдь, какъ мѣра цѣнности, замѣнила скоть, на ея полоскахъ стали чеканить изображеніе коровы, овцы и собаки. Повозка, запряженная быками, была однимъ изъ первыхъ изобрѣтеній, поэтому мы встрѣчаемъ общія названія для оси и колеса. Ихъ дѣлали изъ древеснаго ствола, срубленнаго поперекъ. Первобытныя лодки были древеснымъ стволомъ, на которомъ плавали, гребя руками; позднее сердцевины его стали вырубать каменными топорами и выжигать огнемъ. Общее индо-европейское названіе для «древеснаго ствола» и «лодки» одно и то же; и если идти дальше, и для «священнаго дерева» и «храма». Ибо лѣса и рощи—пріютъ первобытнаго человѣка—древнѣйшіе храмы во всѣхъ лѣсистыхъ странахъ. Гриммъ говоритъ: «То, что мы привыкли представлять себѣ построеннымъ домомъ съ огороженными переходами, то было, если мы вернемся къ древнимъ временамъ, священной землей, защищенной и окруженной дикорастущими деревьями». Движеніе—это жизнь, гдѣ есть жизнь, тамъ есть и духъ;—таковъ всеобщій взглядъ первобытныхъ людей на предметы. Деревья растутъ и цвѣтутъ, приносятъ плодъ; истекаютъ сокомъ и стонутъ, когда ихъ срубаютъ, вивутъ и наконецъ—умираютъ. Одинъ древній писатель говоритъ: «когда дубъ падаетъ, то раньше чѣмъ упасть, онъ испускаетъ какъ бы стонъ или пронзительный крикъ, словно то жалуется его духъ или геній». Отсюда

вѣрованіе, что деревья имѣютъ души, вѣрованіе, раздѣляемое даже древнѣйшими греческими филосогами, въ силу движеній и звуковъ, издаваемыхъ деревьями. Намъ легко прослѣдить тѣ ступени, путемъ которыхъ дерево стало считаться божествомъ. Затѣмъ духъ дерева поселили въ чело-вѣческомъ существѣ, жизнь и мощь котораго управляли всею растительностью: такъ что, если допустить его дожить до старости и дряхлости, то деревья и растенія сдѣлаются безплодными, а земля не принесетъ урожая. Поэтому его убивали, раньше, чѣмъ это случится, какъ это въ обычаѣ у туземцевъ Конго, которые, вѣря, что если ихъ верховный жрецъ умретъ естественною смертию, то міръ погибнетъ, заколачиваютъ его до смерти, или душатъ при первыхъ признакахъ опасной болѣзни, дабы его духъ могъ передаться болѣе юному и здоровому челоуѣку. Еще болѣе характернымъ являлся древній обычай въ роцѣ, по-священной Діамѣ, въ Неми близъ Рима; ея жрецъ могъ быть устраненъ отъ своей должности только одною насильственною смертию, такимъ образомъ, онъ долженъ былъ быть вѣчно на столбѣ изъ страха, чтобы его не убили. Существо-ваніе котораго зависѣло плодородіе почвы. Когда онъ становился дряхлымъ, то и земля дѣлалась безплодною. Поэтому, когда онъ уже не въ силахъ былъ отстаивать свой постъ отъ нападений, то его убивали и его сила и мощь духа-дерева, согласно вѣрованію, переходила въ его преемника. Какъ это ни кажется стран-нымъ, но это относится къ главной части обы-чаевъ, сопровождавшихъ и доселѣ сопровождаю-щихъ, обожаніе дерева-жизни. Въ принесеніи жертвъ, въ отправленіи праздниковъ и въ вѣро-

ваніи въ деревья, находящемся въ связи съ оракулами и гадаемъ. Индѣйцы вопрошаютъ своихъ колдуновъ о томъ, что хотятъ открыть имъ деревья; у израильтянъ были свои деревья «предвѣщателей» и «предсказывателей», и пророчица Дебора изрекала свои отвѣты подъ пальмою, выросшею, по преданію, надъ могилою кормилицы Рахили — однимъ изъ многочисленныхъ священныхъ деревьевъ. У грековъ шелестъ листьевъ священнаго дуба Зевса въ Додонѣ истолковывался, какъ голосъ самого бога. Въ неолитическія времена дубъ занималъ первое мѣсто въ обоготвореніи природы въ Европѣ; безъ сомнѣнія потому, что изъ него состояла большая часть густыхъ лѣсовъ, и что треніемъ пластинокъ дуба возжигался священный огонь. Ясень занималъ слѣдующее почетное мѣсто, за дубомъ. Но мы должны положить конецъ ссылкамъ на этотъ заманчивый вопросъ, который далѣе показываетъ намъ, что мы не можемъ коснуться одной стороны первобытнаго вѣрованія, не коснувшись всѣхъ другихъ его сторонъ.

Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ доказательства, почерпаемыхъ при изученіи нарѣчій. Тождество названій для «плуга» и «вѣтви» показываетъ, что первоначальное орудіе было крючковой вѣткою. На нѣкоторыхъ языкахъ плугъ называется животными именами, такъ, по санскритски названіе для «волчьего зуба» и «плуга» какъ бороздящаго орудія — одно и то же; на древнеирландскомъ нарѣчій, гдѣ «soc» означаетъ «сошникъ плуга» и «свиное рыло», названіе, присвоенное орудію, употребляемому для поднятія плотно переплетенной корнями лѣсистой почвы Европы. Названія для ячменя, пшеницы и льна сходны на всѣхъ арійскихъ нарѣчійхъ. Названіе верблю-

да и осла—заимствованные слова; то есть, они были заимствованы азиатскими арийцами у народовостей, говорящих на не-арийском нарѣчьи, и уже отъ первыхъ перешли въ Европу, такъ какъ оба животныхъ—уроженцы востока; прирученіе, какъ ихъ, такъ, надо полагать, и лошади, совершено кочевыми расами въ обширныхъ земляхъ Центральной Азии или въ пустыняхъ Аравіи. Названіе льва и тигра отсутствуютъ въ арийскихъ языкахъ; болѣе крупный пещерный левъ вымеръ задолго до начала неолитическихъ временъ, но рядъ существующихъ породъ включилъ юговосточную Европу въ предѣлы историческихъ временъ. Отсюда выводъ, что ни левъ, ни тигръ не были извѣстны первобытнымъ арийцамъ. Пользуясь тѣмъ матеріаломъ, случайнымъ образчикомъ котораго является вышесказанное, возможно нарисовать картину арийской или индо-европейской культуры. Какъ указано уже, долго признаваемая теорія о происхожденіи арийцевъ въ Азии, въ настоящее время замѣнена другою, относящею ихъ первоначальную родину въ какую-нибудь мѣстность между берегами Балтійскаго моря и Уральскими горами. Безъ сомнѣнія невѣроятно, чтобы люди датскихъ раковинныхъ насыпей были ихъ отдаленными предками, разсѣявшимися въ теченіе тысячелѣтій по Европѣ. Ихъ первоначальный бытъ—нищенски жалокъ, такъ же низокъ, какъ условія жизни хауци германскихъ болотъ, живо описанныя Плиніемъ: «Въ своихъ хижинахъ на отмеляхъ они кажутся моряками на палубѣ корабля во время прилива, а при отливѣ—людьми потерпѣвшими крушеніе, они ловятъ рыбу вокругъ своихъ хижинъ, стараюсь избѣгнуть волны. У нихъ нѣтъ скота, они не могутъ жить, питаются молокомъ, какъ ихъ сосѣди, они даже не могутъ

воевать съ дикими звѣрями, такъ какъ каждая палка уносится моремъ. Они плетутъ рыбацкія сѣти изъ тростника и водорослей; собираютъ горстями тину, сушатъ ее на вѣтру, у нихъ мало солнца—и разводятъ изъ нея огонь; на немъ они пекутъ себѣ пищу, а также отогрѣваютъ свои тѣла, окоченѣвшія отъ сѣвернаго холода». Отъ этого-то грубаго закаленнаго народа и произошли нѣкоторые изъ основателей англійской народности.

Люди кухонныхъ остатковъ создали первый типъ домашняго животнаго, приручивъ собаку, а затѣмъ постепенно покоряли животныхъ, бродившихъ въ лѣсу, надѣли ярмо на быка и заставили его тащить повозку, прорубивъ себѣ путь въ лѣсу своими грубо сбитыми топорами. Въ дремучихъ лѣсахъ появились просѣки, деревянный плугъ взбороздилъ землю, въ которой посѣяли сѣмена, такъ родилась осѣдлая жизнь, которая среди неолитическихъ народовъ достигла своего высшаго развитія въ озерныхъ жилищахъ. Тамъ «привязанныя» животныя явились главнымъ источникомъ, снабжающимъ одеждою, пищею и молокомъ. Больше крѣпкимъ напиткомъ служилъ медъ, приготовлявшійся изъ дикаго меду, до сихъ поръ употребляемый въ глухихъ деревняхъ. Въ Сѣверной Европѣ его замѣняло пиво; его названіе удержалось въ нашемъ словѣ ale» (древне-германское alu—медь). Интересно и любопытно прочесть описаніе британскаго пива у Питеаса, этого «Гумбольта древности»; онъ замѣчаетъ, что греческіе доктора предостерегали своихъ больныхъ отъ употребленія его, говоря, что оно «производитъ боль въ головѣ и дурно вліяетъ на нервы».

Пастушеская жизнь, съ ея заботой о стадахъ и табунахъ, доставлявшихъ запасы пищи и одежды, была гораздо менѣе трудовою, чѣмъ воздѣ-

лываніе почвы, съ его переменнымъ успѣхомъ и разочарованіями. Только увеличившаяся густота населенія и вызванный ею недостатокъ въ пастбищахъ, не могущихъ питать болѣе определеннаго количества, принудили заняться земледѣліемъ. Человѣкъ по своей натурѣ и привычкамъ — бродячее животное. Такъ, сравнительно недавно во времена Фукидида (въ V вѣкѣ до Р. X.) греки описываются руководимыми кочевымъ инстинктомъ; Страбонъ, писавшій четырьмя вѣками позднѣе, такъ говоритъ о германцахъ: они заботятся только о потребностяхъ текущаго дня, «живутъ въ повозкахъ и перегоняютъ свой скотъ, куда хотятъ». Общественныя отношенія, конечно, развились болѣе по достиженію осѣдлой стадіи; но, ранѣе чѣмъ совершилось какое-либо значительное развѣтвленіе арійцевъ, уже были признаны различныя степени родства, какъ по крови, такъ и по браку. Семья—единица общества, не только когда узы между родителями шатки и кратковременны, такъ что потомство относится къ материнской сторонѣ, но и когда тотемизмъ, недостатокъ въ женщинахъ, ведущій къ насильственному овладѣванію ими, руководитъ выборомъ женъ. Среди арійцевъ жены сначала добывались похищеніемъ, потомъ куплей. Супругъ и отецъ пользовались высшею властью въ домѣ; по его волѣ убивались бесполезные старики; отъ него зависѣло рѣшеніе: будутъ ли растить новорожденнаго малютку, или его «бросить на погибель», обычно уцѣлѣвшій среди нормановъ, галловъ, грековъ и римлянъ. Онъ еще преобладаетъ и донныи, особенно убійства малютокъ женскаго пола, среди полу-дикихъ народовъ, какъ китайцы, и среди дикарей. Жена была собственностью мужа и обычай — основанный на предполагаемыхъ

потребностяхъ мертвецовъ, о которомъ мы уже говорили выше — приговаривалъ ее къ самоубійству на его могилѣ; первымъ же вызвано убійство рабовъ, которыхъ, какъ плѣнниковъ войны, — этой великой создательницы народностей, — дѣлили между побѣдителями.

Соединеніе семей въ „роды“ или группы „кровныхъ братьевъ“ должно было получить начало въ очень ранній періодъ. Въ основѣ этихъ градацій никогда не лежало всецѣло эгоистическое правило „каждый за себя — и чортъ побери остальныхъ“. У пещерныхъ людей интересы семьи создавали единство, и подчиняли ея благополучіе благополучію цѣлаго рода. Рода соединялись въ племена, подчиненные „царю“ или „правителю“, который велъ ихъ на войну и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы законъ, основанный на обычаяхъ, — первоначально оба означались однимъ словомъ — надлежащимъ образомъ соблюдался. Мѣстомъ соборища служилъ естественный или искусственный холмъ, подъ которымъ, быть можетъ, лежалъ покойникъ; гдѣ былъ воздвигнутъ жертвенникъ, а надъ всѣмъ возвышался грубо построенный храмъ. Тѣсная связь соединяла законъ и религію съ древнихъ временъ. Моисей говоритъ, что представители правосудія собирались на горѣ Альба, куда стекались латиняне для религіозныхъ празднествъ; въ *Brehon Laws* (древній сводъ законовъ Ирландіи) смертный приговоръ изрекался умышленному нарушителю „какого-либо законно составленнаго собранія“. Работы по расчисткѣ земли, дабы приготовить ее къ воздѣлыванію, распредѣлялись между „сельскою общиною“ и рабами, ея помощниками; отсюда видно, что въ началѣ земля была общественнымъ достояніемъ; основаніе частныхъ правъ на ве-

движимую собственность возникло поздне. Увеличить размеры этого очерка, значило бы сделать бессильную попытку уместить на немногих страницах историю цивилизации оседлых народов. Ибо, хотя Индо-Европейцы являются лишь отдельным народом среди других цивилизованных народов и, в действительности, очень многим обязаны послѣднимъ, но ихъ история есть история народностей, всего сильнѣе вліявшихъ, или вѣриѣ, потомки которыхъ сильнѣе всѣхъ вліяютъ на судьбы человѣческаго рода. Этимъ фактомъ обуславливается преимущество, отданное имъ въ этой книжкѣ и тотъ высокій интересъ, который они возбуждаютъ, какъ невозможно-поздній звенья непрерывной цѣпи племенъ, населявшихъ Европу.

Краткость перѣдко вводитъ въ заблужденіе; поэтому мы должны оговориться: изъ предшествующаго перечня характерныхъ чертъ арійской цивилизации не слѣдуетъ, чтобы ея стадіи были одинаковы у различныхъ народовъ. Причины, задерживавшія или ускорявшія прогрессъ — очень тонки и сложны; онѣ лежатъ слишкомъ далеко и потому не поддаются анализу; сравнивая цивилизаціи кельтовъ и тевтоновъ, съ одной стороны, и грековъ и римлянъ, съ другой — мы легко можемъ замѣтить, насколько южные народы опередили въ этомъ отношеніи сѣверные.

Эти послѣдніе, какъ мы узнаемъ изъ повѣствованій классическихъ писателей и изъ извѣстнаго хода событій въ сѣверо-западной Европѣ, пребывали въ полудикомъ состояніи греками при столѣтіи послѣ пораженія персовъ греками при Ксеркесѣ, при Саламинѣ и основаніи римлянами могущественнаго государства на Палатинскомъ холмѣ. Поэтому, съ незапамятныхъ временъ, когда недо-

статокъ мѣста разсѣялъ различныя вѣтви по лицу земли, предки средиземныхъ племенъ выселились изъ сѣверныхъ областей, описанныхъ въ Одиссеѣ, среди другихъ воспоминаній о варварскомъ прошломъ, какъ страна химерійцевъ: „она окутана мглою и облаками; никогда сіяющее солнце не шлетъ ей своихъ лучей, ни восходи по звѣздному небу, ни спускаясь съ небеснаго свода; одна лишь глухая ночь царитъ надъ несчастными смертными“. И однако греки были перодовыми людьми сравнительно со своими восточными сосѣдями. Когда же въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. Солонъ, ихъ великій государственный умъ, посѣтилъ Египетъ, то жрецы Саиса сказали ему: „Вы, греки, — еще дѣти“. Ибо долины Нила и Евфрата были средоточіемъ цивилизаціи, достигшей тамъ своего зенита задолго до того, какъ ея заря взошла на Западѣ. На обширныхъ, засѣянныхъ хлѣбными растеніями равнинахъ Азіи кишѣло населеніе, среди котораго, подъ деспотическою властью царей, процвѣтали искусства и науки, земледѣліе и употребленіе металловъ. Тамъ же возникли великія религіи, вѣроученія и обряды которыхъ сдѣлались достояніемъ позднѣйшихъ вѣрованій стараго міра. Эта цивилизація не появилась внезапно, въ полномъ всеоружіи, какъ Аѳина Паллада изъ головы Зевса, но развилась постепенно изъ болѣе древней культуры, вѣроятно, монгольской. Что касается послѣдней расы, то здѣсь многое темно и загадочно; однако возможно представить себѣ цивилизацію, распространившуюся отъ Малой Азіи до Китая, а оттуда пропикшею черезъ Малакку на архипелаги Тихаго океана.

Можно не колеблясь сказать, что цивилизація ближайшихъ къ Европѣ странъ была въ цвѣту-

шемъ состояніи, по крайней мѣрѣ, за 2000—2500 лѣтъ до Р. Х. ясно, что финикіянѣ, эти великіе купцы древняго міра, расположившіе свои поселенія по берегамъ Средиземнаго моря, насаждали культуру Востока среди жителей этихъ береговыхъ странъ. Безъ сомнѣнія, были и другіе пути, способствовавшіе обмѣну мыслей между египтянами, греками и другими народами; нокакую бы плодотворную идею ни воспринимала Греція, эта посредница и основательница образованнаго міра, она перерабатывала ее и придавала ей вполне самобытный характеръ. Какъ гласитъ индусская пословица: „всякая спица будетъ когда-нибудь наверху колеса“; и потому, когда солнце угасало надъ обширной, мечтательной, мистической Азіей, слѣды былого величія которой встрѣчаются только въ ея курганахъ, то оно засіяло надъ дѣятельнымъ практичнымъ западомъ.

Происхожденіе человѣка въ Америкѣ — неразрѣшимая задача; однако, многое можно сказать въ защиту теоріи, доказывающей, что онъ проникъ въ нее какъ Беринговымъ проливомъ, такъ и пробираясь вдоль береговъ Индо-Малакки и Восточной Азіи. Индѣйцы до сихъ поръ проплываютъ сотни миль въ своихъ хрупкихъ челнокахъ; а на что способенъ этотъ народъ, то можетъ служить мѣриломъ силъ дикаря и въ прошломъ.

Подобное переселеніе съ береговъ Индѣйскаго океана—если только оно происходило въ дѣйствительности, должно быть отнесено къ той эпохѣ, когда палеолитическій человѣкъ населялъ Европу, а въ Азіи царилъ каменный вѣкъ. Въ числѣ многихъ другихъ причинъ, укажемъ слѣдующую: требовался достаточный промежутокъ времени для образованія девяностидесяти парчій, на которыхъ говорятъ индѣйцы Сѣверной и Южной Америкѣ.

Что касается Африки, то за исключеніемъ Египта (который какъ бы вовсе не принадлежитъ ей) и сѣвернаго морского берега, ея племена, отдѣленные отъ всего міра пустынными равнинами, развивались очень медленно и остались на очень низкомъ уровнѣ культуры.

ГЛАВА V.

Вѣкъ металловъ.

Послѣ огня, двумя главными двигателями въ дѣлѣ человѣческаго прогресса были — открытіе металловъ и силы пара. Что касается послѣдняго изъ этихъ открытій, то замѣтимъ мимоходомъ, что съ доисторическихъ временъ и до открытія пара въ первобытныхъ средствахъ не было сдѣлано никакихъ замѣтныхъ улучшеній.

Появленіе металловъ произвело величайшій переворотъ, какой когда-либо видѣлъ или увидитъ міръ. Не удивительно, что относительно этихъ сокровищъ земли, встрѣчавшихся въ блестящемъ пескѣ или расплавленныхъ въ глухихъ нѣдрахъ горъ, выросло множество мифовъ и легендъ, приписывавшихъ ихъ богамъ; мифы эти рассказывали о чудесныхъ кузнецахъ, какъ Тубаль-Каинъ, Гефестъ или Вулканъ, Ильмариненъ, и Виландъ или Вайландъ; они населили подземный міръ искусными волшебниками, гномами и хранителями, сторожившими скрытыя богатства. Думаютъ, что обычай платить десятицу съ добытыхъ минераловъ происходитъ отъ вѣрованія, что руда — живой организмъ. Прежнее духовенство или поддерживало заблужденіе, или раздѣляло его, такъ какъ десятины выплачивались только изъ ежегодно во-

зобновлявшихся произведений земли, а сюда можно причислить и руды въ жилахъ горъ.

Въ финскомъ мнѣіи говорится, что желѣзо произошло изъ ростковъ; это, вѣроятно, выводится изъ наблюденія, что губчатая руда желѣзника принимаетъ древовидную форму. «Разъ отнеся его мысленно къ растительному царству, надо было поливать его и воздѣлывать, какъ и всякое другое растеніе. Это дало поводъ къ возникновенію разсказа о томъ, какъ дочери природы случайно пролили молоко на болото».

Въ тотъ періодъ, когда неолитическіе люди вбивали сваи въ озерахъ Швейцаріи, Италіи, и Оракіи, Европа была покрыта дремучими лѣсами. Дубъ и сосна доходили на югъ до Греціи, виноградная лоза давно процвѣтала въ Южной Европѣ, но оливковое дерево еще не было вывезено изъ его родины Сиріи. Лишь вооружась твердымъ, заостреннымъ топоромъ изъ бронзы или желѣза, человекъ сталъ быстро расчищать лѣса и прорубать себѣ путь къ цивилизаціи, которой никогда не достигъ бы ему съ каменнымъ орудіемъ въ рукахъ.

Существуютъ различныя мнѣнія по поводу того, что было раньше открыто, золото или мѣдь. Рѣчное золото привлекало вниманіе и, можетъ быть, стало извѣстно первобытнымъ арійцамъ, но чаще встрѣчающееся обиліе жилъ мѣдной руды въ тѣхъ областяхъ, гдѣ попадаются слѣды первыхъ поселеній, даетъ основаніе думать, что мѣдь была извѣстна раньше золота. Употребленіе ея въ необработанномъ видѣ повсемѣстно предшествовало употребленію ея въ сплавъ, въ видѣ бронзы. Хотя она и встрѣчается, вообще говоря, въ малыхъ количествахъ, но огромныя массы ея добывались въ Россіи, и на берегахъ

Верхняго Озера, гдѣ не разъ попадались слитки, вѣсившіе нѣсколько сотъ тоннъ. Какъ уже сказано, Сѣверная Америка является лучшею представительною мѣднаго вѣка; люди, создавшие ея насыпи, откалывали требуемые куски металла, били ихъ молотками, не прибѣгая къ нагрѣванію на огнѣ, до полученія требуемой формы, бывшей подражаніемъ каменнымъ орудіямъ и оружію, употребляемымъ наравнѣ съ металлическими. «Привыкнувъ къ употребленію камня, они смотрѣли первоначально на металлъ, какъ на исключительно твердую каменную породу; пытаюсь расщепить его или обдѣлать въ желаемую форму, они сразу открыли, что онъ разогрѣвается вмѣсто того, чтобы разбиваться; отсюда они заключили, что это ковкій камень. Этимъ гибкимъ матеріаломъ научился пользоваться сѣвероамериканскій дикарь; онъ сталъ изготовлять наконечники копій съ трубками, приспособленными для надѣванія ихъ на древко; онъ просто билъ молоткомъ по одному концу до тѣхъ поръ пока не расплащевалъ его; послѣ этого онъ свергивалъ его и дѣлалъ трубку, какъ это часто дѣлается при изготовленіи желѣзнаго орудія». Любопытно, что онъ не плавилъ металлъ, хотя огня, пылавшаго на жертвенникѣ, было бы достаточно, чтобы расплавить положенныя на него орудія и украшенія; такъ что о «строителяхъ насыпей» можно сказать, что «они въ нѣкоторомъ смыслѣ жили въ каменномъ вѣкѣ, разъ пользовались мѣдью, не какъ металломъ, но какъ камнемъ».

Возвратимся въ Старый Свѣтъ. Мѣдные цельты простѣйшей формы были найдены въ Центральной Индіи, Швейцаріи, Венгріи, и, какъ и слѣдовало ожидать, на Кипрѣ, давшемъ свое имя этому металлу. Одинъ экземпляръ, найденный въ

этрусской могилѣ, находящейся теперь въ берлинскомъ музеѣ, имѣеть форму обыкновеннаго каменнаго цельта, будучи изваянъ, вѣроятно, по образцу еще болѣе первобытнаго орудія. Что новое родится изъ стараго, видно изъ случая съ однимъ археологомъ, нашедшимъ прекрасный бронзовый цельтъ: въ восторгъ бросился онъ показать свою находку собрату антикварію. «Да, сказалъ его товарищъ, взглянувъ на нее, это хорошій и древній экземпляръ; но у меня есть нѣчто болѣе древнее: форма, въ которой онъ былъ отлитъ», и доставъ свою находку, онъ вложилъ ихъ одно въ другое.

Но употребленіе мѣди въ первоначальномъ видѣ длилось недолго. Ея дѣйствительная польза обнаружилась лишь послѣ того, какъ открыли, что смѣсь ея съ извѣстною долею олова (или въ некоторыхъ случаяхъ съ цинкомъ, свинцомъ, или рѣже съ золотомъ) даетъ твердый и гибкій металлъ. Гдѣ и когда сдѣлано это простое, но важное открытіе — неизвѣстно. Согласно очень распространенному предположенію, бронза была занесена финикійскими купцами съ береговъ Средиземнаго моря около 1500 л. до Р. Х. Но если это даже и такъ, то это все же не выясняетъ намъ откуда Финикія добывала свои запасы мѣди. Весьма возможно, что бронза проникла въ Европу болѣе сѣвернымъ, или сѣверо-восточнымъ путемъ, такъ какъ изобиліе мѣди, добытой изъ Уральскихъ и Алтайскихъ горъ, было найдено въ курганахъ или могильныхъ насыпяхъ полулегендарной «Чуди», разбросанныхъ по равнинамъ Сѣверной Азии. Что касается олова, то весь почти сходится на томъ, что Касситериды — оловянные острова (греч. Kassiteros — олово), отождествляемые съ Корвалдисомъ и островами Силли, были пер-

воначальнымъ и обильнымъ источникомъ его запасовъ для финикянъ. При чисткѣ гавани въ Фальмутѣ найденъ интересный слитокъ олова въ формѣ большого Н. Его форма показываетъ, что онъ прикрѣплялся къ килю лодки или висѣлъ на боку у лошади; два такихъ слитка образовывали кладь для вьючной лошади. По нѣкоторымъ указаніямъ древнихъ географовъ можно предположить, что олово перевозилось изъ Корнваллиса на островъ Танетъ, составлявшій тогда часть материка, а оттуда уже кратчайшимъ путемъ направлялся въ Галлію. «Это, какъ замѣчаетъ профессоръ Рисъ, уяснило бы намъ странное указаніе Цезаря, что британское олово доставлялось изъ внутреннихъ частей материка».

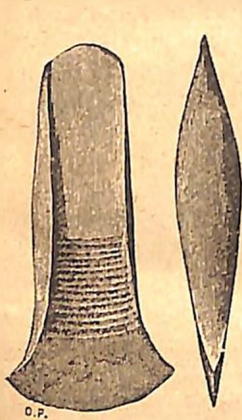
Было усвоено три способа изготовленія бронзовыхъ орудій. Первоначальный состоялъ въ томъ, что расплавленный металлъ наливали въ форму, высѣченную изъ камня, или добытую оттискомъ каменнаго цѣльца въ землѣ или глинѣ. Второй, болѣе усовершенствованный, состоялъ изъ двойной формовки изъ вышеназваннаго или болѣе твердаго матеріала; слѣдующею переходной степенью была еще болѣе прочная форма; модель орудія изготовлялась изъ воска, дерева или иного горючаго матерьяла, и заключалась въ какое-нибудь пористое не горючее вещество. Подвергнутая дѣйствію огня, модель сгорала, а въ образовавшуюся пустоту вливался расплавленный металлъ, воспроизводившій рисунокъ. Мы напомнимъ лицамъ, которымъ удалось посѣтить Помпею, что, наливъ жидкій гипсъ въ пустоты, занимаемыя скелетами жертвъ изверженія и давъ ему затвердѣть, получили прекрасныя отпечатки тѣлъ въ тѣхъ одеждахъ, въ которыхъ они были засыпаны пепломъ. Литейщики бронзы украшали свои издѣ-

лія кругами, спиралями и зигзагами болѣе или менѣе однообразнаго рисунка, такъ какъ фигуры растеній и животныхъ имѣ рѣдко удавались. Но ловкость и симметричность, обнаруживаемыя изготовляемыми металлическими издѣліями, говорятъ о значительно подвинувшемся искусствѣ. Хрупкія формы изъ обожженной глины попадаются рѣдко, но всетаки иногда встрѣчаются болѣе или менѣе совершенные отдѣльные экземпляры ихъ.

Сѣкира или топоръ, извѣстный подъ именемъ цельта, —наиболѣе распространенный типъ, употреблявшійся и какъ орудіе, и какъ оружіе. Иные плоскіе или простые; иные съ ребрами, или закраинами, иные съ крыльями, или съ ребрами, переходящими въ трубку для рукояти; другіе съ рукоятками, —каждый видъ имѣеть различныя подраздѣленія. Плоскіе цельты—болѣе раннего происхожденія; они, какъ уже было замѣчено, близко подходят по характеру къ каменной сѣкирѣ; какъ этотъ, такъ и болѣе усовершенствованные виды сбивали съ толку археологовъ старой школы, совершенно такъ же, какъ каменные цельты и наконечники стрѣлъ повергали въ изумленіе древнихъ и современныхъ людей.

Разсказывая объ открытіяхъ близъ горы св. Михаила, Камденъ, жившій въ шестнадцатомъ столѣтіи, говоритъ: «У основанія этой горы, на памяти нашихъ отцовъ, люди, выкапывая олово, нашли наконечники копій, сѣкиры и мечи изъ мѣди, обвернутые въ куски льняной матеріи, точно такіе же, какіе иногда находили въ лѣсахъ Герцініи въ Германіи и, не такъ давно, въ нашемъ Валлсѣ. Доказано древними писателями, что греки, кимвры и бритты употребляли бронзовое оружіе, хотя раны, наносимыя бронзой, менѣе опасны, въ виду того, что этотъ металлъ обладаетъ

цѣлительнымъ войствомъ, по словамъ Макробіуса, заимствовавшаго это у Аристотеля. По счастью, тотъ вѣкъ не былъ такъ искусенъ въ выборѣ вредоносныхъ и смертельныхъ средствъ, какъ нынѣшній». Другіе предполагали, что это были рѣзцы, чтобы высѣкать камни для римскихъ дорогъ; или остатки наконечниковъ для *lituus* или изогнутыхъ жезловъ римскихъ авгуровъ; или инструменты для вырѣзыванія буквъ и надписей, или серпы, кото-

с.р.

Рис. 79.—Рѣзецъ съ выемкой.

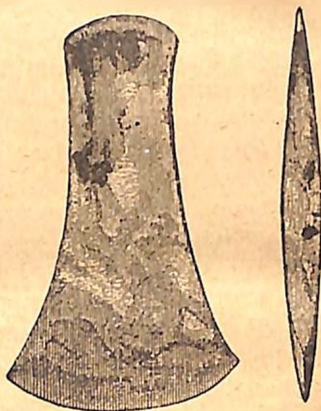

Рис. 80.—Плоскій рѣзецъ или цѣльтъ.

рыми друиды подрѣзали священную омелу. Ссылки на фантастическія предположенія, образчиками которыхъ служатъ данные примѣры, полезны только въ томъ отношеніи, что указываютъ намъ, какъ далеко ушли мы теперь отъ такихъ взглядовъ. Съ какой строго отличной точки зрѣнія мы смотримъ теперь на прошлое! Старая школа изучала его въ тѣсныхъ рамкахъ «священной и свѣтской исторіи», какъ она странно называлась, и все возбуждающее интересъ, все необычное,

уяснила себя, не выходя изъ означенныхъ предѣловъ. Но эти разграничивающія черты теперь стерлись; древность и медленное возвышеніе чело-вѣка требуютъ простора, шири, сливающейся съ горизонтомъ, за предѣлами котораго лежитъ начало человѣческаго рода.

Сравненіе различныхъ типовъ орудія, оружія и украшеній въ странахъ, употреблявшихъ бронзу, не дополнило бы нашъ краткій обзоръ переход-

наго періода отъ камня къ металламъ. Новый періодъ, вложивъ новый матеріалъ въ руку ремесленника, развилъ его сметку, придавъ его способностямъ большую артистическую законченность, заставляющую предполагать больше досуга для работы и большую утонченность въ рабочемъ. Типы измѣнились въ различныхъ странахъ; британскіе, напримѣръ, обличаютъ извѣстную долю самобытности, но его разновидности могутъ заинтересовать только спеціалиста.

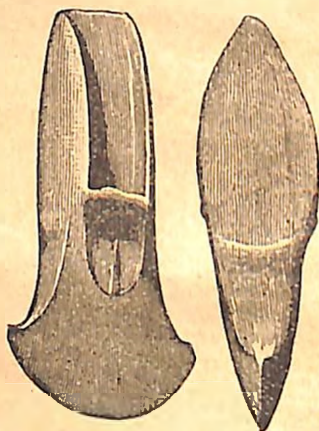

Рис. 81.—Крыльчатый рѣзецъ (Кембриджъ).

Перечень предметовъ, встрѣчающихся въ монографіяхъ по этому предмету, отличается разнообразіемъ; кромѣ трехърядовъ цельтовъ—плоскихъ, снабженныхъ ребрами и трубками, онъ вмѣщаетъ въ себя шилья, круглыя долота, клещи, ножи, серпы, мечи, кинжалы, алебарды, наконечники коній, пуговицы, кольца, серьги, браслеты, булавки и т. д.

Нѣкоторые изъ серповъ—орудіе рѣдко, встречающееся въ Британіи, можетъ быть, благодаря малоразвитому тамъ воздѣлыванію зернового хлѣба—снабжены тщательно сдѣланными рукоятками; рукоятки мечей выложены слоновой костью и янтаремъ, а на щитахъ—выпуклыми украшеніями смѣлаго и богатаго рисунка. Значеніе остатковъ, находимыхъ въ швейцарскихъ озерныхъ жилищахъ, какъ данныхъ для изученія періода употребленія металловъ, очень велико. Число деревень, относимыхъ къ бронзовому вѣку, все убываетъ по мѣрѣ того, какъ желѣзо вытѣсняетъ этотъ металлъ. Онѣ расположены, главнымъ образомъ, въ Средней и Западной Швейцаріи; по своему общему характеру онѣ мало отличаются отъ селеній каменнаго вѣка, развѣ только тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ расположены дальше отъ берега; это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что строиться стало легче, а отчасти и тѣмъ, что, съ повсемѣстнымъ усовершенствованіемъ оружія, населеніе сильнѣе страдало отъ нападеній.

Рис. 82.—Ръзецъ съ отверстіемъ для ручки.

Богато украшенные браслеты, попадавшіеся среди другихъ предметовъ на днѣ озеръ, навели на мысль, что они были брошены въ воду, въ качествѣ приношеній духамъ, населявшимъ, согласно вѣрованію дикарей, рѣки, озера и океаны. У насъ нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія религіи

озерныхъ жителей, но есть много оснований пред-
полагать, что они чтили природу (этотъ родъ ре-
лигии уже былъ описанъ нами), а потому покло-
нялись водѣ, какъ мѣсту обитанія и злокознен-
ныхъ, и благодѣтельныхъ боговъ. Если люди на-
селяли духами безжизненные, угрюмые камни, то
какъ же имъ было не вѣрить въ то, что они жили
въ водѣ, каждое движеніе которой обличало при-
сутствіе жизни, вѣчной юности и мощи! Бѣшен-

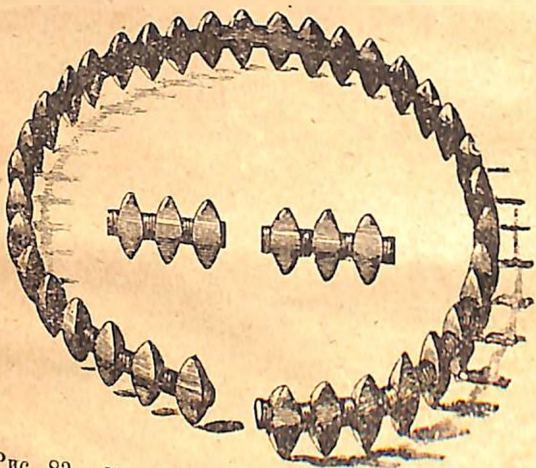

Рис. 83.—Кельтскій браслетъ позднѣйшей эпохи
(Коуламъ, Йоркширъ).

ство вздымаемаго бурей моря, клокотаніе и ревъ
низвергающагося водопада, журчаніе потока, стре-
мительное теченіе рѣки — все это говорило раз-
ными голосами, все было внѣшнимъ признакомъ
присутствія духовъ въ глубинѣ водъ. Милостивые
или вредоносные, смотря по ихъ дѣяніямъ, они
завладѣвали утопленникомъ, какъ своею добычею,
и поглощали все, приносимое имъ въ даръ; они

же сушили ручьи и потоки, или же омывали землю такъ, что она приносила обильный урожай; они питали человѣка, посылая ему рыбу и смывали демоновъ недуга, унося ихъ въ необъятное море. Таково было вѣрованіе перувіанцевъ, когда съ

Рис. 84.—Браслетъ съ чашеобразными концами.

Рис. 85.—Бронзовая серьга (Йоркширъ).

наступленіемъ дождливаго и нездороваго времени года, они съ громкими криками и потрясаніемъ копій, изгоняли духовъ лихорадки на рѣчныя отмели, дабы послѣднихъ унесло въ море. Такъ,

Рис. 86.—Брошка. (Йоркширъ).

среди древнихъ вавилонянъ, больные, погружаясь въ воды Евфрата, умоляли рѣку взять ихъ недугъ и «унести его по теченію». За послѣдніе нѣсколько лѣтъ (можетъ быть это въ тайномъ

употребленіи и досель) крестьяне Мэнкса пользова-
лись для исцѣленія морскою и колодезною водою,
твёрдо вѣря, что она обладаетъ чудесною силою,
если пользоваться ею «въ то время, когда книги
открыты въ церкви», то есть, во время божествен-
ной службы. Всюду мы натываемся на вѣрованіе

Рис. 87.—Морской духъ. Съ рисунка меланезійцевъ.

въ божествѣ океана, моря, великихъ рѣкъ и въ
меньшихъ духовъ—потоковъ, прудовъ и ручьевъ.
«Слѣпой народъ», писалъ старый Джильдасть,
«воздавалъ божескія почести горамъ, колодцамъ и
потокамъ», а въ древней религіи кельтовъ рѣки
въ особенности отождествлялись съ нѣкоторыми
богами и богинями. Полноводныя рѣки были

«матерями» питавшими ихъ; въ крутящихся водоворотахъ таились водяные демоны; озеромъ управляла одинокая царица, въ каждомъ колодцѣ обитала нимфа. Среди морскихъ боговъ были, между прочимъ, — Ноденсъ, которому былъ построенъ храмъ уже во времена нашествія римлянъ въ Лиднеѣ на берегахъ Северна, и Люддъ, имя котораго сохранилось, можетъ быть, въ названіи Людгэта; соборъ св. Павла, какъ полагаютъ, указываетъ мѣсто храма, посвященнаго ему. Имъ соотвѣтствовали: Нептунъ у римлянъ и Посейдонъ, Нерей, Протей и другіе боги у грековъ. У послѣднихъ нимфы распредѣлялись въ слѣдующемъ порядкѣ: океаниды, дочери Океана; перенды, обитавшія въ прохладныхъ пещерахъ и гротахъ, дочери Нерей; и найды, жившія въ свѣжихъ струяхъ потоковъ и ручьевъ. Такимъ образомъ, какъ видѣно, уцѣлѣло древнее почитаніе природы озерными жителями въ этой и другихъ формахъ среди кельтовъ, грековъ и римлянъ. Ибо въ религіи не создается новое, а лишь сохраняется старое. Мать Темза и «Отецъ-Тибръ» показываютъ, что древніе миры укоренились настолько, что сдѣлались неотъемлемою собственностью языка; что касается полчищъ водяныхъ духовъ, то безчисленное множество ихъ названій сохранилось до сихъ поръ. Намъ нѣтъ надобности искать въ Африкѣ, Новой Гренадѣ или Перу примѣровъ принесенія жертвъ водѣ для обезпеченія обильнаго улова; мы найдемъ ихъ среди рыбаковъ шотландскихъ острововъ; одинъ путешественникъ рассказываетъ, какъ жители Льюиса, призывая морского бога по имени Шони, выливали чашу эля въ море, «разсчитывая на обильную морскую добычу». Повѣрье, что спасеніе утопающаго — приносить несчастье, ибо этимъ мы отымаемъ у водяного его законную

добычу, господствуетъ не только среди пидусовъ, малайцевъ и камчадаловъ, но также среди жителей острововъ Кильда. Въ «Пиратъ» Вальтеръ-Скотта, разносчикъ Брисъ предостерегаетъ Мордаунта, спасающаго моряка, потерпѣвшаго крушеніе: «Вы съ ума сошли, говоритъ онъ, вы, жившій такъ долго въ Зетландѣ, вы отваживаетесь спасать утопающаго! Развѣ вы не знаете, что, вернувъ его къ жизни, вы этимъ нанесете величайшій вредъ самому себѣ?»

Доказательствомъ отождествленія рѣкъ съ нѣкоторыми божествами, бывшее въ употребленіи у кельтовъ, служатъ тѣ изъ нихъ, которыя до сихъ поръ носятъ названія Ди или Дева и однородныя съ этимъ имена. «Еще во времена Джеральда предполагали, что Ди предсказываетъ результаты частыхъ войнъ между валлійцами и англичанами, размывая то валлійскій, то англійскій берегъ. Имя другой рѣки указываетъ, что она почиталась божественною въ былыя времена:— Белизама, вѣроятно, теперешній Рибль.

Но главнымъ центромъ суевѣрія служили источники; оно и доселѣ живетъ вблизи нихъ. Великихъ священныхъ рѣкъ, очищающихъ душу отъ грѣха и уносящихъ его прочь, какъ заразу, — очень много; Гангъ является самымъ извѣстнымъ ихъ типомъ; но чудотворный ключъ, часто въ силу его цѣлебныхъ свойствъ, или въ силу его связи съ обрядомъ крещенія, былъ всегда самымъ обильнымъ источникомъ въ высшей степени живучихъ вѣрованій.

Размѣры книги заставляютъ насъ ограничиться бѣглымъ замѣчаніемъ о символическомъ значеніи воды изъ «цѣлительныхъ источниковъ» и т. д. Это обширная область варварскаго мышленія, извѣстная подъ названіемъ «симапетичекой магіи», предпола-

гавшей жизненную связь между предметомъ и человекомъ. Потому еще и теперь, обманутая дѣвушка или оскорбленный человекъ дѣлають грубое глиняное изображеніе своего врага и кладутъ его въ ручей; какъ струя размываетъ глину, такъ недугъ будетъ точить его жизнь до самаго смертнаго дни. Или его имя нацарапывается на кремнѣ, и ему произносятся проклятія, пока брошенный камень летитъ въ воду; или въ грудь глиняной фигуры втыкають булавки, дабы кинжалъ пронзилъ сердце врага. Священные деревья тѣсно связаны съ ключами; на ближайшихъ къ нимъ большие вѣшали грядки или доскутки одежды, служившіе проводниками для передачи ихъ недуговъ. Затѣмъ есть цѣлая масса счастливыхъ и зловѣщихъ предзнаменованій, связанныхъ съ вѣшнымъ видомъ воды; напримѣръ, по ея струямъ узнають здоровье или болѣзнь человека; кидаютъ какой-нибудь предметъ въ минеральный источникъ и считаютъ количество всплывающихъ пузырьковъ, — влюбленный высчитываетъ по нимъ, сколько мѣсяцевъ или лѣтъ должно пройти до возвращенія отсутствующей, или до дни свадьбы. Вода служитъ также орудіемъ для испытанія нечистой силы: стоитъ бросить въ нее предполагаемаго колдуна. Если несчастный утонулъ, это было явнымъ доказательствомъ, что сатана ухватился за свою собственность; если иногда, по жестокой ироніи, опъ всплывалъ на поверхность, то, очевидно, священный потокъ не хотѣлъ принимать преступника. Въ этомъ — глубокая мысль объ отношеніи между водою и смертью. Жизнь, какъ и доселѣ вѣрить простонародье, уходитъ съ отливомъ; суевѣріе, которымъ пользуется Дикенсъ въ описаніи смерти въ «Давидъ Копперфильдъ»: «когда вода пошла на убыль, и онъ ушелъ съ отливомъ».

Мы остановимся немного долѣе на этихъ первобытныхъ понятіяхъ человѣка и на его отношеніяхъ къ окружающему міру; можетъбыть, примѣры, взятые нами помогутъ намъ уяснить преемство вѣрованій и тожество обычаевъ, преобладавшихъ со дня появленія человѣческой мысли. Старое упорно пробивается сквозь новое, такъ какъ корни того и другого развились на одной и той же почвѣ. Наиболее яркимъ примѣромъ того служить жалоба духовнаго совѣта, принесенная въ Дургамъ въ 1220 году, когда былъ изданъ приказъ запираеть на замокъ купели, такъ какъ народъ уносилъ крестильную воду и употреблялъ для суевѣрныхъ обрядовъ. Многія изъ нашихъ средневѣковыхъ купелей носятъ слѣды пробоя и скобки, которыми запирались онѣ прежде на замокъ.

Кромѣ браслетовъ, вызвавшихъ эти замѣчанія, тамъ были найдены выгравированные камни своеобразной формы, указывающіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, на нѣкіе фазисы почитанія природы. Но останавливаться на этомъ долѣе, значило бы только — увеличивать число примѣровъ разнообразно выраженнаго внѣшняго проявленія одной и той же основной идеи. Заимствуя химическое выраженіе, мы можемъ назвать вѣрованія первобытныхъ людей аллотропическими. То-есть, какъ брилліантъ и кусокъ каменнаго угля — различныя комбинаціи атомовъ одного и того же вещества, такъ и эти вѣрованія одинаковы по существу, но различны по соединенію входящихъ въ составъ ихъ элементовъ.

Къ почти повсемѣстному обычаю сожженія мертвецовъ въ бронзовомъ вѣкѣ люди прибѣгли, вѣроятно, чтобы отдѣлаться отъ душъ умершихъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ зарывая ихъ тѣла въ землю, налагая на нихъ большія тя-

жести и отдѣляя ихъ круглою оградою. Сожженіе какъ бы равнялось уничтоженію; согласно вѣрованію дикарей, между тѣломъ и душою существовала органическая связь, а потому, безтѣлесная, неприютная душа должна была паносить меньше вреда. Въ то время, какъ первоначальною причиною, вызвавшею этотъ обычай служило, безъ сомнѣнія, полное уничтоженіе связи между душою и тѣломъ, послѣдній былъ воспринятъ въ особенности кочевыми народами, которые, оставляя позади себя своихъ мертвецовъ, не были въ состояніи возобновлять умиловительные дары на ихъ могилахъ. Отсюда сожженіе тѣлъ, предотвращавшее преслѣдованія и терзанія живыхъ позабытыми душами умершихъ.

Тѣмъ не менѣе, древнее представленіе о могилѣ, какъ о жилищѣ покойника, осталось въ прежней силѣ. Большое количество такъ называемыхъ «домовъ-урнъ» было найдено въ различныхъ мѣстностяхъ Европы; эти урны, расходясь лишь въ деталяхъ, всѣ сходны между собою, какъ вмѣстилища пепла, собраннаго съ похоронныхъ костровъ. Они служатъ подражаніемъ ульевиднымъ или округленнымъ хижинамъ первобытнаго индоевропейскаго типа; стѣны ихъ были, вѣроятно, изъ земли, вѣтокъ или иного непрочнаго матеріала. Крыша была изъ соломы или камыша, и поддерживалась балками, какъ и въ настоящихъ домахъ, сдѣланныхъ изъ дерева. Въ нѣкоторыхъ германскихъ погребальныхъ урнахъ дверь намѣчена въ крышѣ; въ дѣйствительныхъ жилищахъ она помѣщалась тамъ, ради защиты отъ дикихъ звѣрей. Урны съ входомъ въ стѣнѣ изображаютъ позднѣйшій типъ домовъ. Одна урна, очевидно, скопирована съ озернаго жилища съ прибавленіемъ украшенія въ видѣ двойныхъ спиралей — характер-

ный рисунокъ бронзоваго вѣка. Какъ ни полезенъ и благодѣтеленъ въ санитарномъ отношеніи обрядъ сожженія, но онъ имѣетъ и дурную сторону, препятствуя сохраненію предметовъ, проливающихъ свѣтъ на одежду и обычаи народа; по счастью, нѣсколько могилъ добавляютъ то, что было собрано по этому вопросу въ озерныхъ жилищахъ бронзоваго вѣка.

Въ своемъ трудѣ о послѣдовательномъ чередованіи металловъ Шрадеръ указываетъ на борьбу между золотомъ и серебромъ изъ-за первенства въ раннюю эпоху. «Бѣлый» металлъ, какъ онъ долго назывался какъ на арійскихъ, такъ и на не-арійскихъ нарѣчіяхъ, въ продолженіе долгаго періода времени предпочитался «желтому» металлу (корень *ghel* — желтый), вѣроятно, какъ рѣже встрѣчавшемуся, находимому только въ горахъ, а потому добывавшемуся съ большимъ трудомъ.

Турецко-татарское названіе серебра происходитъ отъ корня, означающаго «прятать»; оно указываетъ на трудность добыванія металла. Трудно намѣтить караванныя дороги, по которымъ оно развозилось въ разныя стороны, но, вѣроятно, богатые залежи его въ Арменіи служили центромъ, отъ котораго расходились пути на востокъ и на западъ. Говоря о германскихъ племенахъ въ ихъ домашнемъ быту, Тацитъ замѣчаетъ: «Они предпочитаютъ серебро золоту, не изъ-за какой-либо особенной любви къ нему, а потому что оно удобнѣе для обращенія среди торговцевъ дешевыми и заурядными предметами». Что свинецъ былъ извѣстенъ ранѣе желѣза, это видно изъ раскопокъ доктора Шлимана въ наслоеніяхъ бронзоваго вѣка въ Микенахъ, гдѣ этотъ металлъ былъ найденъ въ большомъ количествѣ. Что мѣдь предшествовала открытію желѣза, это доказывается,

между прочимъ, примѣненіемъ ея имени къ названію позднѣйшаго металла. Такъ, напримѣръ, германское *eisen*, кельтское — *eisarn*, англійское — *iron* — всѣ они происходятъ отъ латинскаго *aes* — мѣдь. Древніе мексиканцы также употребляли одно и то же названіе для обоихъ металловъ. Нѣкоторые изъ названій, данныхъ орудіямъ, употребляемымъ кузнецами, указываютъ на то, что первоначально послѣдніи дѣлались изъ камня. Англійское названіе молотка происходитъ отъ англо-саксонскаго «*hamog*» — скала, а греческія слова «кузнецъ» и «кузница» — отъ слова, означающаго мѣдь. Если «*sideros*», греческое названіе желѣза, однороднаго происхожденія съ «*aster*» — звѣзда (лат. *sidus* — звѣзда), то это, можетъ быть, указываетъ, какъ это уже замѣчалось среди эскимосовъ и другихъ дикихъ племенъ, что этотъ металлъ впервые сталъ извѣстенъ въ формѣ метеорнаго желѣза; онъ составлялъ преобладающее вещество въ составѣ тѣлъ, падающихъ изъ атмосферы, называемыхъ «аэролитами» или «воздушными камнями». Названіе желѣза у коптовъ, какъ говорятъ, означаетъ въ буквальномъ переводѣ «камень съ пеба»; ту же мысль мы находимъ въ финской эпической поэмѣ «Калевала», гдѣ красное молоко, вытекающее изъ груди дѣвы Радуги, превращается въ желѣзо, отправляющееся навѣстить своего брата огня. Огонь пытается поглотить его, но желѣзо спасается въ болота, гдѣ овладѣваетъ имъ божественный кузнецъ Ильмаринъ и выковырываетъ изъ него «мечи для героевъ и застежки для женщинъ». Желѣзо уже было извѣстно на берегахъ Чернаго моря и въ другихъ мѣстностяхъ востока во времена Гомера (около 850 л. до Р. Х.); насколько оно уже было въ употребленіи въ Азіи раньше этого — неизвѣстно. Какъ уже сказано

выше, о немъ упоминается въ Иліадѣ и въ «Трудахъ и Дняхъ» Гезіода, поэмѣ современной съ первой. Какими путями употребленіе желѣза разошлось по Европѣ— мудроно сказать, но что распространеніе его совершилось весьма быстро, видно изъ того, что, когда римляне были окружены галлами при Бреннѣ въ четвертомъ вѣкѣ, они нашли презираемыхъ ими дикарей вооруженными желѣзными мечами. И, хотя и упоминается о томъ, что вѣкоторые саксонцы, принимавшіе при Гарольдѣ участіе въ битвѣ при Сенлакѣ въ 1066 году, сражались съ каменными молотами въ рукахъ, но это объясняется, вѣроятно, недостаткомъ металлическаго оружія. Какъ бы то ни было, съ появленіемъ желѣзнаго орудія и оружія оканчивается исторія первобытнаго человѣка.

Въ желѣзномъ вѣкѣ нѣтъ больше мѣста волшебницамъ и вѣдьмамъ. Онѣ не смѣютъ показаться тамъ, гдѣ висятъ куски этого металла: отсюда обычай прибивать подковы на дверяхъ конюшенъ и корабельныхъ мачтахъ, хотя теперь считаютъ только, что онѣ приносятъ счастье. Обрей говоритъ намъ, что «на Бермудскихъ островахъ принято кидать желѣзо въ огонь при явленіи вѣдьмы»; онъ прибавляетъ: «на паперти Станифильдской церкви въ Суффолькѣ, я увидалъ прибитую надъ входомъ подкову для предохраненія отъ вѣдьмъ, хотя, казалось бы, для этого достаточно и другихъ средствъ».

ГЛАВА VI.

З а к л ю ч е н і е.

Предшествующій очеркъ первобытной исторіи человѣка указываетъ намъ, что человѣкъ всюду пролагалъ себѣ путь, прорубая и расчищая его «ст грубымъ орудіемъ и оружіемъ въ рукахъ». Изъ этого очерка видно также, что цивилизованный человѣкъ сохраняетъ и, въ значительной степени, раздѣляетъ «первобытныя» понятія своихъ предковъ объ окружающемъ мірѣ. Такимъ образомъ мы узнаемъ и то, что онъ «дѣлалъ», и то, что онъ «думалъ». И какъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ онъ пользовался одними и тѣми же каменными орудіями, такъ при таковомъ же культурномъ уровнѣ, онъ подобнымъ же образомъ уяснялъ себѣ сходные предметы и относился къ нимъ соответственнымъ образомъ. Обычаи и вѣрованія современныхъ дикарей окончателно убѣждаютъ насъ въ этомъ.

По этимъ примѣрамъ, почерпнутымъ изъ прошлаго и настоящаго, указывающимъ сходное употребленіе предметовъ и сходный образъ мыслей, мы видимъ, что единство человѣческаго рода отражается и на насъ. Мы напрасно думаемъ, что такъ сильно измѣнились; если по своей культурности мы еще очень молоды, то по сложению и наследственнымъ наклонностямъ каждый изъ насъ насчитываетъ сотни тысячъ лѣтъ. Въ поясненіе этого мы можемъ сказать, что вліяніе немногихъ поколѣній, дѣйствующихъ на насъ внѣшнимъ образомъ, очень слабо сравнительно съ вліяніемъ незапамятнаго прошлаго, унаследованнаго нами отъ нашихъ предковъ. Этимъ объясняются харак-

терныя особенности нашего умственнаго и физическаго склада.

Но есть другіе факты, которые не отражаются на насъ такъ замѣтно. 1) Огромные періоды времени, отдѣляющіе человѣка на самой низкой ступени развитія, хотя бы, расщепливающаго кремни въ долинѣ Темзы или Соммы, отъ Платона и Шекспира, Аристотеля и Ньютона, или отъ высшихъ современныхъ типовъ. Однако, въ эти періоды онъ развивался; послѣдніе типы являются результатомъ этого развитія. 2) Долгіе однообразныя вѣка, когда человѣкомъ руководили только дикіе звѣрскіе инстинкты, равнѣе чѣмъ ему данъ былъ толчекъ, подвинувшій его впередъ, какъ это сдѣлало, напримѣръ, открытіе металловъ. До этого событія мысль и руки человѣка вели его до извѣстнаго предѣла, останавливавшаго дальнѣйшее движеніе. Тѣмъ не менѣе, всѣ задатки уже были валицо, и мы можемъ прослѣдить ихъ развитіе. Начиная съ лишешныхъ рукояти каменныхъ орудій и оружія, кончая современными машинами; начиная съ плетенья одежды изъ травы, кончая современными фабриками; начиная съ татуировки и раковинныхъ украшеній, кончая рѣдкими ювелирными произведеніями; отъ вигвамовъ и глиняныхъ хижинъ до домовъ и дворцовъ; отъ груди надгробныхъ камней до пирамидъ; отъ кромлечей до буддійскаго храма и христіанскаго собора; отъ нацарапанныхъ на камнѣ рисунковъ да статуй Фидія и картинъ Рафаеля; отъ звенящей тетивы лука до скрипки Страдиваріуса; отъ писанія образами до азбуки; отъ подражательныхъ тѣлодвиженій и звуковъ до богатаго словами языка; отъ счета по пальцамъ до вычисленій надъ трилліонами; отъ измѣренія различными частями тѣла: ногою, рукою, ладонью, обхватомъ — до геометріи; отъ

челнока до линейнаго корабля, отъ долбленой тыквы, рогового или смазаннаго глиною сосуда до сервскаго фарфора; отъ жизни семьи до единства племени и, наконецъ, цѣлаго народа; отъ работы по-одиночкѣ до раздѣленія труда между законодателемъ, земледѣльцемъ, купцомъ и солдатомъ; отъ грубыхъ обрядовъ и кровавыхъ жертвъ, приносимыхъ предкамъ, мѣстнымъ богамъ, боготворимой природѣ,—до поклоненія Высшему Существу; отъ миеовъ и подобныхъ имъ догадокъ до науки и ея истинъ; отъ алхиміи до химіи; отъ астрологій до астрономіи; эти и тысячи другихъ градацій помогаютъ намъ прослѣдить тотъ путь, по прошествіи котораго высшія человѣческія расы подчинили себѣ весь окружающій міръ и заставили его служить себѣ.

3. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что какъ протѣйшіе организмы остаются неизмѣнными съ самаго начала и всегда составляютъ преобладающее большинство, такъ и расы, застывшія на извѣстной стадіи развитія значительно превышаютъ численностью другія, болѣе культурныя. Ибо прогрессъ—современное понятіе, принадлежащее Западу. Народы Востока, изъ которыхъ мы можемъ теперь исключить японцевъ, ненавидятъ его. Какъ говоритъ Генри Мэнъ въ своемъ «Народномъ Правленіи», весь магометанскій міръ не переноситъ его. Такъ же враждебно относится къ нему огромная масса цвѣтнаго населенія Африки. Милліоны милліоновъ людей, наводняющихъ Китайскую Имперію, чувствуютъ къ нему отвращеніе, даже болѣе, презираютъ его. Вальтеръ Бэддингтъ говоритъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи «Физика и Политика»: «Всякій прогрессъ—крайне рѣдкое явленіе. Неподвижное состояніе челоука, по скольку его описываетъ исторія,

слѣдуетъ принять за правило: прогрессирующее состояніе являются рѣдкимъ и случайно встрѣтившимся исключеніемъ». Дикія расы, а въ этомъ случаѣ и цивилизованныя, только въ меньшей степени, связаны по рукамъ и по ногамъ, обычаемъ, вѣрованіемъ въ дурныя и хорошія примѣты, парализующими всякое проявленіе энергій; они не рѣшаются на то, или на другое изъ боязни предполагаемаго божественнаго одобренія или воспрещенія, которая не даетъ имъ выйти изъ заколдованнаго круга злоупотребленій, лжи и самообмана. Всѣ люди болѣе или менѣе обладаютъ инстинктомъ подражанія. Капитанъ Пальмеръ говоря о жителяхъ Фиджи, рассказываетъ, «что однажды ихъ вождь перебирался черезъ горный проходъ, сопровождаемый длинною вердницею своего народа; ему случилось оступиться и упасть; вся свита тотчасъ сдѣлала тоже, за исключеніемъ одного человѣка; остальные, видя это, тотчасъ же съ страшнымъ негодованіемъ закричали: ужъ не считаешь ли онъ себя лучше вождя? Туземецъ Фиджи, не согласившійся падать, когда споткнулся его вождь, олицетворялъ тѣ немногія души, которыя осмѣлились предположить, что всякая вещь имѣетъ свою обратную сторону; таковымъ образомъ онъ открыли дорогу къ изслѣдованію, этому единственному пути прогресса. Ихъ распинали, жгли на кострахъ, они долгіе годы томилась въ темницахъ. Узкіе интересы и апатія всегда были врагами передового движенія, такъ сильно было отвращеніе ко всякой нововидѣи, такъ велико «страданіе отъ всякой новой идеи», такъ преобладало чувство надъ разумомъ, вѣрованіе, не требовавшее умственнаго усиленія, да, каждой знанія пытливаго, неуклоннаго ума. Да, конечно, прогрессъ—современное понятіе, въ са-

момъ широкомъ и благородномъ значеніи этого слова, онъ едва только начался. Ибо увеличеніе знанія только одинъ изъ двигателей прогресса по столько, по сколько оно наводитъ народъ на мысль объ общественныхъ вопросахъ, о томъ какъ уравнивать шансы борьбы за существованіе, принимающей все болѣе и болѣе острый характеръ. Правда, что исторія какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ, уясняя намъ въ значительной степени причины роста человѣчества, приостановки его и упадка, въ то же время указываетъ на его безпомощность передъ великими силами природы. «Предѣлы, не нами положенные, составляютъ условіе всѣхъ нашихъ дѣйствій». Но въ этихъ предѣлахъ такъ много простора для человѣческой дѣятельности, что мудрое направленіе ея должно быть нашею главною заботою. «Нѣтъ глаза слишкомъ зоркаго, чтобы обзрѣть столь обширный міръ, нѣтъ терпѣнья слишкомъ глубокаго, чтобы разобратся во всѣхъ его богатствахъ».

704